

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОНЛАЙН 2020

Часть 3

Уголовно-правовые риски экономической деятельности

Качество правоприменения в уголовном судопроизводстве
и его влияние на социально-экономическое развитие

Современные цифровые технологии противодействия
кибертерроризму и киберэкстремизму

Противодействие преступности как фактор стабильного
социально-экономического развития общества

Экосистема адвокатуры и качество правовой среды

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОНЛАЙН 2020

Сборник тезисов докладов

Часть 3

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2020

УДК 34(470 + 571)
ББК 67.4(2)
М 825

Председатель редакционного совета:

Синюков В. Н., проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Редакционный совет:

Звечаровский И. Э., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, **Воскобитова Л. А.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, **Мацкевич И. М.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права, **Ищенко Е. П.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, **Володина С. И.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры, **Бимбинов А. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, **Воронин В. Н.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, **Вилкова Т. Ю.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, **Антонян Е. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, **Комиссарова Я. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, **Поспелов О. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры.

М 825 Московский юридический форум онлайн — 2020 : сборник тезисов докладов : в 4 ч. Ч. 3. — Москва : РГ-Пресс, 2020. — 283 с.
ISBN 978-5-9988-0949-1
ISBN 978-5-9988-0952-1 (ч. 3)

В апреле — мае 2020 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась серия научных мероприятий в онлайн-формате. В сборник включены материалы онлайн и заочных конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием. Доклады представлены учеными, преподавателями и практиками из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, обучающихся юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 34(470 + 571)
ББК 67.4(2)

Научное издание
МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОНЛАЙН — 2020

Часть 3
Сборник тезисов докладов

Подписано в печать 24.09.2020. Формат 60х90/16.

ISBN 978-5-9988-0949-1
ISBN 978-5-9988-0952-1 (ч. 3)

© Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

II Бизнес-конференция

Уголовно-правовые риски экономической деятельности.....	4
---	---

Международная научно-практическая конференция

Качество правоприменения в уголовном судопроизводстве и его влияние на социально-экономическое развитие.....	136
---	-----

Круглый стол

Современные цифровые технологии противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму.....	178
--	-----

Научно-практическая конференция

Противодействие преступности как фактор стабильного социально-экономического развития общества	198
---	-----

Научно-практическая конференция

Экосистема адвокатуры и качество правовой среды	263
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Арзамасцев М. В.,

*доцент кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кандидат юридических наук*

Осуществление субъективного права в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния

В теории уголовного права традиционно, хотя и обычно кратко обсуждается общая проблема оценки причиняемого вреда при использовании субъективного права. Так, еще Н. С. Таганцев выделял основания и условия, при которых «должен быть признан уголовно безответственным и тот, кто причиняет вред благам другого лица при осуществлении собственного права»¹, и приводил пример признания Уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената не указанного в законе права каждого на производство обыска у заподозренного лица², очевидно затрагивающего его честь, достоинство и личную неприкосновенность.

Историческая преемственность продолжается в настоящее время Конституционным Судом РФ, который приходит к выводу, что правомерное использование своих прав не должно влечь для гражданина неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной или административной ответственности³. Тем самым этот Суд распространяет правовые последствия использования права на сферу публично-правовой ответственности, признавая его обстоятельством, исключающим наказуемость деяния, а также обозначая в качестве его обязательного признака (условия) — правомерность.

Между тем такое значение правомерного осуществления своего права остается нередко незамеченным специалистами, изучающими практику Конституционного Суда РФ по вопросам оценки конституционности уголовного закона. Так, Д. А. Дорогин не выделяет его в числе исключающих уголовную ответственность обстоятельств, развиваемых в практике Суда⁴. В системе конституционных основ Общей части уголовного

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001. С. 415.

² Там же. С. 416.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54 постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2012 № 12-П // СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2921 постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П // СЗ РФ. 2019. № 47. Ст. 6737.

⁴ Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. М., 2017. С. 82–101.

права С. А. Антипов анализирует только использование определенных способов самозащиты своих прав¹, но не осуществление любых прав.

Возможно, такое невнимание к этой проблеме связано с тем, что правомерность действий лица, реализующего свои права, кажется настолько очевидной, что вопрос об уголовной ответственности за такое поведение даже и не возникает. Но из такого анализа выпадают ситуации, когда формально не запрещенное осуществление субъективного права причиняет столь существенный вред, что это не может оставаться без оценки уголовным правом.

Конечно, в базовое содержание любого субъективного права не может включаться правомочие на причинение вреда другому субъекту. Необходимость в уголовно-правовой оценке возникает не в связи с фактом наличия или отсутствия субъективного права (обычно входящего в конституционную, гражданскую или иную правосубъектность), а с его осуществлением, выбором для этого тех способов и форм, которые затрагивают интересы иных лиц, общества или государства. Именно эти объективные обстоятельства переводят проблему в уголовно-правовую плоскость.

При этом сам по себе вред еще не предопределяет уголовно-правовую оценку деяния, потому что он может быть, как принято считать, преступным и не преступным, включающим общественно опасный и социально полезный или допустимый, правомерный вред². Вопрос о социальной пользе вреда (что само по себе звучит как оксюморон) безусловно является неоднозначным, но здесь важнее, что какие-то обстоятельства оправдывают его причинение. Можно согласиться с тем, что «действия, причинившие ущерб правоохраняемым интересам, признаются правомерными, но от этого вредоносная сущность таких действий не изменяется»³. Важным следствием этого является вывод о том, что даже вредные последствия осуществления субъективного права еще не означают уголовную противоправность поведения лица.

Наиболее существенно, что реализация права не должна сопровождаться злоупотреблением, которое по сути является превышением соответствующих пределов и может влечь ответственность⁴. Поскольку же рамки любого правового поведения гарантируют от излишнего вмешательства государства в деятельность субъектов права⁵, то определение водораздела между правомерным и запрещенным причинением вреда вследствие использования лицом своих правомочий, одновременно как ограничивает законодателя от вмешательства в субъективную сферу личности, так и предупреждает выход гражданами за пределы своего субъективного права. Смещение же этой границы очень чувствительно, поскольку означает либо уменьшение объема прав личности, либо снижение уголовно-правовой охраны тех или иных объектов.

¹ Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права: монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2012. С. 83–90.

² Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // *Lex russica*. 2016. № 8. С. 64.

³ Михайлов В. О структуре норм, закрепляющих ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключаящие преступность деяния) // *Уголовное право*. 2010. № 4. С. 39.

⁴ Щелконогова Е. В. Перспективы развития института обстоятельств, исключаящих преступность деяния // *Российский юридический журнал*. 2014. № 1. С. 85–92.

⁵ Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: учебник для вузов. М., 1995. С. 162.

В систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, уже предлагалось включить осуществление «законного права»¹, «своего права»² или «собственного права»³. Однако сами эти формулировки не равнозначны, поскольку под осуществлением законного права часто понимается исполнение закона.

Например, КС РФ указывал на недопустимость ответственности лица за совершение им действий, правомерных и обязательных в силу императивных публично-правовых норм⁴, или разрешенных законом, регулирующим соответствующую сферу отношений, т.е. законных по своему существу⁵.

Иногда исследователи также считают критерием уголовно-правовой оценки субъективного права, что оно должно осуществляться в рамках, определенных законом, и в тех формах, которые им разрешены⁶. Вместе с тем такое причинение вреда не может рассматриваться как продолжение осуществления права. Для личных свобод или естественных прав установленный законом порядок не выступает основанием их осуществления. Отдельные вопросы, такие как определение тайны частной жизни, и вовсе составляют исключительно сферу полномочий личности.

Если исполнение закона прямо разрешает или обязывает при наступлении определенных условий действовать несмотря на то, что это может повлечь причинение вреда⁷, то право осуществляется свободно. Причем «свобода сущностно предполагает правовую неопределенность», а «право лишь задает внешние границы этой свободы»⁸. Конституции как юридический феномен появляются с целью установления пределов скорее для государств, чем для частных лиц⁹. В самого же человека «определенно встроена порция непредсказуемости»¹⁰. Тем самым к оценке использования субъективного права неприменимо понимание его как совершаемого исключительно в силу требований закона. Если для государственных слуг законодатель создает рельсы (пусть и с развилками в дискреционных точках), следование которым (то есть собственно исполнение закона) является их обязанностью и потому исключает для них уголовную ответственность, то для большинства прав граждан он может лишь определить границы, выход за которые является недопустимым.

¹ Мордовина А. А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.

² Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 384.

³ Савинский А. В. Достаточен ли перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния? // Российский следователь. 2016. № 4. С. 47–50.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П // СЗ РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

⁶ Кадников Н. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 1998. С. 41.

⁷ Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40.

⁸ Пресняков М. В. Конституционно-правовая сущность естественных прав: проблема позитивного закрепления // Современное право. 2014. № 10. С. 22.

⁹ См.: Должиков А. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 83.

¹⁰ Арановский К. В., Князев С. Д. Конституция и безопасность // Государство и право. 2018. № 1. С. 18.

Отсутствие в уголовном законе специальной нормы об оценке осуществления права как обстоятельства, исключającego преступность деяния, может быть объяснено тем, что сами права, а также общие принципы их осуществления не регламентируются уголовным правом. Фактически это вопрос взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права, который в силу отсутствия между ними приоритета (по оценке А. В. Денисовой между ними возникают координационные связи, характеризующиеся горизонтальным соотношением, а не подчинением¹) может быть разрешен лишь на более высоком — межотраслевом или конституционном — уровне.

Правомерное осуществление субъективного права не равнозначно исполнению закона или обязанности и должно считаться самостоятельным обстоятельством, исключającym преступность (общественную опасность и уголовную противоправность) деяния. Поскольку же законными вариантами поведения управомоченного лица могут считаться любые не запрещенные государством, а уголовный запрет базируется на оценке общественной опасности деяния, то одного лишь факта наличия субъективного права еще недостаточно для признания причиненного вреда правомерным.

Конечно, уголовное право уже разработало критерии правомерности для вынужденного причинения вреда правам других участников общественных отношений, в том числе лицом, реализующим свои права в рамках необходимой обороны, крайней необходимости и при других обстоятельствах, исключających преступность деяний. Однако за рамками действующего уголовно-правового регулирования таких обстоятельств остается иная проблема, когда лицо действует свободно как в вопросе определения права, выбираемого лицом для реализации, так и по способам его осуществления.

Поэтому чаще всего невозможно определить все правомерные формы осуществления субъективного права. Именно вследствие свободной реализации субъективного права допустима ответственность за злоупотребление им, однако необходима дальнейшая конкретизация критериев оценки таких деяний, поскольку сама по себе вредоносность еще не превращает их в преступление.

В литературе предложены различные группы признаков, характеризующих злоупотребление субъективным правом. Например, использование права не по его прямому назначению, а также наступление вреда²; сочетание формального критерия (запрещенность деяния) с аксиологическим³. Часто, исходя из буквального смысла (употребление во зло), акцент делается на субъективных признаках злоупотребления: корыстной и иной личной заинтересованности, эгоистическом воплощении в процедуру использования прав лишь своих интересов в ущерб правам и (или) законным интересам других лиц, чем искажается цель правового регулирования, воплощенная законодателем⁴.

Поскольку «реальное злоупотребление, ведущее к ответственности, определяется *ex post*»⁵, в законе почти невозможно учесть все виды прав, использование которых может влиять на охраняемые права других лиц. Соответственно, чаще всего в законодательном

¹ Денисова А. В. Системность российского уголовного права: монография. М., 2018. С. 288.

² Кожевников В. В., Денисенко Е. М., Лавров Ю. Б. О понятии злоупотребления правом в сфере публично-правовых отношений // Современное право. 2018. № 12. С. 5–9.

³ Антонов В. Ф. Содержательная характеристика злоупотребления правом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 80–84.

⁴ Бармина О. Н. Злоупотребление правом / отв. ред. В. А. Кодолов. Киров, 2015.

⁵ Шайо А. Злоупотребление основными правами, или парадоксы преднамеренности // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 167.

описании признаков преступлений отражаются охраняемые объекты (в том числе права потерпевшего), а не способы злоупотребления вторым участником общественных отношений своими субъективными правами, которые могут приобретать — вследствие его свободных действий — разнообразные черты. К примеру, ст. 138 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение тайны переписки и смежных конституционных прав, без конкретизации способа.

В случае же выбора иного варианта — закрепления в уголовном законе описания противоправных видов деяний, может возникать обратная ситуация, когда способ осуществления субъективных прав формально запрещен, а вред охраняемым объектом вынесен за рамки конструкции состава преступления. Например, А. А. Малиновский еще до внесения ст. 110.1 и 110.2 УК РФ указывал на ненаказуемость пропаганды самоубийства, прогнозируя возможную ее наказуемость¹. И хотя сегодня законодатель запрещает побуждение к совершению самоубийства, он ограничивает свободу слова и творчества в этой части только в одной форме: распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства. Иное (косвенное) побуждение (например, выход книги Гете «Страдания юного Вертера» повлек волну подражающих самоубийств) ненаказуемо. Одновременно не включены в конструкцию ст. 110.2 УК РФ и последствия.

Наконец, третий вариант может связывать уголовную наказуемость деяния с мотивами и целями управомоченного субъекта. Так, ст. 155 УК РФ устанавливает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) не только для лица, действующего вопреки своей обязанности хранить этот факт как служебную или профессиональную тайну, но и для любого лица, в том числе осуществляющего свои права на свободное распространение информации из корыстных или иных низменных побуждений.

Конечно, возможна и комбинация этих признаков. В конкретном случае оценка правомерности использования права зависит от выбранного способа его реализации и последствий, в том числе затронутого права другого лица и степени воздействия на это право, а также субъективных признаков (целей и мотивов). Причем даже в тех случаях, когда они не включены законодателем в диспозицию статьи, они влияют на оценку степени общественной опасности деяния, а потому подлежат учету судом. Однако приходится констатировать отсутствие в уголовном праве (и тем более в уголовном законе) разработанных правил такой оценки.

В целом даже социально неодобряемые формы использования субъективного права, если они не затрагивают права других лиц или публичные интересы, не должны, как правило, влечь уголовную ответственность.

Ранее к уголовно-правовым случаям осуществления субъективного права были отнесены: уничтожение собственного имущества, самоуничтожение или повреждение своего здоровья². Но более точно здесь говорить, как об отсутствии выхода за пределы своего права, так и об отсутствии объекта уголовно-правовой охраны, поскольку уголовное право в основном не предназначено для защиты интересов человека от самого себя. Исключение здесь составляют случаи, когда подобное осуществление права дополнительно нарушает какие-либо юридические обязанности. Наиболее типична в этом

¹ Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2010. С. 190–191.

² Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 157.

смысле наказуемость по ст. 339 УК РФ уклонения военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство).

Также важно правильное понимание носителя первоначального субъективного права или его действительного правообладателя. Если существо того или иного права допускает возможность его делегирования иному лицу, а в законе не установлены специальные запреты и ограничения этого, право может делегироваться другому субъекту, действия которого — в чужом интересе — являются правомерным осуществлением субъективного права, хотя и не своего, а принадлежащего другому лицу. В случае же введения законодательных пределов делегирования права основным нарушителем является не носитель права, а лицо, воспользовавшееся неправомерно полученным «чужим» правом.

Например, вопросы делегирования права на охоту (с чем была связана оценка деяния по ст. 258 УК РФ) рассматривались Конституционным Судом РФ применительно к традиционному образу жизни членов общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Восток. Исходя из сформулированных Судом правовых позиций¹ можно сделать выводы, что традиционная охота выступает основой существования и самобытности для лиц из числа этих народов, ее свободное (без каких-либо разрешений) осуществление ограничивается естественным пределом — объемом добычи охотничьих ресурсов, необходимым для удовлетворения личного потребления, а право на охоту является жизнеобеспечивающим для каждого члена общины (независимо от возрастных и физических возможностей), которые могут поручить осуществление своего права охоты другим лицам — охотникам.

В отечественном уголовном праве оценка причинения вреда обычно связывается с сопоставлением прав (или охраняемых объектов) по принципу приоритета. Так, Н. С. Таганцев по-разному оценивал права личные и имущественные, он исходил из того, что «одно право первенствует перед другим». Вследствие этого им было сформулировано правило: нарушение чужого имущественного права при осуществлении собственного ненаказуемо, — которое однако не могло в полной мере применяться к «самоуправному» нарушению личных прав². В настоящее время приоритетность права на жизнь трансформируется в ч. 1 ст. 37 УК РФ в право на ее защиту от общественно опасного посягательства любым способом и с причинением любого по характеру и объему вреда посягающему лицу³. Представляется, что с уголовно-правовой точки зрения нельзя абсолютизировать ни одно из субъективных прав.

Анализ постановления Конституционного Суда РФ⁴ по делу И. Дадина показывает, что в нем выделены три уровня ограничений законодательной дискреции в установлении ответственности за последствия злоупотребления правом на свободу собраний: если деяние не повлекло причинение или реальную угрозу причинения вреда конституци-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.2019 № 21-П // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2902.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 415–416.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

онно охраняемым ценностям, оно не может быть запрещено уголовным законом (незначительное нарушение). В случае причинения незначительного вреда законодатель вправе признать такое деяние преступлением (умеренное нарушение), но установить за него санкцию в виде лишения свободы можно лишь при причинении (угрозе причинения) существенного вреда (серьезное нарушение).

Соответственно, можно сформулировать правило о том, что уголовная ответственность за злоупотребление лицом своим конституционным правом недопустима, если само злоупотребление носит незначительный характер или влечет незначительные последствия (в том числе в виде незначительного нарушения права другого лица). Дифференциация публично-правовой ответственности за умеренные и серьезные отступления от правомерного использования конституционного права должна осуществляться с учетом соответствующей степени нарушения прав других лиц.

Таким образом, осуществление субъективного права должно считаться самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния. Ответственность может влечь только злоупотребление правом, признаки которого, свидетельствующие о выходе лица за пределы правомочий, должны быть конкретизированы в уголовном законе. При этом необходимо обеспечивать принцип пропорциональности в отношении как охраняемого, так и ограничиваемого права, учитывать особенности способа и целей или мотивов поведения.

Афанасова М. С.,
соискатель кафедры уголовного права,
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»

К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, в контексте главы 15.1 УК РФ

Системное толкование гл. 15.1 УК РФ (в ее взаимосвязи с гл. 9 уголовного закона), конструкций ее статей, позволяет позиционировать конфискацию имущества и связанные с ней меры возмещения причиненного ущерба от преступления как принудительные меры уголовно-правового характера.

Действительно, в законе (ст. 104.3 УК РФ) сказано: «1. При решении вопроса о конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 и 104.2 настоящего Кодекса в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. 2. При отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме указанного в частях первой и второй ст. 104.1 настоящего Кодекса, из его стоимости возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства». Соответствующая статья прямо называется «Возмещение причиненного ущерба». Тем не менее возникает вполне резонный вопрос — насколько реализацию правил, касающихся конфискации имущества мы можем отнести к ситуациям принудительного возмещения вреда?

Отношение к конфискации имущества в современной науке в целом весьма неоднозначно. Некоторые специалисты (и как показывает анализ литературы, таких большинство) последовательно утверждают о необходимости пересмотра статуса конфискации и возвращения ее в систему уголовных наказаний.

Так, О. В. Курлаева пишет: «конфискация имущества, выступая в качестве крайней меры имущественной ответственности, призвана существенно поражать осужденного в имущественных правах, что не должно составлять сущность иной меры уголовно-правового характера». В ее трактовке конфискация должна быть исключительно наказанием. При этом автор делает важное дополнение: «В предмет конфискации имущества как вида уголовного наказания должно входить имущество, принадлежащее виновному на праве частной собственности, за исключением имущества, необходимого осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, для хозяйственно-бытовых нужд и профессиональной деятельности. Имущество, изъятое у осужденного, не может быть использовано для возмещения вреда, причиненного преступлением»¹.

Другие авторы, напротив, признавая достоинства «новой» конфискации, отмечают, что ее целью, среди прочего, выступает компенсация имущественного ущерба как элемент восстановления социальной справедливости², либо восстановление положения, существовавшего до совершения общественно опасного деяния³. На этой основе делается вывод о том, что конфискация принадлежит к числу уголовно-правовых мер реститутивного характера, в соответствии с чем формулируются предложения по оптимизации законодательной формулы конфискации.

Так, Р. А. Хачак пишет: «Указание закона на то, что при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь надо решать вопрос о возмещении вреда, причиненного лишь законному владельцу, является неполным», в связи с чем предлагает следующую редакцию ч. 1 ст. 104.3 УК РФ: «Конфискация имущества в соответствии со ст. 104.1 и 104.2 настоящего Кодекса должно предшествовать полное возмещение вреда, причиненного преступлением»⁴. Д. Ю. Борченко предлагает свое определение: «Конфискация имущества есть принудительное, безвозмездное и окончательное отобрание у осужденного либо иного лица имущества, находящегося в законном или незаконном владении, с последующим его обращением в собственность государства либо использованием для возмещения ущерба, причиненного преступлением»⁵.

При всей оригинальности таких суждений и их неисключенной перспективности для развития уголовного права, стоит все же заметить, что в имеющемся на сегодняшний день виде конфискация имущества не может восприниматься как самостоятельная мера, направленная к возмещению вреда потерпевшему от преступления, несмотря на наличие ст. 104.3 УК РФ. Специальное и весьма глубокое исследование данного вопроса

¹ Курлаева О. В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 8–9.

² Малышев А. Н. Конфискация имущества в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

³ Хачак Р. А. Конфискация имущества: исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 11.

⁴ Хачак Р. А. Конфискация имущества: исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 12, 20.

⁵ Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 8.

привело Н. А. Лопашенко к единственно верному, на наш взгляд, выводу о том, что целью конфискации выступает общая и специальная превенция преступлений¹.

Конфискация имущества ничего и никому не возмещает и не восстанавливает. В этом отношении положения ст. 104.3 УК РФ «Возмещение причиненного ущерба» не должны вводить в заблуждение.

Данная норма, как было отмечено, устанавливает правило, согласно которому возмещение вреда, причиненного преступлением законному владельцу какого-либо имущества, должно осуществляться первоочередно по отношению к конфискации, в том числе и за счет имущества, подлежащего конфискации. Однако «законный владелец», о котором упоминает рассматриваемая норма, — далеко не всегда лицо, признанное потерпевшим по уголовному делу; в качестве него может выступать гражданский истец, который не является потерпевшим. Очевидно также, что законным может быть владелец только у легального имущества, которое не было использовано в преступной деятельности, и которое, согласно действующему законодательству может быть конфисковано лишь в крайне ограниченных случаях.

Анализ показывает, что ст. 104.3 УК РФ предназначена для регламентации порядка конфискации прежде всего в ситуации, когда в уголовном деле заявлены требования законного владельца о компенсации причиненного ему преступлением вреда (например, гражданский иск о компенсации причиненного преступлением имущественного вреда). Рассмотрение этих требований происходит либо в процессе разбирательства по уголовному делу, либо отдельно в гражданско-правовом порядке. Для обеспечения исполнения заявленного в уголовном деле гражданского иска и иных взысканий, на имущество обвиняемого (за исключением указанного в ст. 446 ГПК РФ имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам) накладывается арест (ст. 115 УПК РФ).

При наличии к тому оснований требования о компенсации вреда удовлетворяются за счет арестованного имущества, при этом принципиально важно, что такое удовлетворение осуществляется в первую очередь из имущества, которое находится в легальном обороте, принадлежит причинителю вреда на праве собственности и не подлежит конфискации в силу ст. 104.1. УК РФ.

Иными словами, удовлетворение требований законного владельца и исполнение конфискации являются самостоятельными действиями, имеющими различные правовые основания и осуществляемыми в отношении различного имущества (легального и нелегального). Только в том случае, если у виновного нет легального имущества, за счет которого могут быть удовлетворены требования законного владельца, они могут быть удовлетворены за счет имущества, подлежащего конфискации. Решением суда об удовлетворении требований законного владельца за счет «грязных денег» последние фактически «легализуются», вводятся в законный гражданский оборот. Таким образом, следует подтвердить заявленный тезис: конфискация имущества не может рассматриваться в качестве реститутивной меры уголовно-правового характера.

¹ Лопашенко Н. А. Конфискация имущества. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 53

К вопросу корыстной мотивации преступлений в сфере экономики

Трансформация общественного строя за последние два десятилетия, негативные последствия введенных против России экономических и политических ограничений в настоящее время (в связи с присоединением Крыма к России и вооруженным конфликтом на востоке Украины), независимо от грамотно расставленных руководством страны приоритетов во внешней и внутренней политике, не позволяют полностью стабилизировать социальную, а также экономическую сферы жизни нашего общества. Данные обстоятельства создали определенные условия, в первую очередь экономические, для распространения ряда негативных явлений, выразившихся в проявлении неуважения законам, в стремлении к личному обогащению противоправными способами, отсутствии у значительной части населения возможности обеспечить элементарную жизнедеятельность, что в конечном счете влияет на уровень преступности.

В. В. Лунеев и Н. Ф. Кузнецова формулируют понятие преступления следующим образом: «это исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени»¹. Преступность рассматривается нами как «массовое негативное социально-правовое явление», которое существует в обществе и находится с ним в неразрывной связи². В свою очередь, общество является той средой, которая оказывает влияние на формирование структуры преступности, личности преступника, целенаправленности его деятельности. По мнению А. Н. Леонтьева, деятельность человека, как отдельного субъекта, непосредственно связана с деятельностью окружающих его людей, жизнью всего общества, с общественными отношениями³. Как отмечал С.И. Рубинштейн, «в ней и через нее человек реализует свои цели, объективирует замыслы и идеи в преобразуемой им действительности»⁴. Преступление — разновидность человеческой деятельности, главной особенностью которой является ее антиобщественная направленность.

Противоправная деятельность проявляется в объективной реальности посредством преступного поведения, основным направлением реализации которого в настоящее время являются посяательства в сфере экономики. Так, в 2019 г. половину всех зарегистрированных преступлений (53,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи 774,2 тыс. (+2,3 %), мошенничества 257,2 тыс. (+19,6 %), грабежа 45,8 тыс. (-8,6 %), разбоя 6,7 тыс. (-9,8 %). Каждая пятая кража (21,8 %), каждый двадцать пятый грабеж (3,9 %) и каждое девятое разбойное нападение (11,4 %) были сопря-

¹ Криминология: учебник/ под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2004. С. 79.

² URL: <https://wikipedia.org>.

³ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 82.

⁴ Рубинштейн С.И. Основы общей психологии в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 8.

жены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое сорок пятое (2,2 %) зарегистрированное преступление квартирная кража. Вместе с тем в 2019 г. по сравнению с январем-декабрем 2018 г. на 4,1 % сократилось число преступлений экономической направленности¹. В 2018 г. наблюдается обратная тенденция, связанная с увеличением совершения рассматриваемых преступлений. Так, было зарегистрировано 109,5 тыс. преступлений экономической направленности, что на 4,2 % превышает уровень аналогичных показателей за 2017 г.²

Рассматриваемые общественно опасные деяния причиняют существенный вред экономике страны в целом и, в частности имущественным отношениям, экономическим правам граждан, юридических лиц, муниципальных и государственных образований. Значительная часть таких преступлений совершается из корыстных побуждений, состоящих в стремлении к наживе и обогащению преступным путем.

Составляющей человеческого поведения является обдуманный и осознанный поступок (действие или бездействие), сущность которого заключается в выражении отношения индивида к другим представителям общества, действующим законам в данном обществе, а также общепринятым нормам морали. Преступления в сфере экономики совершаются путем действия и сопровождаются активным поведением, направленным на достижение поставленной цели. Основными движущими силами человеческих поступков и, следовательно, главным компонентом противоправного поведения корыстного преступника являются потребности и интересы. На основе потребности личности формируются интересы, которые «в свою очередь являются выражением необходимости удовлетворения той или иной потребности»³.

Какие же потребности и интересы базируются в сознании корыстного преступника и вынуждают его совершать противоправные действия? Как отмечает Н. Ф. Кузнецова, основополагающими побудителями личности корыстного преступника является несовершенство экономической, а также трудовой психологии личности. По мнению Кудрявцева Н.В на мотивацию личности корыстного преступника влияет деформация досугово-бытовых потребностей⁴. Первоочередной и наиболее животрепещущей является необходимость удовлетворения насущных жизненных потребностей, на втором месте, конечно же, стремление к обеспеченной жизни, присущей лицам, занимающим более высокое социальное положение, далее следует приобретение дорогих вещей и потребность, связанная с употреблением наркотиков, спиртных напитков и др. По нашему мнению, одним из экономических мотивов корыстной мотивации в современных условиях может выступать также и стремление к получению прибыли и сверхприбыли в ряде преступлений в сфере экономики, связанное с нарушением действующего законодательства.

Необходимо отметить, что не каждый индивид общества, имеющий сходные потребности, решит их реализовать через преступное поведение, т. е. для противоправного поступка помимо экономических и политических предпосылок необходимы также социальные и психологические. Немаловажную роль в формировании личности преступника занимают его взгляды, стремление, ценностные ориентации, убеждения, которые начинают

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2019. С. 5–6.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2018. С. 5–6.

³ Тутьинский Г. Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. Л., 1990.

⁴ См.: Гончаров М. В., Подволоцкий И. Н. Мотивация преступного поведения корыстных преступников // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (57). С. 122–125.

зарождаться еще в семье. На данный момент исчезла грань между законопослушными семьями и семьями неблагополучными. В обществе укореняется тенденция к нелегальному зарабатыванию материальных средств для обеспечения себя и своей семьи. Причиной этого является как несоответствие заработной платы ценам на потребительские товары и услуги, так и несвоевременная выплата таковой. Немаловажную роль играют и убеждения: «надо жить не хуже других», «жить бедно — это стыдно», «воруют все». Выбранная таким образом жизненная позиция является важной предпосылкой для формирования активного поведения, направленного на использование криминальных средств приобретения материальных благ. Если ранее значительная часть населения не решалась на совершение преступлений в силу своих моральных качеств либо своей патриотичности, боязни быть осужденным и понести наказание, то в настоящее время отсутствует не только боязнь уголовного наказания, но и в отдельных случаях уважение к закону.

Взаимодействие внутреннего мира личности (ее взглядов, стремлений, убеждений, ценностных ориентации) и реальной действительности жизни в окружающей ее среде создает установку на готовность к определенной линии поведения (законопослушной или же противоправной). Устойчивость данной готовности находится в прямой зависимости от длительности противоправной деятельности корыстного преступника, т. е. чем больше «профессиональный стаж», тем больше степень решимости совершить преступление. В структуре личности установка выполняет немаловажную роль, так как от степени ее выраженности и направленности зависит, насколько интенсивно и каким способом реализуется та или иная потребность. Именно потребность в синтезе с установкой на готовность совершения противоправных действий порождает активное поведение, направляющее деятельность человека, и является ее мотивом. По мнению А. Н. Леонтьева, «деятельность без мотива не бывает; немотивированная деятельность — это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом»¹.

Таким образом, изучение личности корыстного преступника показало, что некоторые психологические качества виновных, способствовавшие совершению преступления, основываются на социальных факторах (материальной обеспеченности, стремлении к престижному потреблению в досуге и др.). Вместе с тем социально-психологический внутренний мир личности, хотя и подвержен воздействию внешних условий, но не детерминирует сам по себе преступное поведение.

¹ Леонтьев А. Н. Указ. соч. С. 82.

Проблемы установления признаков субъекта преступления в ст. 124 УК¹

На сегодняшний день уголовный закон содержит большое количество норм, по которым привлекаются к ответственности медицинские работники. Врач может стать субъектом уголовной ответственности по следующим статьям УК РФ: причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ); причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ); незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ); неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ); оставление в опасности (ст. 125 УК РФ); незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); подмена ребенка (ст. 153 УК РФ); незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ); хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229) УК РФ; незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ); незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234 УК РФ); незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ); нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК РФ); производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ); нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ). И это не полный перечень.

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00818.

Уголовно-правовой риск медицинской деятельности в настоящее время ничуть не меньше, чем риск медицинский. Если привести конкретные, типичные случаи, в которых врачи могут стать субъектом уголовного преследования, то начать стоит с рассмотрения следующего.

Допустим, человеку в самолете стало плохо. Врач оказывает помощь, человек умирает. В отношении врача возбуждают уголовное дело, например, по ст. 109 УК за причинение смерти по неосторожности. Случай неприятный. Но возникает вопрос о том, как врачу следовало поступить изначально. Допустим, наш врач летел в отпуск, по специальности он — хирург. Когда бортпроводник объявлял в микрофон «Есть ли в самолете врач? Просьба подойти к бортпроводнику» мог ли врач не откликнуться на это призыв и не говорить, что он врач. Тогда, вероятно, пациент бы так же умер вследствие отсутствия оказания медицинской помощи, однако врач не стал бы преследоваться за причинение смерти по неосторожности. Но тут возникает дугой риск — в уголовном законодательстве существует ст. 124 УК РФ, предусматривающая ответственность за неоказание помощи больному. Рассмотрим эту норму подробнее:

Уголовная ответственность наступает за бездействие, то есть за пассивное поведение, когда врач должен был оказать помощь и имел фактическую возможность на ее оказание. Возникает вопрос, будет ли в приведенной нами ситуации врач, находящийся в отпуске и не признавшийся, что он является врачом — привлечен к уголовной ответственности по ст. 124 УК, каков риск? В данном случае речь идет об экстренной медицинской помощи. Что, если врач не находится на своем рабочем месте, зачастую слышишь, что врач обязан оказывать помощь всегда и везде, поскольку он давал соответствующую клятву. И действительно, в базовом акте по медицинской деятельности, в ст. 71 «Клятва врача» Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», указано, что врач клянется всегда быть готовым оказать медицинскую помощь. Соответственно, все свои обязанности врач осуществляет согласно законодательству и названной клятве. Но в самой же клятве указано также и следующее «получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь». Ключевое понятие здесь — профессиональная деятельность. Все мы существуем в рамках своей профессии, однако дома, на отдыхе, продолжает ли следовать за нами наш профессиональный статус? Также федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан» содержит определения базовых категорий: медицинская деятельность, медицинская услуга, медицинская организация и медицинский работник под которым понимается физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. Следовательно, вне исполнения лицом, работающим в медицинской организации своих трудовых обязанностей по оказанию медицинской помощи — осуществление медицинской деятельности не существует. Также следует помнить, что самой такой организации на осуществление медицинской деятельности требуется лицензия. Значит врач для наделения обязанностей оказывать медицинскую помощь должен состоять в трудовых отношениях (либо заниматься медицинской деятельностью на частных началах, как ИП). На врача распространяется трудовое законодательство, а согласно ст. 106 ТК РФ, во время отдыха работник свободен от исполнения трудовых обязанностей, а согласно ст. 37 Конституции РФ, ст. 2, 4, 21, 106 ТК РФ труд свободен, принудительный труд запрещен, каждому работнику гарантируется право на отдых.

Если рассмотреть судебную практику и изучить приговоры, вынесенные по ст. 124 УК, то первое, что устанавливает суд — это то что врач находился при исполнении

своих служебных обязанностей в момент неоказания помощи. Итак, риск привлечения к уголовной ответственности врача, не находящегося при исполнении своих профессиональных обязанностей — минимальный. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818.

Голикова А. В.,

*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук*

Общественная опасность как критерий криминализации и признак преступления¹

Устоявшееся в отечественной науке уголовного права понятие криминализации деяний, как процесса и результата признания государством деяния преступлением, которое служит основанием для возникновения уголовной ответственности, при ближайшем рассмотрении имеет различную смысловую нагрузку. Не углубляясь в различия, стоит выделить главную обобщающую научные концепции мысль, характеризующую процесс криминализации. Почти общепринятым считается, что: «Следует различать понятие «основание» криминализации, выражающее общественную необходимость использования регулятивных и предупредительных мер уголовного права применительно к определенной группе отношений, и понятие «криминализационный повод», обозначающее единичное (а значит, в определенной степени и случайное) событие, приведшее в движение процесс»².

Таким образом, принято дифференцировать «предпосылки» (если не углубляться в терминологические разночтения) криминализации на основания и условия. Критерием можно назвать объективность социальных факторов, заложенных в основу криминализации, и конъюнктурные (субъективистские, предположительно временные) решения законодателя в контексте жесткой регламентации общественных отношений. Так, в науке сформировалось определение: «Для разграничения этих уровней социальной реальности, приводящих в движение процесс криминализации, мы предлагаем термины «основания криминализации» и «криминализационный повод»³. Объективные, а следовательно, более понятные и возможные к анализу причины принято называть «основаниями криминализации».

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00665.

² См.: Николаев А. М. Истоки и перспективы формирования общей теории криминализации деяний с учетом пределов их общественной опасности // Акт. пробл. рос. права. 2010. № 3. С. 324.

³ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / колл. авторов; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 205.

Другой подход к установлению основания криминализации или по версии А. Д. Нечаева «монистическая парадигма»¹, включает в себя единственный критерий² — «общественную опасность деяния»³. Удачно сформулировал этот тезис Ю. В. Голик: «установление уголовной ответственности за преступления — результат определенной договоренности между людьми. Другое дело, что эта договоренность должна строиться на каких-то более или менее объективных основах... Таким качеством является общественная опасность деяния, которая существует действительно независимо от того, «видит» ее законодатель в данный конкретный момент или нет»⁴.

Общественная опасность («общественная», то есть — социально значимая и «опасность» — как угроза вреда, потенциал негативных результатов) состоит из двух равноценных критериев: значимости поступка для общества и вредоносности. Вредоносность — способность деяния негативно изменять объективную реальность (проявляется в конкретном виде вреда — имущественном, физическом, организационном), осознаваемая (способность) субъектом преступления. Значимость деяния для социума складывается из интенсивности причинения вреда социуму, то есть разрушительности поступка для системы общественных отношений. Значимость базируется на вредоносности, но может быть дополнена другими критериями.

Вредоносность деяния (как стопроцентная способность причинять вред) определяется в умышленных преступлениях способом совершения (физическое насилие или информационное воздействие). Любые проявления насилия обладают общественной опасностью всегда, потому подлежат уголовному запрету. Информационное воздействие подтверждает свою опасность лишь в случае причинения материального (физического, имущественного, организационного) вреда. Вредоносность деяния (как стопроцентная способность причинять вред) определяется в неосторожных преступлениях лишь в случае наступления (физического, имущественного, организационного) вреда виновным, которое должно было этот вред предвидеть. Отсутствие вреда в неосторожном поведении приравнивается к отсутствию общественной опасности. Такое деяние — не преступление, а правонарушение.

Социальная значимость как составная часть общественно опасности свидетельствует о такой вредоносности деяния, которая искажает социальную связь между субъектами охраняемого правоотношения, в результате один из них (потерпевший) теряет свой фактический статус полноценного участника правоотношения этого вида. Так, при краже собственник перестает быть полноценным владельцем вещи, при причинении

¹ Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2017. С. 82.

² См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М., 2002. С. 180.

³ См., например: Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2009. № 4. С. 23; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 102; Борсученко С. А. Криминализация и декриминализация деяний как методы уголовно-правовой политики // Вестн. рос. правовой акад. 2010. № 2. С. 29; Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 15–17; Плаксина Т. А. Криминализация и декриминализация в современном уголовном праве России // Российское государство и право: традиции, современность, будущее. Барнаул, 2011. С. 176.

⁴ Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. статья, проф. Ю. В. Голика. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. С. 50–51.

вреда здоровью, жертва перестает быть участником трудовых, семейно- бытовых отношений, и т.д.). Социальная значимость деяния, кроме вредоносности, зависит от контекста общественной ситуации, который может проявляться в факультативных признаках объективной стороны состава преступления (объем вреда, время, место, обстановка совершения) а также в свойствах потерпевшего. Следовательно, их учет оправдан для дифференцирования уголовной ответственности.

Формы вины (умысел или неосторожность), как признак состава преступления, изначально придают деяниям разную социальную значимость (критерии опасности умышленных и неосторожных деяний разные), а значит, так же выступают средством дифференциации уголовной ответственности.

Социальное значение опасного деяния необходимо учитывать при криминализации, для исключения создания избыточных запретительных норм. Нельзя использовать уголовное право лишь как инструмент предупреждения (здесь- запугивания) совершения преступлений.

То есть общественная опасность существует не сама по себе, а характеризует деяние. Сформулированная концепция общественной опасности, на наш взгляд помогает снять некоторые дискуссионные вопросы в теории понятия преступления.

Российская уголовно-правовая наука традиционно характеризует преступление, как «деяние»¹. Некоторые авторы считают, что «деяние» не раскрывает сущности преступления, как явления социального, и предлагают рассматривать его, как разновидность отношения в системе общественных отношений². Действующий УК РФ в ст. 14 определяет преступление понятием «деяние». Содержание данного термина было причиной дискуссии советских ученых³. Анализ ч. 1 и ч. 2 ст. 14 УК РФ подтверждает вывод о том, что «деяние» представляет собой нечто большее, чем действие или бездействие. В преступлении деяние противостоит «не преступлению» — действию (бездействию), которое содержит признаки какого-либо состава, предусмотренного Уголовным кодексом. Сущность преступления заключается в том, что оно представляет собой отношение личности к другим людям, обществу, государству, объективизировавшееся в поступке человека.

«Деяние» как родовая дефиниция преступления имеет практическое значение. Любое намерение человека может подлежать оценке лишь после того, как отразилось в поведенческом акте⁴. Не случайно, диспозиции статей Особенной части УК РФ содержат описание действий (бездействия) и их последствий, свидетельствующих о негативном отношении человека к обществу. Уголовно- правовое значение увязывается с осознанностью их субъектом преступления. Исходя из теории познаваемости мира, человек способен предвидеть развитие явлений, связанных с его деятельностью. Объективность

¹ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 13; Курс Российского уголовного права. Общая часть / ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 138 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 125.

² См.: Уголовное право. Общая часть./ Ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1998. С. 127; Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 75–77.

³ См., например: Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. С. 8; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 128.

⁴ См.: Михеев А. С. Проблемы правового регулирования возмещения вреда, причиненного преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 34.

причинно- следственной связи здесь не является препятствием. Скорее наоборот — виновный осознанно использует законы внешнего мира при достижении преступного результата¹.

Виновность, как признак преступления, указанная в ст. 14 УК РФ, свидетельствует о негативном отношении субъекта преступления к обществу и социальным нормам, проявляющемся в осознании вероятности или неизбежности опасности своего поступка. Вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, который связывается с завершением первого этапа социализации, осведомлено о существующих в обществе нормах и запретах. При этом презумпция знания закона не предполагает знания всех без исключения формулировок и нормативных предписаний. Достаточно понимания себя, как источника деятельности и опасности своего поведения. К последнему относится осознание объективных обстоятельств совершения деяния (обстановки, потерпевшего, способа причинения вреда) и возможности причинения ущерба². По всей видимости, данную характеристику законодатель зашифровал в понятие «виновности» в ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Таким образом, общественная опасность не только единственное объективное свойство преступления, позволяющее сделать вывод о корректности его криминализации, но и критерий в установлении содержания вины. Важно первичное осознание общественной опасности (ст. 5 УК РФ, ст. 21 УК РФ), а не противоправности содеянного.

Известно, что все виды юридической ответственности, за исключением уголовной, «не привязаны» к этому термину. Понятие вины в уголовном праве занимает ключевые позиции не случайно. Идея уголовно- правового воздействия изначально призвана решить проблему эффективной реакции социума на негативные поступки отдельных участников общественных отношений. Долгий путь от изгнания «преступников из племени», то есть буквального избавления от них общества, в современном мироустройстве привел к осознанию возможности корректировки поведения таких лиц. Смысл уголовного наказания в том, чтобы добиться от преступника осознанного отказа от незаконной линии поведения. Подчеркнем, что столь распространенная в последние годы концепция общего предупреждения, осуществляемая УК РФ, формирует пагубно некорректное отношение к данной отрасли. Продолжая общую логику указанного подхода, — большинство людей до сих пор не совершили преступления, потому что бояться уголовной ответственности, можно смело все систему управления обществом просто перевести в уголовно- правовую плоскость. Запретить под страхом уголовного наказания все виды поведения, которые по версии действующей власти, мешают эффективному администрированию. Все иные институты социального контроля над девиациями просто упразднить. Полагаем, что задача (функция) уголовного права по предупреждению совершения преступлений, скорее приятный побочный результат регулятивного воздействия. Основные уголовно- правовые институты посвящены не устрашению, не предупреждению (хотя прочитать УК РФ может любой грамотный человек), а восстановлению нарушенного преступлением баланса общественных отношений. Средствами уголовного права сглаживается вред, причиненный социуму (не потерпевшему), путем придания соответствующего социального статуса виновному лицу. Цель такого статуса (имеется

¹ См.: Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 5; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно- правовой охраны. М., 1980. С.108.

² См., например: Складов С. В. Сознание характера совершаемого деяния как признак умышленной формы вины в уголовном праве России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции 29–30 января 2004 года. М., 2004. С. 162.

в виду судимость) —при помощи правоограничений легально организовать испытания для лица, позволяющие ему в дальнейшем осознанно отказаться от совершения преступлений. Для чего это необходимо? После реализации уголовной ответственности такое лицо подлежит возвращению в социум в качестве обычного, среднестатистического участника общественного отношения. Проводить подобные мероприятия с указанной целью имеет смысл только при условии «точечного попадания» исправительных механизмов. Отсюда признаки субъекта уголовной ответственности в ст. 19 УК РФ: вменяемость, возраст.

Четвертым признаком преступления (деяние, виновность, общественная опасность), согласно воле законодателя, выступает «запрещенность этого деяния под угрозой наказания».

Полагаем, считать наказуемость¹ (угрозу наказанием) деяния самостоятельным признаком некорректно² по нескольким причинам. Во- первых, наказуемость как угроза назначения наказания возникает даже не во время совершения деяния, не после совершения преступления, а лишь после вынесения обвинительного приговора. Следовательно, бессмысленно считать признаком явления то, что даже по времени существования не совпадает с самим явлением. Во- вторых, считать наказуемость обязательным следствием преступления трудно, учитывая количество правовых институтов, позволяющих легально ее избежать (например, ст. 75— 85 УК РФ). В-третьих, современное правотворчество не позволяет говорить о создании и (или) существовании правового запрета, не подкрепленного наказанием. Иными словами, «запрещенность деяния в УК РФ автоматически включают в себя наказуемость». Технически это выглядит как органическое единство статьи Особенной части УК РФ: диспозиция + санкция. Следует отметить, что введение в систему уголовного права категории уголовного проступка, предусматривающего иные правовые последствия, не являющиеся уголовным наказанием, позволит выделять рассматриваемый признак в качестве существенного и самостоятельного.

Рассматриваемый признак запрещенности или «уголовной противоправности» отчасти соотносится с составом преступления. В переводе с латинского «*corpus delicti*» означает «состав преступления», основа преступления. Иногда термин интерпретируется как «коробка, основа, в которой содержатся все важнейшие детали механизма»³. Большинство исследователей подчеркивают, что общественная опасность содержится в каждом элементе состава преступления⁴. Н. М. Кропачев отмечает, что «требование соответствия пределов уголовной ответственности зависит не только от деяния, но и от субъекта, и характеризует общественную опасность как категорию субъективно- объективную»⁵. Отсюда появилась версия, согласно которой, состав преступления характери-

¹ См., например: Российское уголовное право. Общая и Особенная части в 3 т.: учебник / под ред. д. ю. н., профессора Н. А. Лопашенко. Т. 1. Общая часть. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. с. 191.

² См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 336

³ Словарь иностранных слов./ ред. А. Г. Спиркина, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинской. М., 1985. С. 255.

⁴ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении по Советскому Уголовному праву. Общая часть. М., 1961. С. 93; Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М/Л., 1948. С. 131.

⁵ Кропачев Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 51.

зует минимальную общественную опасность, необходимую для отнесения деяния к разряду преступлений. В идеале, так и должно было быть, если описывать признаки конкретного вида преступления достаточно подробно и точно, а также забыть о том, что деяние (явление) и его описание (состав или диспозиция статьи) не одно и то же. Ресурсы письменной речи имеют пределы, в отличие от реальных жизненных многообразных ситуаций. Поэтому всегда есть возможность несовпадения признаков состава преступления и его общественной опасности.

То есть преступление это:

1. деяние (поступок человека, проявление его воли во вне),
2. которое совершено виновно: осознанно (когда лицо осознает развитие причинно-следственной связи, запущенной его поступком, либо, если не осознает, то было обязано осознавать) + по собственной воле (не из-за болезненного состояния психики, не под принуждением психическим или физическим, не под влиянием заблуждения),
3. которое общественно опасно, то есть способно причинять социально- значимый вред (изменять статус субъекта общественного отношения), чья значимость зависит от обстоятельств совершения деяния,
4. которое запрещено в уголовном законе путем описания признаков состава (преимущественно в диспозициях статей Особенной части УК РФ).

Рассмотренные признаки преступления дополняют друг друга, взаимодействуют и дают полную картину тех качеств, которыми оно должно обладать. Общественная опасность — это свойство преступления (способность причинять вред), являющееся единственным основанием криминализации, а значит, и средством дифференциации уголовно-наказуемых и административно- наказуемых деяний.

Голубев С. И.,

*доцент кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кандидат юридических наук, доцент*

Критические местообитания для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации: характеристика и уголовно-правовой статус

Определение предмета преступления, предусмотренного ст. 259 УК РФ, вызывает дискуссию в юридической литературе. Ряд авторов таковым признают указанные в законе критические местообитания¹.

¹ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999. С. 661; Максимов А. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: правовые проблемы, организационные и правоприменительные аспекты. М., 2012. С. 167.

Некоторые криминалисты не согласны с подобным подходом к констатации уголовно-правового значения критического местообитания организмов в составе преступления. Например, Э. Н. Жевлаков пишет: «Предмет преступления — организмы, занесенные в Красную книгу РФ: млекопитающие, животные, рыбы, насекомые и т.п., а также растения»¹. Воздействие на них оказывается путем уничтожения критических мест обитания этих организмов, которые в данном случае характеризуют место совершения преступления, а не его предмет². А. И. Чучаев, критикуя мнение Э. Н. Жевлакова, указывает, что первая точка зрения точнее отражает суть деяния, его законодательную характеристику и направленность, согласуется с общим учением о предмете преступления. Деяние воздействует не на сами животные и растения, занесенные в Красную книгу России, а на критические места их обитания, что прямо отражено в диспозиции уголовно-правовой нормы³.

Гибель соответствующих организмов, которые Э. Н. Жевлаков признает предметом преступления, на самом деле выступает последствием рассматриваемого деяния. Кроме того, автор, как нам кажется, противоречит сам себе, утверждая, что «в целях предотвращения сокращения популяций видов животных и растений *охране подлежат не только они сами, но и места их обитания*»⁴. Его непоследовательность в определении признаков состава преступления особенно заметна, если обратиться к характеристике деяния, предусмотренного ст. 262 УК РФ. В последнем случае особо охраняемые природные территории и природные объекты признаются предметом преступления⁵, хотя сопоставляемые деяния имеют одинаковый уголовно-правовой механизм причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям.

Некоторые авторы в трактовке предмета заняли компромиссную позицию. Так, Ю. И. Ляпунов и Л. Ю. Родина относят к нему как сами организмы, внесенные в Красную книгу Российской Федерации, так и критические места их обитания⁶.

В целом противоречивой представляется мнение И. М. Тяжковой. С одной стороны, деяние, предусмотренное ст. 259 УК РФ, она относила к преступлениям, посягающим на животный мир, хотя это противоречило уголовно-правовой норме. С другой стороны, в качестве предмета преступления признавала критические местообитания для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации⁷. Но в этой Книге указаны не только представители животного, но и растительного мира.

Родовое понятие местообитания сформулировано в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.⁸ Оно означает тип местности или место естественного обитания того или иного организма.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2005. С. 663.

² См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 552.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 500.

Аналогичной позиции придерживается, например, Л. Г. Овсепян (см.: Овсепян Л. Г. Уголовно-правовая охраны флоры и фауны по законодательству Армении и России: сравнительно-правовое исследование. Владимир, 2008. С. 130).

⁴ Уголовный закон в практике районного суда. М., 2007. С. 754.

⁵ См.: Там же. С. 768.

⁶ Уголовное право / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 2007. С. 603.

⁷ См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 4: Особенная часть / под ред.

Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 531, 551.

⁸ См.: СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

В Модельном законе о сохранении, устойчивом использовании и восстановлении биологического разнообразия, принятом на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 20 мая 2016 г., критические места обитания определяются как территории, ареалы, в пределах которых обнаруживаются эндемичные¹, миграционные и исчезающие виды, обитающие в государстве, и (или) находящиеся под угрозой исчезновения биоценозы (экологические сообщества)².

Понятие критических мест в ГОСТе Р 57007-2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения»³ несколько конкретизировано. Под ними понимаются территории, акватории, в пределах которых организмы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, обитают (произрастают) в состоянии естественной свободы, либо с которыми связаны (на которых осуществляются) наиболее значимые для сохранения популяций животных этапы их жизненного цикла (места естественного обитания, нереста, зимовки, места массовых скоплений, постоянной или сезонной концентрации, пути миграции, места нагула, выращивания молодняка, убежища), для растений — весь их жизненный цикл, имеющие особый правовой режим охраны и использования.

В судебной и следственной практике при определении предмета преступления необходимо исходить из его легального толкования, хотя следует заметить, что в литературе предприняты попытки сформулировать научную дефиницию критических мест обитания соответствующих животных и растений. Так, Н. А. Лопашенко таковым считает «участки природной среды, в том числе участки акватории, в которой организмы, занесенные в Красную книгу РФ, — дикие животные и дикорастущие растения и грибы — обитают (произрастают) в состоянии естественной свободы; эти участки несут защитный характер, поскольку необходимы для осуществления жизненных циклов животных, растений и грибов (размножения, выращивания молодняка, нагула, отдыха, миграции и др.)»⁴.

Нормативное определение рассматриваемого понятия нам представляется более полным и конкретным.

Определяя критические местообитания организмов, А. М. Максимов признает таковыми «выделяемые в соответствии с законом участки территории или акватории, находящиеся под особой защитой государства. Это такие территории, на которых в силу различных обстоятельств (особенности микроклимата, растительности, качественной характеристики воды) соответствующие организмы могут размножаться, выращивать молодняк, оставаться на зимовку, т.е. сохранять себя»⁵. Н. А. Лопашенко, в целом признавая дефиницию критического местообитания приемлемой, обращает внимание на неправильно расставленные акценты: законодатель не может выделять такие места, он обязан обеспечить защиту местообитания, образовавшегося в ходе жизни популяции⁶. По нашему мнению, определение страдает рядом недостатков: во-первых, оно является

¹ Эндемики, или эндемы, (в переводе с греч. — местный) — виды, роды, семейства или иные таксоны животных и растений, представители которых обитают на относительно ограниченном ареале, представлены небольшой географической областью. Эндемические виды животных и растений в связи с ограниченной численностью часто заносятся в красные книги как редкие или исчезающие виды.

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

³ Введен в действие 1 февраля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2017. С. 462.

⁵ Максимов А. М. Указ соч. С. 167.

⁶ Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 463.

недостаточно конкретным; во-вторых, недостаточно полным. Это становится очевидным при сопоставлении характеристик рассматриваемого понятия, данных в ГОСТе и А. М. Максимовым.

На территориях и участках, являющихся критическим местообитанием животных и растений, запрещаются отдельные виды деятельности либо особо регламентируются сроки и технология их проведения. Так, согласно ст. 22 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) «О животном мире»¹ любая деятельность, влекущая за собой изменение среды обитания объектов животного мира и ухудшение условий их размножения, нагула, отдыха и путей миграции, должна осуществляться с соблюдением требований, обеспечивающих охрану животного мира. Хозяйственная деятельность, связанная с использованием объектов животного мира, может осуществляться лишь таким образом, чтобы разрешенные к использованию объекты животного мира не ухудшали собственную среду обитания и не причиняли вреда сельскому, водному и лесному хозяйству.

При размещении, проектировании и строительстве населенных пунктов, предприятий, сооружений и других объектов, совершенствовании существующих и внедрении новых технологических процессов, введении в хозяйственный оборот целинных земель заболоченных, прибрежных и занятых кустарниками территорий, мелиорации земель, использовании лесов, проведении геолого-разведочных работ, добыче полезных ископаемых, определении мест выпаса и прогона сельскохозяйственных животных, разработке туристических маршрутов и организации мест массового отдыха населения и осуществлении других видов хозяйственной деятельности должны предусматриваться и проводиться мероприятия по сохранению среды обитания объектов животного мира и условий их размножения, нагула, отдыха и путей миграции, а также по обеспечению неприкосновенности защитных участков территорий и акваторий.

При размещении, проектировании и строительстве аэродромов, железнодорожных, шоссейных, трубопроводных и других транспортных магистралей, линий электропередачи и связи, а также каналов, плотин и иных гидротехнических сооружений должны разрабатываться и осуществляться мероприятия, обеспечивающие сохранение путей миграции объектов животного мира и мест их постоянной концентрации, в том числе в период размножения и зимовки.

Независимо от видов особо охраняемых природных территорий в целях охраны мест обитания редких, находящихся под угрозой исчезновения и ценных в хозяйственном и научном отношении объектов животного мира выделяются защитные участки территорий и акваторий, имеющие местное значение, но необходимые для осуществления их жизненных циклов (размножения, выращивания молодняка, нагула, отдыха, миграции и др.). На защитных участках территорий и акваторий запрещаются отдельные виды хозяйственной деятельности или регламентируются сроки и технологии их проведения, если они нарушают жизненные циклы объектов животного мира.

В силу прямого указания закона предметом преступления выступают только те места, на которых обитают организмы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации². В Красную книгу РФ заносятся объекты животного и растительного мира, постоянно или временно обитающие, или произрастающие в естественных условиях на территории (акватории) Российской Федерации, континентальном шельфе и в пределах

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462 Российская газета. 2020. 29 апр.

² См.: приказ Минприроды России от 23.05.2016 № 306 (в ред. от 24.03.2020) «Об утверждении порядка ведения Красной книги Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

исключительной экономической зоны Российской Федерации, которые подлежат особой охране. Это объекты животного и растительного мира, находящиеся под угрозой исчезновения; уязвимые, узкоареальные и редкие объекты животного и растительного мира, охрана которых важна для сохранения флоры и фауны различных природно-климатических зон.

Следует заметить, что критические местообитания организмов, занесенных в красные книги субъектов РФ, не могут признаваться предметом преступления, предусмотренного ст. 259 УК РФ.

Указанные в законе местообитания согласно закону, должны быть критическими. Одно из лексических значений слово «критическое» — затруднительное, опасное положение. Следовательно, в силу ряда обстоятельств организмы, обитающие в этих местах, находятся (могут находиться) в опасном положении.

Таким образом, обобщив сказанное, можно заключить, что критическое местообитание обладает рядом признаков: а) физическим — представляет собой часть территории или акватории; б) правовым — находится под специальной охраной государства; в) функциональным назначением — обеспечивает сохранение и восстановление редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов.

Даниловская А. В.,
доцент кафедры гражданского права и
гражданского процессуального права,
Хабаровский государственный университет
экономики и права,
кандидат юридических наук,

Система уголовно-правовых норм о преступлениях против добросовестной конкуренции: история развития и современное состояние

Преступления против добросовестной конкуренции (добросовестных конкурентных отношений) многими исследователями выделяются в самостоятельную группу преступлений в сфере экономической деятельности. Полезный эффект классификации и систематизации преступлений в сфере экономической деятельности в целом и против добросовестной конкуренции в частности, помимо уже известных¹ положительных моментов, заключается в индикации состояния уголовно-правовой политики в сфере противодействия той или иной группе преступлений и ее эффективности. Так, имеющаяся в науке дискуссия относительно уголовно-правовых норм о преступлениях против добросовестной конкуренции свидетельствует о том, что законодатель в УК РФ четко не определил направления уголовной репрессии в отношении антиконкурентной деятельности хозяйствующих

¹ Например, Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография: в 2 ч. Ч. 1 М.: Юрлитинформ, 2015. С. 132; Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

субъектов. Такая ситуация на практике приводит к отсутствию единой концепции в противодействии посягательствам на добросовестную конкуренцию, к рассогласованности в деятельности правоприменительных органов и, как следствие, отсутствию эффективности уголовно-правовых мер при защите конкуренции.

Между тем обособление группы преступлений против добросовестной конкуренции не является каким-то искусственным процессом — предпосылки тому в первую очередь были определены, во-первых, Конституцией РФ, в которой содержатся общие запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34), во-вторых — отраслевым (антимонопольным) законодательством (Законом РСФСР «Об конкуренции и ограничении монополистической деятельности» 1991 г., а затем ФЗ «О защите конкуренции» 2006 г.), предусматривающим конкретные запреты.

Именно большинство этих запретов в том или ином виде и выражены в соответствующих уголовно-правовых нормах гл. 22 УК РФ, образующих систему норм о преступлениях против добросовестной конкуренции. Соответственно, представляется, что такую группу преступлений образуют деяния, предусмотренные ст. 169 (как один из видов антиконкурентной деятельности органов власти и управления), 178 (картели), 180, 181, 183, 185.3 (как формы недобросовестной конкуренции), а также включенные в 2018 г. ст. 200.4 и 200.5 (нарушения на торгах — злоупотребление в сфере закупок и подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок) гл. 22 УК РФ.

Следует отметить, что и в других главах УК РФ имеются статьи, которые могут применяться при квалификации актов антиконкурентного поведения. Так, уголовно-правовыми нормами ст. 146 (ч. 2) и 147 гл. 19 УК РФ предусмотрены признаки вероятной недобросовестной конкуренции с использованием объектов интеллектуальной собственности — объектов авторских, смежных и патентных прав. В свою очередь, антиконкурентное поведение должностных лиц органов власти и управления в практике квалифицируется не только по ст. 169 УК РФ, но по ст. 285 и 286 УК РФ¹.

Помимо этого, систематизация уголовно-правовых норм о преступлениях против добросовестной конкуренции предопределена эволюцией уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности в российском уголовном праве — уголовная ответственность за ряд преступлений против конкуренции была установлена еще в источниках дореволюционного уголовного права и даже, несмотря на существование плановой бесконкурентной экономики, уголовными кодексами РСФСР.

Так, принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее — Уложение) стало первым документом, включившим в себя описание основных составов преступлений, направленных на ограничение конкуренции или связанных с ее недобросовестными проявлениями. Нельзя сказать, что эти преступления образовывали признанную наукой уголовного права конца 19-начала XX в. определенную систему, хотя в отношении недобросовестной конкуренции высказывались мнения о некоторых статьях Уложения, с помощью которых ей могло оказываться противодействие. К ним, в частности были отнесены: ст. 1535–1537, устанавливавшие ответственность за клевету и оскорбление, ст. 1360, запрещавшую именоваться мастером или вообще заниматься ремеслом, не имея на то установленного права, ст. 1416 и 1418, наказывавшие за присвоение себе знаков отличия, чины, звания и фамилии, ст. 1187 и 1355, устанавливавшие

¹ Например, приговор от 26.11.2015 № 1-34/2015 1-852/2014 Петрозаводского городского суда Республики Карелия. Доступ с сайта «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» // URL: sudact.ru (дата обращения: 22.05.2020).

запрет за нанесение ущерба кредитуру путем раскрытия коммерческой тайны, или вредных разглашений, а также за разглашение секретов производства¹.

Анализ научных изысканий современных исследователей в данной сфере свидетельствует о восприятии ими в Уложении группы однородных преступлений, посягающих на институт добросовестных конкурентных отношений². В такую группу ими включаются такие преступления, как содержащиеся в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» в гл. 2 «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», отд. 2 «О противозаконных действий для перекупа и непомерного возвышения или понижения цен на жизненные припасы» ст. 913 (ст. 1130) — стачка (сговор) торгующих о повышении цен на предметы продовольствия, в гл. 13 «О нарушении торговых уставов», отд. 6 «О нарушении уставов торговых учреждений» ст. 1180 (1615) — стачка о повышении или снижении цены на необходимые товары, ст. 1181 (1619) — склонение к стачке об участии или неучастии в торгах; в гл. 14 «О нарушениях уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», отд. 1 «О нарушениях уставов фабричной и заводской промышленности» ст. 1353–1357 (1788–1790) — нарушения прав на изобретения, чужие клейма и знаки, нарушение знака охраны, посягательства на коммерческую тайну незаконное использование чужих рисунков или моделей³. Перечисленные деяния условно можно отнести к основной группе преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения.

Некоторые современные авторы также называют иные деяния, в частности предусмотренные ст. 1175 (использование в торговле весов без клейма), 1176 (использование

¹ Федоров А. Ф. Торговое право / Федоров А. Ф., проф. Новорос. ун-та. Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1911. С. 207.

² Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственный преступлениях основные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 264–265 Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции проблемы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 21–26 Корниенко В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке: автореф. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 30–31 Бачин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 49–52 Репин П. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции уголовно-правовая характеристика (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. С. 40–43 Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2016. С. 106–110 Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 46–48 Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / под ред. В. П. Заварухина. М.: ИПРАН РАН, 2018. С. 15–16

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.; Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года/ Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп.. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1886. [4], 714 с.

неточных весов и мер)¹, 1616 (сокрытие продавцами без особых причин жизненно важных припасов и прекращение торговли ими)², 1683–1685 (незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности)³, 1665 (как мошенничество квалифицировалось введение потребителя в заблуждение), 1686–1688 (принуждение посредством физического насилия или угроз к написанию, выдачи или подписанию обязательств по имуществу; уничтожение имущественного документа; отречение от права по имуществу или к принятию невыгодных имущественных условий)⁴.

Примечательно, что к преступлениям на торгах относилась отдельная группа преступлений, ответственность за которые была установлена в статьях отделения 6 «О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи» гл. 11 «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» Уложения. Из названия структурных элементов Уложения видно, что данные деяния относились к категории «должностных преступлений», могли совершаться только специальным субъектом. Среди преступлений указанной группы следует выделить следующие: ст. 491 — допущение к торгам лиц, чьи товары или деятельность не обладают необходимым качеством; ст. 498 — сговор (стачка) должностного лица, осуществляющего проведение торгов, с некоторыми их участниками для недопущения других, «а равно продажа без торга чего-либо из назначенного в продажу с аукциона, и за всякое потворство одним покупателям к убытку других...»; ст. 499 — несообщение должностным лицом, осуществляющего проведение торгов, о сговоре (стачке), «имеющего целью убыток для казны или частного лица», о чем ему было известно, начальству.

В новом Уголовном уложении 1903 г. законодатель усовершенствовал старые нормы в борьбе с картелями и пересмотрел основания уголовной ответственности, связанные с нарушением правил добросовестной конкуренции. Так, согласно ст. 242 гл. 11 «О нарушениях постановлений, ограждающих народное благосостояние» каралось заключением в тюрьму «торговца или промышленника, виновного в чрезмерном поднятии цен на предметы продовольствия или иные предметы необходимой потребности по соглашению с другими торговцами этими предметами или промышленниками»⁵.

Проявлениям недобросовестной конкуренции, исходя из рассмотренных ранее взглядов на характер преступной деятельности в этой сфере, предполагалось противодействовать посредством запретов на следующие деяния: в гл. 16 «О нарушении постановлений о надзоре за промыслом и торговлею» — ст. 356 — использование в промышленности или торговле товарных знаков, сходных с товарными знаками, принадлежащим другим промышленникам или торговцам, ст. 357 — использование в промышленности или торговле товарных знаков с запрещенными надписями или изображениями, ст. 359 — использование в хозяйственной деятельности без разрешения

¹ Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 107.

² Голомолзин А. Н. Исторические уроки защиты и развития конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20). С. 15.

³ Корниенко В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке. С. 31.

⁴ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны теоретико-прикладное исследование. С. 51.

⁵ Уголовное уложение 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 16 апреля 1903 г. № 88. Отдел первый // URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 07.04.2020).

знака, принадлежащего законно учрежденному обществу; в гл. 28 «Об оскорблении» — ст. 540 — разглашение заведомо ложного обстоятельства, подрывающего доверие к промышленной или торговой деятельности лица, общества или учреждения или к способности лица исполнять обязанности его звания или занятия; в гл. 29 «Об оглашении тайн» — ст. 543 — разглашение секретов производства, ст. 544 — разглашение банковской, акционерной тайны, ст. 545 — разглашение коммерческой тайны; в гл. 35 «О преступных деяниях против прав авторов и привилегий на изобретения» — ст. 622 — нарушения с использованием авторских и патентных прав в сфере торговли.

Таким образом, к 1917 г. уголовным законодательством страны предусматривалась довольно широкая система уголовно-правовых запретов антиконкурентных деяний.

Анализ первых уголовных кодексов советского государства, когда экономика страны строилась уже на иных принципах, чем ранее, и конкуренция, хотя и существовала в некоторой степени, приобретая характер противопоставляемого ей социалистического соревнования¹, перестала быть важным элементом экономической системы, дает основания утверждать, что отдельные заложенные ранее критерии охраны интересов, связанных с конкуренцией, сохранились. В правовой литературе первых лет советской власти поднимался вопрос о важности противодействия тем проявлениям недобросовестной конкуренции, которые, несмотря ни на что, оставались в экономике. При отрицании необходимости наличия в стране специального законодательства о конкуренции², признавалась актуальность существующих в УК РСФСР 1922 г. статей, которые могли защитить «публичные интересы от явно недобросовестных действий торгующих...»³.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.⁴ содержал два состава, признаки которого имели характер монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции — в ст. 137, в которой предусматривалась ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок, и ст. 199, в соответствии с которой преследовалось самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием⁵.

¹ Шкараденко И. А. Правовое регулирование конкуренции и ограничение монополистической деятельности на товарных рынках по законодательству России: автореф. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2001. С. 12.

² Эстрин А. Я. Хозяйственные преступления и уголовное право (к вопросу о «хозяйственных преступлениях» в УК РСФСР) // Революция права. 1927 г. № 3. С. 52–53 // Доступ с сайта Электронной библиотеки «Наука права» // URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/712/1996/18255?view=1> (дата обращения: 05.03.2019).

³ Иделиевич Л. Л. Недобросовестная конкуренция // Вестник Советской Юстиции. Харьков. 1926. № 7. С. 291 // Электронная библиотека «Наука права». URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/438/558313/37302?view=1> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР: постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 01.06.1922 г. / . Доступ с сайта Консорциума «Кодекс» электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 01.03.2019).

⁵ И. В. Серебруев помимо ст. 199 к преступлениям против добросовестных конкурентных отношений относит также деяния, предусмотренные ст. 190 (фальсификация, т.е. обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов), 191 (фальсификация предметов потребления, которая имела или

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.¹ отражал уже иные тенденции в государственной политике страны и был направлен на защиту государственной монополии, но противодействие недобросовестной конкуренции сохранилось почти в неизменном виде в ст. 178.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый Верховным Советом РСФСР 27.10.1960², в первоначальной редакции уже не включал специальный состав преступления, образующего недобросовестную конкуренцию. Существенные изменения УК РСФСР стали происходить с начала 90-х гг.³ В 1991 г., с принятием первого в России специального антимонопольного акта — Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее — Закон о конкуренции), была установлена уголовная ответственность за нарушение его норм. Изначально она предусматривалась ст. 24 Закона о конкуренции и касалась должностных лиц органов власти и управления и хозяйствующих субъектов, виновных в неоднократном уклонении от исполнения или несвоевременном исполнении предписаний антимонопольного органа, а также в неоднократном предоставлении заведомо недостоверных (ложных) сведений, необходимых антимонопольному органу для осуществления его деятельности. Затем последовали изменения в гл. VII «Должностные преступления» УК РСФСР включением в ее содержание ст. 175¹ «Нарушение антимонопольного законодательства». Согласно указанной статье, уголовная ответственность наступала за неисполнение в срок должностным лицом органа власти, управления или хозяйствующего субъекта законных предписаний антимонопольного органа, если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия. Позже, в 1993 г., в гл. VI «Хозяйственные преступления» была введена ст. 154³ «Незаконное повышение или поддержание цен». Уголовная ответственность предусматривалась за незаконное повышение или поддержание цен, совершенное в результате монополистической деятельности путем создания препятствий доступу на рынок другим хозяйствующим субъектам, либо изъятия товаров из обращения, либо сдерживания их от реализации, либо другого устранения от потребителей (ч. 1).

Отдельные признаки недобросовестной конкуренции были зафиксированы в составах преступлений, предусмотренном ст. 155 «Незаконное пользование товарными знаками», 156 «Обман потребителей» и 156.5 «Нарушение правил торговли».

Таким образом, в том или ином виде система преступлений против добросовестной конкуренции существовала в источниках уголовного права в разные периоды развития страны. Представляется, что наиболее удачные уголовно-правовые нормы о рассматриваемой группе преступлений были предусмотрены Уголовным уложением 1903 г., а в от-

могла иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов), 192 (сбыт заведомо негодного семенного материала) УК РСФСР (Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 112).

¹ Уголовный кодекс РСФСР постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 22.11.1926 (в редакции от 22.11.1926) / . Доступ с сайта Музея истории российских реформ им. П. А. Столыпина // URL: <http://museumreforms.ru/node/13973> (дата обращения: 23.03.2020).

² Уголовный кодекс РСФСР Закон от 27.10.1960 (в редакции от 27.10.1960) / . Доступ с сайта «Библиотека нормативных правовых актов СССР» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 02.03.2020).

³ Уголовный кодекс РСФСР Закон от 27.10.1960 (в редакции от закона от 30.07.96 г.) / . Доступ с сайта СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

ношении преступлений на торгах — в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Несмотря на то что ими охватывались многие деяния, что не отвечает современному принципу экономии уголовной репрессии, их анализ может оказаться полезным современному законодателю в работе по совершенствованию существующих в УК РФ уголовно-правовых запретов на антиконкурентные действия.

Дегтерев А. А.,
доцент кафедры
уголовного права,
юридический факультет
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук

Спорные вопросы толкования объекта в основном составе преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ

Законодательное описание преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) по мнению автора, является своеобразным, т.к. обусловило ряд теоретических и практических проблем характеристики его объекта, а также практики применения рассматриваемого состава преступления. Диспозиция ст. 277 УК РФ предусматривает уголовное деяние, которое осуществляется путем «посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля с целью прекращения государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность»¹.

Впервые законодатель использовал термин «посягательство», вместо привычного, устоявшегося термина «убийство», в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1962², которым УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 191.2, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка³. С указанного времени, как заметил Я. М. Брагинин, «неопределенность термина «посягательство»... породила целую литературу этого вопроса»⁴. В настоящее время в Российской Федерации действуют всего два нормативных правовых акта регулирующие правоотношения связанные с посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля, а именно: 11.07.2001 принят Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях», и модельный закон «О парламентском контроле над военной организацией государства», принятый постановлением № 18-13 на

¹ Деяние отнесено к преступлениям террористического характера (прим. к ст. 2051 УК РФ).

² www.libussr.ru

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

⁴ Брагинин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 235.

18-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ проходившей в городе Санкт-Петербурге 24.11.2001.

Эти обстоятельства указывают на то, что законодатель не отказался от термина «посягательство»; более того, в УК РФ использовал его уже в трех уголовно-правовых нормах, содержащихся в ст. 277, 295 и 317. Кроме того, в ст. 360 УК РФ, употреблен термин «нападение», а не термин «посягательство», применяется он, когда речь идет о нападении на физическое лицо, а не жилое помещение, именно как посягательство.

Определение объекта рассматриваемого преступления, помимо всего прочего, осложнено еще и тем, что в теории уголовного права авторитетными учеными высказано мнение, согласно которому в преступлениях, предусматривающих в качестве потерпевшего человека, объектом посягательства неправомерно признавать общественные отношения, как предложил в свое время А. А. Пионтковский (сын)¹ и как считалось практически всеми учеными до 90-х гг. прошлого века. Теперь же, например, А. В. Наумов утверждает, что теория объекта преступления как общественных отношений уже «не срабатывает», следовательно, не может быть универсальной, в связи с чем подлежит пересмотру². Некоторые авторы общественные отношения признают объектом преступления с оговоркой, при этом придавая им новое, специфическое значение — как правопорядка, установленного для обеспечения прав, свобод и интересов личности. Признание же приоритета человека над иными социальными ценностями, по мнению А. А. Тер-Акопова, требует нового понимания объекта уголовно-правовой охраны³.

Г. П. Новоселов утверждал, что «...объектом любого преступления, а не только направленного против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других — как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих — как социум»⁴.

Кроме того, в литературе отмечается, что выделение специальных норм, в ст. 277, 295 и 317 УК РФ, свидетельствует о неравенстве уголовно-правовой охраны в зависимости от статуса потерпевшего; в указанном случае имеет усиленная защита жизни и здоровья отдельных категорий лиц⁵.

Между тем, характеризуя объект рассматриваемого преступления, а следовательно, и характер его общественной опасности, авторы фактически единодушны в том, что все предлагаемые определения отличаются лишь нюансами. В этом нетрудно убедиться, обратившись к конкретным высказываниям ученых. Так, А. И. Рарог полагает, что преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, посягает на политическую систему РФ⁶;

¹ См.: Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 129–130.

² См.: Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть курс лекций. М., 1996. С. 147.

³ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

⁴ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60.

⁵ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. С. 56.

⁶ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 312.

по сути, аналогичная точка зрения высказана Р. Р. Галиакбаровым¹, Н. И. Ветровым², А. Б. Беляевым³, С. И. Никулиным⁴.

А. В. Наумов, считает, что объектом рассматриваемого преступления выступает конституционный принцип политического многообразия и многопартийности⁵; И. Л. Марогулова к этому принципу добавляет принцип равенства граждан⁶. Основываясь на данных философского словаря, принцип как «первоначало, руководящая идея, основное правило поведения»⁷, по мнению автора, не может являться объектом какого-либо преступления вообще, в том числе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. А добавление, сделанное И. Л. Марогуловой, к тому же, искажает суть общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

С. В. Бородин⁸ и Е. В. Благов⁹ исходят из того, что преступление, предусмотренное статьей 277 УК РФ, нарушает внутреннюю безопасность государства. Последнее, следует заметить, охраняется другими уголовно-правовыми нормами, поэтому авторы, на наш взгляд, неверно трактуют социальную направленность деяния. В литературе также утверждается, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля представляет угрозу основам конституционного строя России и политической стабильности, поскольку создает обстановку, при которой могут обостриться противоречия в политической сфере, претерпеть урон авторитет государства на международной арене¹⁰. Не отражает специфику посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля такой объект, как основы конституционного строя РФ¹¹, поскольку в этом случае не указывается, что из последних нарушается преступлением.

Трудно согласиться с утверждением Ю. Е. Пудовочкина о том, что данное деяние посягает на общественные отношения, складывающиеся во внутриполитической сфере реализации государственного суверенитета¹². Во-первых, неудачной представляется ссылка на сферу общественных отношений; сфера представляет собой область, в которой отношения существуют, но при этом нет в определении главного — не называются, по поводу чего они возникают и каково их содержание. Именно последнее обстоятельство делает неприемлемым такой подход к характеристике анализируемого элемента состава преступления.

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть. М., 1999. С. 439.

² См.: Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. М., 2000. С. 373.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2000. С. 361.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2008. С. 570.

⁵ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право в 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 352.

⁶ См.: Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 1999. С. 454.

⁷ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 382.

⁸ См.: Уголовное право России в 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 1998. С. 609.

⁹ См.: Благов Е. В. Особенная часть уголовного права. М., 2012. С. 308.

¹⁰ См.: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. М., 2012. С. 632.

¹¹ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 817 Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. П. Ревина. М., 2000. С. 694.

¹² См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2008. С. 939.

Кроме того, автор различает объект преступления (который он рассматривает как составной) в зависимости от его цели и мотива, что уже само по себе вызывает вопросы, основным из которых является возможность определения сущности нарушаемых общественных отношений исходя из указанных признаков состава преступления при неизменной социальной направленности деяния. По мнению Ю. Е. Пудовочкина, при посягательстве на жизнь потерпевшего с целью прекращения профессиональной деятельности лишение жизни является необходимым условием причинения вреда общественным отношениям, характеризующим его профессиональную или общественную деятельность. В качестве таковых он называет суверенитет государства и безопасность личности, что не соответствует объекту преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ.

При посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля из-за мести за предыдущую деятельность виновный, как считает автор, не может нарушить общественные отношения по поводу его деятельности, следовательно, в этом случае объектом преступления выступает жизнь человека¹. На наш взгляд, такая трактовка данного элемента преступления не вытекает из закона, не основана на конституционных положениях политической системы России.

По мнению автора, причинение смерти человека, в том числе обусловило дискуссию об объекте преступления и его виде. Многие авторы жизнь государственного или общественного деятеля признают вторым (дополнительным) объектом преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ. Такой подход согласуется с механизмом совершения деяния: виновный, посягая на жизнь указанного лица как обладателя соответствующих функций, тем самым нарушает основы политической системы страны. Это не означает умаления значения жизни другого человека, нарушения приоритетов уголовно-правовой охраны, обозначенных в ст. 2 УК РФ. Вторым объектом является необходимым элементом, без которого не может быть данного преступления в принципе. Его наличие повышает степень общественной опасности содеянного, что естественно отражается в санкции статьи. Таким образом, последнее обстоятельство нельзя трактовать как нарушение равенства уголовно-правовой защиты жизни государственного или общественного деятеля по сравнению с другими потерпевшими; оно отражает объективно существующую опасность преступления, нарушающего две группы отношений: основы политической системы РФ и жизнь человека.

С такой характеристикой преступления, где вторым объектом выступает жизнь другого человека, не соглашался А. А. Тер-Акопов, считавший, что, исходя из приоритетов уголовно-правовой охраны, жизнь должна всегда признаваться самостоятельным (основным) объектом уголовно-правовой охраны². Формально, это утверждение верно, т.к. соответствует ст. 2 УК РФ. Но если пойти по предложенному автором пути и считать объектом всех преступлений, которыми причиняется смерть человека, жизнь, то фактически утрачивается возможность различать общественно опасные деяния между собой, поскольку все они будут иметь одну социальную направленность — жизнь другого человека (например, убийство и причинение смерти в результате автотранспортного преступления)³.

В. Г. Павлов считает, что необходимо перенести норму, устанавливающую уголовную ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного

¹ См.: Там же. С. 939–940.

² См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. С. 56.

³ См.: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. 02.12.2019) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1930; 2019. № 49 (ч. 5). Ст. 6982.

деятеля, из гл. 29 в гл. 16 и ее включить в ч. 2 ст. 105 УК РФ, признав, таким образом, рассматриваемое деяние квалифицированным видом убийства¹.

В. П. Кашепов считает, что предписания ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ следует объединить в рамках ст. 105 УК РФ, предусмотрев часть 3, изложив ее в следующей редакции: «3. Убийство:

а) государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности;

б) судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность;

в) сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность;

г) убийство членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы, совершенное с целью полного или частичного уничтожения этой группы, — наказываться...»².

Введение данной нормы позволит рельефно обозначить приоритет интересов личности и более последовательно подойти к построению уголовно-правовых норм в рамках криминализации деяний, посягающих на личность.

Т. Ю. Маркова предлагает поменять термин «посягательство» на термин «убийство», при этом оставляя ст. 277 УК РФ в той же главе Уголовного Кодекса³.

Предложенный Т. Ю. Марковой путь, по мнению автора, наоборот, ведет к искажению правовой природы рассматриваемого преступления, т.к. совершая преступление против основ политической системы, оно превращает его в преступление против жизни.

Интересное суждение об объекте рассматриваемого преступления высказали Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев. По их мнению, «в качестве объекта преступления следует признавать неприкосновенность личности государственного или общественного деятеля. При таком подходе интересы политической системы РФ не утрачивают своего уголовно-правового значения; они характеризуют особый статус указанных потерпевших и проявляются в осуществляемых ими функциях как представителей государственной власти или общественных объединений, реализующих отдельные направления внутренней или внешней политики государства»⁴.

¹ См.: Павлов В. Г. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Проблемы уголовной политики, экологии и права: сб. мат. междуна-род. науч.-практич. конференции 24–25 мая 2010 г. СПб., 2010. С. 126.

² Криминализация и декриминализация как форма преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018. С. 59.

³ См.: Маркова Т. Ю. Убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8.

⁴ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2016. С. 20.

Несмотря на привлекательность этой точки зрения, в какой-то степени «примиряющей» имеющиеся разногласия в оценке анализируемого элемента состава преступления, вряд ли она может претендовать на окончательное решение проблемы. Дело в том, что авторы, очень тонко, меняют акцент: вместо основ политической системы они переносят его на личность потерпевшего. Между тем Ф. М. Рудинский, например, обоснованно подчеркивал, что правом неприкосновенности личности обеспечивается личная безопасность отдельных лиц¹.

Судебная практика по рассмотренным уголовным делам по ст. 277 УК РФ не велика и единична, например, определение Верховного Суда РФ от 04.04.2007 № 5-о07-35С// СПС «КонсультантПлюс.

Подводя итог, можно сказать, что:

во-первых, рассматриваемое преступление является двухобъектным: основной объект охватывает общественные отношения, характеризующие политическую систему Российской Федерации, т.е. совокупность различных политических институтов, социально-политических общностей, осуществляющих власть, взаимоотношения между социальными группами и индивидами; дополнительный — неприкосновенность государственного и общественного деятеля;

во-вторых, государственный деятель — это лицо, занимающее должность, установленную:

1) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.01.1995 № 32 (в ред. от 15.05.2018);

2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации»;

Под общественным деятелем как потерпевшим в преступлении, предусмотренном статьей 277 УК РФ, понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ политических партий, общественных объединений, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

Как при определении круга потерпевших — государственных деятелей, так и при установлении круга потерпевших — общественных деятелей основным критерием отнесения к их числу конкретных лиц является связь деятельности последних с основой политической системы России.

¹ См.: Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 69.

Ефремова М. А.,
*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент*

К вопросу об эффективности уголовного-правового противодействия киберпреступности

Информационные технологии сегодня охватывают почти все сферы жизнедеятельности общества и государства. Однако их технические возможности все чаще стали использоваться в преступных целях. В связи с этим необходимо обратиться к вопросу об эффективности уголовно-правовых средств противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий.

В последние пять лет количество зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, возрастает от года к году. Так, по данным официальной статистики МВД Российской Федерации если в 2014 г. было зарегистрировано 10968 таких преступлений, то в 2015—43816, в 2016—65949, в 2017—90587, а в 2018—174764. Информационно-телекоммуникационные технологии уже используются не только для совершения «чисто компьютерных» преступлений, но и стали фактором трансформации «традиционных» видов преступлений.

Например, для совершения таких «классических» преступлений, как кража и мошенничество, все чаще стали использоваться информационно-телекоммуникационные технологии, в том числе сеть Интернет. Конечно же, нельзя говорить о том, что они полностью переместились в виртуальную среду, однако наметилась определенная тенденция к росту числа хищений посредством телекоммуникаций. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 32668 преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных и использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в то время как в 2017 г. было зарегистрировано 6945 подобного рода деяний. Проблема противодействия так называемым «дистанционным хищениям» стала настолько острой, что требует незамедлительного решения. К этому виду преступлений относится и мошенничество с использованием электронных средств платежа, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 159.3 УК РФ. Следует отметить, что в 2018 г. наименование статьи и диспозиция части первой претерпели существенные изменения. Если ранее ответственность предусматривалась за мошенничество с использованием платежных карт, то есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации, то в настоящее время ответственность предусмотрена за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Таким образом, состав был расширен, что, на наш взгляд, было совершенно оправдано несмотря на то, что теперь в диспозиции нет подробного описания объективной стороны деяния. Сказанное подтверждают и данные статистики: в 2017 г., то есть до внесения изменений, было зарегистрировано 11 преступлений, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ, а в 2018 г. эта цифра возросла до 4242. В целом же, практика уголовно-правового противодействия преступлениям в кредитно-

финансовой сфере, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствует о том, что использование таких технологий значительно повышает степень их общественной опасности ввиду направленности на более широкую аудиторию, а их применение значительно упрощает совершение преступлений. Преимущества, предоставляемые сетью Интернет, а именно анонимность и высокая скорость являются удобным инструментом для совершения хищений. Рост числа интернет-магазинов, систем онлайн-банкинга, платежных систем способствует тому, что все больше людей доверяют безналичным расчетам, не принимая во внимания, что даже в рамках «виртуальной экономики» действуют криминальные схемы.

За последние годы наблюдается рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, нарушающих право на неприкосновенность частной жизни. Так, например, в 2018 г. было зарегистрировано 143 преступления, ответственность за которые, предусмотрена 138, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (против 51 преступления в 2017 г.). Информационно-телекоммуникационные технологии, в том числе сеть Интернет, все чаще стали использоваться для распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну путем размещения фотографий или видеозаписей потерпевшего, или его близких родственников не всегда пристойного содержания. В целом ряде случаев, виновные вымогали у потерпевших определенные суммы денег за удаление этой информации из сети Интернет. С ростом числа пользователей сети Интернет растет число так называемых взломов электронных почтовых ящиков, аккаунтов в социальных сетях, в результате которых виновный получает возможность незаконно ознакомиться с перепиской потерпевшего.

Киберпространство все чаще стало использоваться террористическими и экстремистскими организациями для воздействия на сознание людей, в целях разжигания этнической или религиозной ненависти, или вражды, пропаганды идеологии экстремизма, вербовки новых членов. В этой связи остро стоит задача противодействия кибертерроризму. Кибертерроризм можно отнести к так называемым технологическим видам терроризма. В отличие от традиционного, этот вид терроризма использует в террористических акциях новейшие достижения науки и техники в области компьютерных и информационных технологий. Основной формой кибертерроризма является информационная атака на компьютерную информацию, вычислительные системы, аппаратуру передачи данных, совершаемая террористическими группировками или отдельными лицами. Ввиду всей специфичности данного преступления, оно не может быть квалифицировано по ст. 205 УК РФ, где террористический акт определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

26.07.2017 был принят Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹, который направлен на регулирование отношений в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак. Для противодействия таким

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 167.

противоправным деяниям Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Как отмечается в пояснительной записке законопроекту «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»² компьютерная атака способна полностью парализовать критическую информационную инфраструктуру государства и вызвать социальную, финансовую и (или) экологическую катастрофу. К сожалению, помимо того, что законодателем использованы не совсем удачные формулировки при конструировании объективной стороны, не совсем верно определено и место данной нормы в Особенной части УК РФ. Представляется, что ее следовало бы включить в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», так как по сути ст. 274.1 УК РФ представляет собой криминализацию кибертерроризма. Если обратиться к данным статистики, то они подтверждают сказанное. В 2018 г. не было зарегистрировано ни одного преступления, предусмотренного ст. 274.1 УК РФ, а в 2019 г. — 4.

Подводя общий итог вышесказанному, следует отметить, что выше приведен далеко не исчерпывающий перечень деяний, при совершении которых могут быть использованы информационно-телекоммуникационные технологии. Представляется, что он будет расширяться. В настоящее большинство деяний, ответственность за которые предусмотрена Особенной частью УК РФ, может быть совершена с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Не всегда законодательство поспевает реагировать на стремительно развивающиеся достижения научно-технического прогресса. К сожалению, не всегда статистика отражает реальную картину. В целом же, нормы уголовного закона, направленные на противодействие деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, нуждаются в значительном совершенствовании.

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 167.

² Пояснительная записка к законопроекту «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47571-7> (дата обращения: 21.01.2018).

Забавко Р. А.,
доцент кафедры уголовного права,
Юридический институт
Иркутского государственного университета,
кандидат юридических наук,

Технико-юридические проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта в уголовном праве

Стремительное развитие компьютерной техники, информационных технологий, увеличение скорости передачи данных и ряд иных обстоятельств привели к появлению феномена искусственного интеллекта (англ. artificial intelligence), в философии и инженерных науках — совокупность электронных алгоритмов, способных решать задачи, ранее свойственные исключительно разуму живых существ, требующие элементов интуитивного, творческого, эвристического мышления, которые могут заменить человека или оказать ему значительную помощь в различных областях — от инженерных до социальных наук, а также в реализации повседневных и экстраординарных задач.

Одно из наиболее перспективных направлений, где искусственный интеллект (далее — ИИ) может найти применение — область права, в том числе уголовного. Он способен обрабатывать большие массивы данных, самообучаться, не имеет физиологических ограничений, абстрагирован от конфликта интересов и т.д. В этой связи использование ИИ в принятии решений по вопросам уголовного права как помощника, а в перспективе и полная замена человека является принципиально важным для юриспруденции. Несмотря на то что вопрос использования ИИ в сфере юриспруденции рассматривается неоднозначно, ученые призывают готовиться к этому, отмечая, что данный процесс уже запущен¹.

Между тем есть масса проблем, связанных с использованием ИИ. Одна из них — отсутствие общепринятых стандартов в рассматриваемой сфере.

В настоящий момент созданы и функционируют международный комитет SC 42 «Artificial Intelligence» и его российский подкомитет «Технический комитет 164 «Искусственный интеллект» (ТК 164)», в задачи которых входит разработка единых стандартов в различных (прежде всего технических) отраслях с целью повышения эффективности работ в области ИИ на национальном, межгосударственном и международном уровнях. Указанными органами создано несколько стандартов по основным направлениям и ведется разработка в области установления основополагающих стандартов, стандартов больших данных, качества систем ИИ, вычислительных подходов и характеристик, прикладных и образовательных технологий, связанных с ним, кредитоспособности и инвестирования в развитие данных технологий².

¹ Алешкова И. А., Молокаева О. Х. Судебная власть в условиях новой информационной реальности // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 82—98.

² Технический комитет 164 «Искусственный интеллект» (ТК 164) // Официальный сайт АО «Российская венчурная компания». URL: <https://www.rvc.ru/eco/expertise/tc164/> (дата обращения: 06.06.2020).

Вместе с тем стандартизация различных аспектов, связанных с ИИ, принципиально важна и для уголовного права. Прежде всего, это касается технико-юридического инструментария, используемого при создании норм и составлении актов применения права. Рассмотрим основные стандарты, подлежащие внедрению в сферу уголовного права в перспективе использования ИИ для квалификации преступлений.

1. *Четкая систематизация и кодификация уголовного законодательства.* В настоящий момент действующий УК РФ представляет собой достаточно разрозненную систему норм, которые часто противоречат друг другу либо используют различные правовые механизмы для регулирования сходных или даже идентичных категорий. В частности, не до конца решены многие проблемы конкуренции уголовно-правовых норм. Так, несмотря на то, что доктринально установлен приоритет норм Общей части УК РФ над нормами Особенной части, в правоприменительной практике это не всегда соблюдается. Например, известна проблема отсутствия согласованности ч. 2 ст. 75 УК РФ и примечания 1 к ст. 228 УК РФ. В правоприменительной практике проблема давно решена (применяется указанное примечание), но система ИИ, которая имеет предустановленный приоритет использования норм, может ошибиться (либо потребуются введение частных приоритетов в данной и сходных ситуациях).

2. *Установление правовой природы всех используемых в уголовном законе инструментов.* Данная задача вытекает из вышеназванной. Несмотря на глубокую теоретическую проработанность большинства уголовно-правовых институтов, в современном уголовном праве по-прежнему остается множество пробелов и разнотолков. В связи с тем что ИИ потребует при программировании, развертывании и обучении вероятнее всего потребует разъяснения базовых правовых механизмов, следует четко определить их правовую природу. Так, несмотря на отсутствие в Общей части УК РФ указание на допустимость согласия на причинение вреда (при наличии постулата о том, что он не имеет уголовно-правового значения), фактически такое согласие влияет на квалификацию. Так, ст. 123 УК РФ сконструирована с учетом этого согласия, примечание к ст. 122 УК РФ предполагает освобождение от уголовной ответственности (причем еще до совершения преступления) при его наличии, а, например, в ст. 131 или 132 УК РФ причинение насилия может быть согласовано с половым партнером до определенного предела и поэтому часто оценивается ими же.

3. *Устранение полисемии и омонимии.* Уголовный закон изобилует терминами, употребляемыми не в истинном их значении. При этом отдельные термины используются в разных нормах с разным смыслом. Проблема усугубляется тем, нормативные правовые акты, к которым зачастую отсылают бланкетные диспозиции статей Особенной части УК РФ, используют собственные дефиниции. Конечно, проблема отчасти решается с применением словарей синонимов, антонимов, омонимов, однако отсутствие единой терминологии существенно усложняет правоприменительную практику и сейчас¹. Текст уголовного закона весьма категорично оперирует некоторыми терминами, на первый взгляд являющихся понятными. Так, например, конструкция «совершение аналогичного деяния, предусмотренного соответствующей статьей КоАП РФ», используемая в нормах УК РФ с административной преюдиция, формально предполагает полное совпадение деяний, включая признаки их общественную опасность. В тексте УК РФ очень много таких «условностей», не вполне понятных даже специалистам.

¹ Шишков С. Н., Полубинская С. В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123.

4. Четкое соотношение объекта преступления и целей уголовно-правовой охраны.

В отдельных случаях законодатели и правоприменители «забывают» для чего криминализовано то или иное деяние. Так, Р. О. Долтовым высказана мысль о том, например, при привлечении к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ) возникает парадоксальная ситуация, когда незаконный оборот предметов, которые лишь имитируют медицинские изделия, ответственности не образует, тогда как совершение аналогичных с объективной стороны действий в отношении качественных медицинских изделий уголовно наказуемо (напомним, что ст. 238.1 УК РФ находится в гл. 25 и призвана охранять общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения и общественную нравственность)¹.

5. Формирование системы учета разъяснений руководящих постановлений Пленума Верховного Суда РФ в соответствии с законом. Пленум ВС РФ активно обобщает судебную практику по различным преступлениям и принимает рекомендации, которые существенно упрощают правоприменительную деятельность. Являясь по своей природе актами судебного толкования права, в отдельных случаях они приобретают свойство закона и оказывают существенное воздействие на уголовную политику. Порой, Пленум ВС РФ даже меняет основание криминализации. В частности, так произошло со ст. 167 УК РФ, которая в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» вменяется по совокупности с кражей, грабежом или разбоем, хотя в предыдущей редакции указанного постановления прямо указывалось на отсутствие необходимости вменять ст. 167 УК РФ. Кроме того, в отдельных случаях разъяснения Пленума ВС РФ «отстают» от закона, что закономерно, так как ВС РФ требуется время для обобщения судебной практики и выработки единой позиции.

6. Разработка алгоритмов квалификации отдельных видов преступлений. ИИ, являясь компьютерной программой (или аппаратно-программным комплексом), действует в соответствии со строго заданными алгоритмами. Он не повторяет разум человека, а лишь быстро и качественно обрабатывает большие объемы данных, обобщает ранее принятые решения и выносит на основе исходных данных новые. В этой связи ИИ необходимо «понять» логику принятия решения человеком. Думается, эта логика должна быть формализована, соответствовать выработанным параметрам, учитывать возможные ошибки, отсутствие или противоречивость сведений, необходимых для квалификации.

7. Разработка стандартов качества информации, на основе которой ИИ будет способен принять решение. Данная проблема касается не текста уголовного закона или иных норм, она затрагивает проблему качества информации, отражающего «вторую сторону» квалификационных алгоритмов — фактические данные о произошедшем. Несмотря на строгую формализацию процесса расследования уголовных дел и фиксации имеющих значение для квалификации обстоятельств, наличие криминалистических рекомендаций, часто информация, отражаемая в материалах уголовного дела, не отражает истинной картины произошедшего. И если человек в лице следователя, дознавателя, прокурора и иных лиц, осуществляющих квалификацию, способен интерпретировать ее, то для ИИ эта задача может стать затруднительной. Конечно, одно из требований, пред-

¹ Из доклада Р. О. Долотова «Объект преступления по ч. 1–2 ст. 171.1 УК РФ» на вебинаре СГЮА 09.06.2020.

являемых к ИИ — способность использовать имеющуюся информацию, но, как представляется, для повышения качества его работы целесообразно разработать единые стандарты ее качества. Это существенно снизит риски ошибки и повысит общую эффективность ИИ.

Мы привели далеко не исчерпывающий перечень первоочередных задач стандартизации, разрешение которых будет способствовать успешному внедрению ИИ. Вероятно, таких задач будет очень много и их преодоление потребует усилий специалистов из различных отраслей.

Тем самым, перед научным сообществом, поддерживающим идею использования ИИ для квалификации преступлений, встает ряд сложных задач — создать стандарты информации и алгоритмов, используемых ИИ. Как представляется, от эффективности решения указанных задач, во многом зависит оперативность внедрения ИИ в сферу юриспруденции, эффективность его работы, повышение доверия к нему со стороны общества.

Зверева А. И.,

*соискатель кафедры уголовного права,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Преступления и деликты, посягающие на экологическую безопасность водных объектов: проблемы разграничения

Соотношение преступлений и административных правонарушений относится к числу сложных и дискуссионных проблем¹. Правда, О. Л. Дубовик считает, что с принятием УК РФ в значительной степени сняты многие вопросы разграничения уголовно и административно наказуемых деяний². Однако подобные суждения единичны и, кроме того, ставятся под сомнение другими учеными³. Такой научный фон не может не сказываться на любых попытках провести «демаркационные линии» между отдельными видами преступлений и административных правонарушений, посягающих на экологи-

¹ См., например: Константинов П. Ю. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений // Правоведение. 2005. № 3. С. 58–74 Студеникина М. С. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в системе действующих федеральных кодексов // Административная ответственность: вопросы теории и практики / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2004. С. 17 Шергина К. Преступление или проступок? За что отвечать и по какому закону? // Закон. 2002. № 7. С. 18 и др.

² См.: Дубовик О. Л. Реформирование законодательства об административной и уголовной ответственности за нарушения экологического законодательства: итоги, тенденции и задачи // Правовое обеспечение экологической безопасности в субъектах Российской Федерации: материалы круглого стола. М., 2010. С. 28.

³ См.: Попов И. В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь, 2014. № 1. С. 41.

ческую безопасность водных объектов. В частности, отмечается отсутствие формализованных критериев, затрудняющих отграничение уголовно наказуемых деяний от административных проступков и, как следствие, их правильную квалификацию¹. В результате в правоприменительной практике наблюдается перекося в сторону административной юрисдикции, влекущей за собой более простую процедуру привлечения к ответственности.

При описании соответствующих составов УК РФ и КоАП РФ оперируют различной терминологией, а в тех случаях, когда она совпадает, в тождественные понятия вкладывается совершенно различное содержание. Так, если уголовно наказуемые деяния представляют собой загрязнение, засорение, истощение водных объектов либо иное изменение их природных свойств, то смежные административные правонарушения выражаются в «нарушении правил», «невыполнении требований», «невыполнении обязанностей», «нарушении требований». Только в ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ использованы термины «загрязнение» и «захоронение». Конечно, настаивать на абсолютном тождестве терминологии различных отраслевых кодексов вряд ли правильно, но все же представляется, что она не должна разительно отличаться.

Иллюстрацией противоположных подходов УК РФ и КоАП РФ к одним и тем же понятиям являются содержание и статус загрязнения, засорения, заиления и истощения водных объектов в структуре составов соответствующих преступлений и правонарушений. В большинстве норм КоАП РФ загрязнение (ч. 1 ст. 8.13), а также засорение, истощение (ч. 4 ст. 8.13) или заиление (ст. 8.45) рассматриваются в качестве последствий административных правонарушений. Исключение составляет ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за загрязнение ледников, снежников или ледяного покрова водных объектов либо загрязнение водных объектов, содержащих природные лечебные ресурсы или отнесенных к особо охраняемым водным объектам, местам туризма, спорта и массового отдыха, отходами производства и потребления и (или) вредными веществами, а равно захоронение вредных веществ (материалов) в водных объектах. В этом случае термин «загрязнение» характеризует деяние.

В УК РФ рассматриваемое понятие относится к общественно опасному деянию загрязнения вод и морской среды.

В отношении критериев разграничения так называемых водных преступлений и правонарушений правовая доктрина также испытывает серьезные затруднения. Они проявляются прежде всего в отсутствии согласованного понимания того, какие именно конкретные признаки или обстоятельства могут служить этой цели. Так, П. Ю. Константинов полагает, что данная цель может быть достигнута с помощью трех критериев: а) материального, характеризующего общественную опасность деяния; б) тяжести наказания за правонарушение или преступление (критерий наказуемости деяния); в) процессуального, характеризующего процессуальную форму привлечения виновных лиц к юридической ответственности². А. С. Шавырина называет наиболее эффективным критерием разграничения преступлений и административных правонарушений общественную опасность, основной формой выражения которой является причиненный вред, его тяжесть³. З. А. Незнамова, напротив, доказывает, что характер и степень общественной опасности как традиционный критерий разграничения

¹ См.: Там же.

² См.: Константинов П. Ю. Указ. соч. С. 60.

³ См.: Шавырина А. С. Основные подходы к разграничению административных правонарушений и преступлений. URL:

преступления и административного деликта в последние годы «фактически утратили свое дифференцирующее значение», а «составы преступлений и составы административных правонарушений описываются так, что между ними вообще трудно уловить разницу...»¹. А. В. Староверов, относит к разграничительным признакам характеристики объективной стороны составов, а также потерпевшего и предмета². По мнению С. К. Гаврилова, в основу разграничения экологического преступления и проступка чаще всего кладутся размер причиненного вреда, а также место, способ совершения преступления, в меньшем числе случаев — предмет преступления, форма вины и другие признаки состава³.

В интерпретации Н. В. Качиной, существует два основных взгляда на проблему разграничения преступления и проступка: «одни авторы считают, что преступление отличается от административного правонарушения наличием признака общественной опасности, другие видят это отличие в степени общественной опасности»⁴. Автор исходит из бесспорности вредоносности как преступлений, так и проступков, подчеркивая лишь больший вред преступлений («их вина антисоциальнее, мотивация низменнее, способы совершения более дерзки»). Вместе с тем она обращает внимание на условность, недостаточность приведенных критериев для разграничения конкретных преступлений и правонарушений в сфере водных отношений, обозначая и обосновывая такие трудности, как использование оценочной терминологии при законодательном описании последствий, дублирование признаков деяния в УК РФ и КоАП РФ и др.⁵

По нашему мнению, заслуживает внимания позиция И. В. Попова, который, наряду с критериями разграничения уголовно и административно наказуемых деяний⁶, обосновывает необходимость установления «понятого для следственных органов критерия уголовной наказуемости преступлений против природной среды»⁷. В частности, отграничивая загрязнение водных объектов (ст. 250 УК РФ) от нарушения правил охраны водных объектов (ст. 8.13 КоАП РФ), он основывается на таком признаке преступного деяния, как «существенный вред», справедливо подчеркивая его оценочность и вытекающую отсюда сложность для правоприменителя.

Нетрудно заметить, насколько разительно отличаются друг от друга имеющиеся научные подходы. Думается, что их объединяет только то, что ни один из них не решает

<https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/> Основные подходы к разграничению административных правонарушений и преступлений (дата обращения: 22.05.2020).

¹ Незнамова З. А. Проблемы разграничения преступления и административного правонарушения // // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.): Избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2015. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Староверов А. В. Некоторые вопросы разграничения преступлений и административных правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 48.

³ См.: Гаврилов С. К. Указ. соч. С. 109.

⁴ Качина Н. В. Загрязнение вод: разграничение преступлений и административных правонарушений // Экологическое право. 2013. № 1. С. 19.

⁵ Там же.

⁶ Попов И. В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования. С. 42.

⁷ Попов И. В. В поисках критерия уголовной наказуемости деяний, посягающих на природную среду // Российский следователь. 2010. № 9. С. 13.

проблему разграничения преступлений и административных правонарушений в рассматриваемой области на должном уровне, ни один не является убедительным и бесспорным. Действительно, под сомнение можно поставить (и практика реально ставит, не применяя или крайне редко применяя соответствующие уголовно-правовые нормы) и общественную опасность, и признаки объективной стороны составов, и иные предлагаемые доктриной критерии. Они дискуссионны уже на стадии теоретического осмысления, не говоря о правоприменительной практике, многократно усиливающей эту дискуссионность.

Изложенные проблемы с неизбежностью ставят на повестку дня вопрос о возможных способах их разрешения. Целесообразно ли в имеющемся правовом контексте продолжать поиск критериев разграничения преступлений и административных правонарушений в сфере водных отношений? Полагаем, что на этот и подобные вопросы трудно дать положительный ответ — следует искать иные решения обозначенных проблем. При этом своеобразной точкой опоры для их осмысления и формулирования может, на наш взгляд, служить кардинальный пересмотр концептуальных положений соотношения и взаимодействия уголовного и административного права. Важная и пока единственная серьезная научная работа в этой области принадлежит Л. В. Головки, который впервые подверг аргументированной критике традиционные подходы к вопросам разграничения преступлений и административных правонарушений в российском праве, подчеркнув, что они предопределяют значительную техническую отсталость используемого юридического инструментария и серьезный разрыв западного и постсоветского правового мышления без малейшей возможности его преодоления¹.

Рассмотренный научный подход еще более утверждает нас в мнении о тщетности усилий, нацеленных на поиск критериев разграничения рассматриваемых преступлений от смежных административных правонарушений в рамках традиционных взглядов, «старого институционального каркаса» (Л. В. Головки). Вместе с тем совершенно очевидно, что объединение административных правонарушений и преступлений в пределах одной, уголовно-правовой сферы не снимает вопроса о разграничении компонентов этой сферы. Однако его острота, на наш взгляд, все же ощутимо снизится: речь уже идет не о явлениях, относящихся к разным отраслям права, а это серьезно облегчает поиск максимально безупречных критериев (критерия) разграничения. Согласимся с Л. В. Головки, предложившим в качестве такого критерия вид и размер наказания. Его пригодность покоится на фундаментальном отечественном (и зарубежном) опыте законодательной классификации преступлений и ее теоретическом осмыслении, нашедших свое воплощение на национальном уровне в ст. 15 УК РФ и научных трудах, посвященных различным аспектам классификации. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующее основное правило разграничения: деяния, посягающие на безопасность водных объектов, в силу их потенциальной опасности, должны быть отнесены не к правонарушениям или проступкам, а к преступлениям. Определение и обоснование вида и размера наказания, отделяющего преступление от проступка как пограничного ему вида уголовно наказуемого деяния, — самостоятельная проблема, требующая отдельных научных исследований. На этом этапе допустимо ограничиться общим выводом о статусе водных преступлений как о самом тяжком виде деяний, охватываемых понятием «уголовная сфера».

Резюмируем изложенное.

¹ См.: Головки Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42.

О смежности составов административных правонарушений и преступлений, посягающих на безопасность водных объектов, как следствие, согласованности правовых за- претов в данной области можно вести речь с очень большой долей условности; админи- стративное и уголовное законодательство оперируют различной терминологией при описании признаков соответствующих деликтов. В тех редких случаях, когда термино- логия более или менее совпадает, за ней обнаруживается различное отраслевое содер- жание используемых понятий.

При разграничении рассматриваемых преступлений и административных правона- рушений невозможно опираться на классическую модель такого разграничения, исхо- дящую из представления о конструкции составов правонарушений как формальных, а преступлений — как материальных: и в первом, и во втором случае встречаются обе эти конструкции. Данное обстоятельство также способствует размыванию границ между преступлением и административным деликтом в сфере водных отношений.

Качмазова А. В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Горский государственный аграрный университет*

Перспективные пути совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных постановлений

Фундаментальной задачей любого уголовно-правового исследования, посвящен- ного конкретным преступлениям, должна являться разработка направлений совершен- ствования мер противодействия таким общественно опасным деяниям. В этом ракурсе, наряду с рассмотрением особенностей квалификации преступлений, должны быть изу- чены возможные пути оптимизации соответствующих уголовно-правовых предписа- ний. Анализ уголовно-правовой характеристики преступлений в сфере исполнения су- дебных постановлений демонстрирует наличие потенциала для совершенствования уго- ловно-правовых средств противодействия данным общественно опасным деяниям.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что в теории уголовного права высказано уже немало весьма продуктивных предложений по оптимизации норматив- ной основы уголовно-правовой борьбы с неисполнением судебных постановлений. Эти предложения следует рассмотреть с позиции их соответствия динамично развиваю- щимся общественным отношениям на современном этапе. Так, в юридической литера- туре выражена точка зрения о необходимости перемещения норм об ответственности за неисполнение судебного постановления в главу о преступлениях против порядка управ- ления¹. Не соглашаясь с такой позицией, Ю. И. Кулешов указывает на то, что «реализа- ция судебного акта является содержанием правосудия, поскольку доводит процесс дан- ной деятельности до его логического завершения»².

¹ Глистин В. К. проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 108–109.

² Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законо- творчества и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 47.

На первый взгляд, вопрос о месторасположении изучаемых норм может показаться исключительно техническим. Но это отнюдь не так, поскольку указанными обстоятельствами формируется представление о видовом объекте преступления, во многом определяющем содержание и непосредственного объекта преступления. В этой дискуссии, по нашему мнению, стоит поддержать сторонников сложившегося подхода, согласно которому преступления, связанные с неисполнением судебных постановлений, размещены в главе о преступлениях против правосудия. Аргументацией такой точки зрения служит тот факт, что обязательность исполнения судебного постановления в ее конституционно-правовом смысле непосредственным образом связана с гарантией защиты прав и свобод, в том числе с помощью правосудия. Именно поэтому судебное постановление — это не простое управленческое решение, а акт, разрешающий юридический конфликт, документ, порождающий или определяющий содержание определенных правоотношений.

Д. Ю. Виноградов обращает внимание на то, что в рамках ст. 312 УК РФ не предоставляется уголовно-правовая охрана отношений, возникающих в связи с обращением к исполнению удостоверений комиссий по трудовым спорам. Вместе с тем социальная значимость таких отношений не уступает, например, отношениям по принудительному исполнению административного штрафа, наложенного по решению суда, которые регулируются ст. 312 УК РФ¹. По утверждению данного автора, «ценность общественных отношений не может зависеть от статуса органа, вынесшего решение об их защите. Поэтому законодатель должен предоставить равную уголовно-правовую охрану отношениям, возникающим при хранении имущества, подвергнутого описи или аресту в связи с удовлетворением не только судебных актов, но и актов иных органов»².

Следует заметить, что в современных условиях, помимо комиссии по трудовым спорам, существенными властно-распорядительными полномочиями наделены трудовые инспекции. Кроме того, внесудебный принудительный порядок взыскания предусмотрен в налоговом законодательстве. Однако неисполнение каких-либо не изданных судом актов из названных сфер не подпадает под правовое регулирование ст. 312 УК РФ. Эта норма охраняет исключительно отношения правосудия. При этом, на наш взгляд, существующий подход является вполне оправданным. Абсолютно неприемлемо предоставлять актам каких-либо административных органов правовую защиту, идентичную юридическим механизмам обеспечения обязательности судебных постановлений. Только суд правомочен, например, принять окончательное решение в споре с теми же административными органами.

Немало внимание в теории уголовного права уделено проблемам совершенствования ст. 315 УК РФ. Так, М. А. Князков аргументирует целесообразность установления уголовной ответственности за неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ в рамках самостоятельной нормы уголовного закона. При этом в качестве месторасположения такой нормы автор предлагает главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства³.

¹ Виноградов Д. Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 73–74.

² Там же. С. 79.

³ Князков М. А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 78.

Представляется, что такая трансформация уголовно-правового запрета, сформулированного в ч. 2 ст. 315 УК РФ, является недостаточно аргументированной. Конечно же, постановления Конституционного Суда РФ имеют весьма специфичное юридическое содержание и обладают известными оригинальными правовыми свойствами. Однако, по нашему мнению, этого недостаточно для дробления ч. 2 ст. 315 УК РФ. Более того, ряд факторов неизменно подтверждают необходимость сохранения запрета на неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ в рамках ч. 2 ст. 315 УК РФ. В частности, Конституционный Суд РФ включен в судебную систему РФ на общих основаниях и не выделяется в какую-либо отдельную категорию. Поэтому наличие рассматриваемого запрета в рамках ч. 2 ст. 315 УК РФ видится вполне логичным и оправданным.

По утверждению М. А. Князькова, в настоящее время назрела необходимость расширения криминализации неисполнения судебных постановлений за счет законодательного закрепления уголовной ответственности за такое деяние в отношении любых лиц, обязанных подчиниться требованиям судебного акта, а не только лиц, наделенных определенными служебными полномочиями¹.

В этом ракурсе О. Н. Румянцев в качестве контраргумента указывает на факты неисполнения судебных постановлений общим субъектом по административным делам. По мнению данного автора, в таком случае невозможно усмотреть достаточную для криминализации общественную опасность содеянного².

Стоит заметить, что в современных условиях многие административные правонарушения могут расцениваться опаснее, чем некоторые преступления. Как минимум, административное наказание бывает более суровым, чем уголовное наказание за отдельные преступления. Кроме того, криминальным является именно злостное неисполнение судебного постановления, поэтому уровень общественной опасности такого деяния, даже совершенного общим субъектом, является, по нашему мнению, достаточным для криминализации. Достаточно сравнить, например, факт злостного неисполнения судебного постановления, допускаемый служащим коммерческой организации, и аналогичное деяние со стороны лица, не наделенного такими полномочиями. Полагаем, что в данном случае отсутствует ощутимая разница в уровне общественной опасности. Такой подход реализован в УК Азербайджанской Республики³.

В качестве направлений совершенствования норм об ответственности за неисполнение судебного постановления, на наш взгляд, могут быть также выделены следующие мероприятия. Так, в корректировке нуждается описание предмета состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 312 УК РФ. В частности, речь ведется об имуществе, подвергнутом описи. Согласно положениям действующего законодательства, опись

¹ Князьков М. А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 165. См. также: Оленьчева А. Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10–11.

² Румянцев О. Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с неисполнением приговора суда и иных судебных решений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 101.

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 9 июля 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.12.2019).

имущества выступает в качестве неотъемлемой процедуры его ареста. Поэтому отсутствует какой-либо юридический смысл самостоятельного указания на имущество, подвергнутое описи. Достаточно сохранить ссылку на имущество, подвергнутое аресту.

В диспозиции ч. 1 ст. 312 УК РФ законодатель описывает деяние в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест. Однако современная редакция Федерального закона «О банках и банковской деятельности», к банковским операциям относит не только соответствующие операции с денежными средствами, но и операции с драгоценными металлами¹. В этой связи было бы оправданным дополнить деяние в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, еще и указанием на драгоценные металлы как предмет преступления. В итоге эта формулировка может быть представлена в следующем виде: «осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами или драгоценными металлами, на которые наложен арест».

Длительная история существования уголовно-правового запрета на побег из мест лишения свободы или из-под стражи сама по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о безупречности данного предписания уголовного закона. Более того, считаем, что отдельные его положения следует откорректировать в соответствии с современными условиями. Так, необходимо обратить внимание на наличие в тексте диспозиции ч. 1 ст. 313 УК РФ на арест. Уголовный закон не содержит пояснений о том, что за арест в данном случае подразумевается. Вероятно, данным понятием не охватывается административный арест. Можно предположить, что по идее законодателя арест в данном случае фигурирует в качестве вида уголовного наказания, не применяемого до настоящего времени.

Между тем еще одним видом ареста, известного современной отечественной юриспруденции, является домашний арест, который при этом получил в последние годы уже довольно широкое распространение. Домашний арест, в силу ст. 107 УПК РФ, является мерой пресечения. В статье 313 УК РФ, как известно, криминальным признается побег не только лиц, отбывающих уголовное наказание, но и лиц, находящихся под стражей, то есть лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этих условиях возникает вопрос о целесообразности криминализации в рамках данной уголовно-правовой нормы, в том числе побега из-под домашнего ареста. Данная мера пресечения также применяется исключительно по судебному решению.

На наш взгляд, ответ на вопрос о необходимости криминализации в рамках ст. 313 УК РФ побега из-под домашнего ареста должен быть отрицательным. Несмотря на относительную строгость данной меры пресечения, она значительно менее суровая, чем содержание под стражей. Полагаем, что достаточной мерой воздействия за нарушение меры пресечения в виде домашнего ареста является ее замена на более строгую меру, которой выступает содержание под стражей.

Одним из значимых вопросов при рассмотрении проблемы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия побегам является потенциальная возможность учета самостоятельного и добровольного возвращения сбежавшего виновного. В частности, такой учет осуществляется в некоторых иностранных государствах. Так, в УК Республики Таджикистан добровольное возвращение лица, совершившего побег, расценивается в качестве обстоятельства, освобождающего при определенных условиях

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

от уголовной ответственности¹, а по УК Турции — обстоятельства, снижающего наказание².

По нашему мнению, такой зарубежный законодательный опыт заслуживает пристального внимания и изучения. Думается, что вряд ли можно оспорить утверждение о том, что добровольное возвращение лица, совершившего побег, существенно снижает уровень общественной опасности его преступления. Полагаем, что это именно тот случай, когда постпреступное поведение лица способно влиять на уровень общественной опасности оконченного преступления.

Проведенный нами анализ материалов судебной практики свидетельствует, что зачастую лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы в колониях поселениях, и совершившие побег, длившийся всего несколько часов, осуждались по ст. 313 УК РФ. На наш взгляд, если лицо в подобных ситуациях после нескольких часов отлучки из колонии-поселения добровольно возвращалось в место лишения свободы, содеянное им не должно влечь наказания за побег.

В этой связи нами предлагается закрепить примечание к ст. 313 УК РФ следующего содержания: «Лицо, отбывающее наказание в колонии-поселении, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно вернувшееся в место лишения свободы в течение суток, подлежит освобождению от уголовной ответственности за побег из места лишения свободы при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления».

Изучение опыта уголовного законодательства Республики Беларусь демонстрирует наличие в нем ответственности за уклонение не только от лишения свободы, но и от иных видов наказания³. Как известно, российский уголовный закон в случае уклонения от исполнения иных видов наказания устанавливает возможность их замены более строгим видом наказания. Сопоставление данных подходов позволяет выделить в качестве предпочтительного отечественный. По нашему мнению, замена наказания более строгим его видом является достаточной санкцией за допущенное лицом уклонение от наказания. И лишь побег из места лишения свободы влечет дополнительное наказание, в том числе и потому что лишение свободы фактически не может быть заменено более строгим видом наказания.

В числе преступлений против обязательности судебных постановлений обращает на себя внимание предписание об ответственности за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера. Думается, что целесообразность криминализации такого деяния вряд ли может вызвать обоснованные сомнения. Вместе с тем такой законодательный подход представляется весьма односторонним. Уголовно-правовое противодействие криминальным проявлениям педофилии безусловно должно быть максимально жестким. Однако не стоит забывать и о других особо

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с измен. и доп. на 02.01.2020) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 11.02.2020).

² Уголовный кодекс Турции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 30.01.2020).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с измен. и доп. на 11.11.2019) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 21.12.2019).

опасных преступлениях и лицах, склонных к совершению таких деяний. Например, терроризм, насильственные преступления против жизни и здоровья, а также половой свободы и половой неприкосновенности личности.

На наш взгляд, наряду с ответственностью за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, должна быть закреплена ответственность за аналогичное деяние, совершенное лицом, страдающим иными психическими расстройствами, проявляющимися, в том числе в совершении насильственных преступлений. В итоге нами предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 314 УК РФ: «Уклонение лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и сопряженным со склонностями к совершению насильственных преступлений, от применения к нему принудительных мер медицинского характера».

Относительно перспектив совершенствования ст. 315 УК РФ необходимо отметить следующее. Законодательный шаг в виде установления самостоятельной ответственности общего субъекта за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, совершенное в отношении того же судебного акта, является, по нашему мнению, шагом по направлению к расширению криминализации фактов неисполнения судебного постановления. В данном случае регламентирована ответственность общего субъекта, но с административной преюдицией. Одновременно ч. 1 ст. 315 УК РФ ограничено содержание объективной стороны, в сравнении с ч. 2 ст. 315 УК РФ. Однако остается открытым вопрос о социально-правовой обоснованности формирования таких сложных конструкций, с трудом воспринимаемых даже юристами.

Совершенно очевидно, что предпочтительнее норму, сформулированную в ч. 1 ст. 315 УК РФ, включить в ныне действующую ч. 2 ст. 315 УК РФ. При этом в целях сохранения объема криминализации потребует исключить указание в ч. 2 ст. 315 УК РФ на специальный субъекта преступления.

При реализации данного предложения возникнет вопрос о целесообразности сохранения ст. 312 УК РФ, так как она приобретет статус безусловной специальной нормы по отношению к ст. 315 УК РФ. Представляется, что оптимальнее будет включить ее в содержание ст. 315 УК РФ. Оставлять такую разновидность неисполнения судебного постановления не имеет смысла.

Подводя итог изложенному, отметим, что установление в рамках ст. 315 УК РФ общего запрета на неисполнение судебного постановления послужит цели повышения эффективности соблюдения принципа обязательности судебных постановлений. Кроме того, в одной норме будут сконцентрированы уголовно-правовые запреты неисполнения различных судебных постановлений, облеченные в форму единого предписания. Представляется, это только подчеркнет необходимость строгого и неукоснительно исполнения судебных постановлений, а в качестве специальных норм об ответственности за неисполнение судебного постановления останутся в таком случае уголовно-правовые нормы о неисполнении судебных постановлений в уголовно-правовой сфере.

Об оценке предыдущей судимости при индивидуализации уголовной ответственности

Суд наложит уголовную ответственность на подсудимого, если установит, что он совершил преступление, за которое его судят. Исходя из того, что Уголовный кодекс РС¹ не предусматривает фиксированные наказания, суд обязан индивидуализировать уголовную санкцию. Таким образом, сначала наказания устанавливаются в определенном диапазоне, а потом суд индивидуализирует уголовное наказание, учитывая отягчающие и смягчающие обстоятельства. Суд обязан индивидуализировать уголовную ответственность, поскольку, в соответствии с условиями, установленными законом, суд может вместо наказания в виде лишения свободы определить другую уголовную санкцию (например, судебное предупреждение). Кроме того, вместо наказания в виде лишения свободы, судом может быть назначен иной вид наказания, когда это разрешено законом (например, штраф), а также и другие меры безопасности. Суд может смягчить наказание или освободить преступника от наказания. Однако, если суд решит, что осужденный должен быть приговорен к тюремному заключению, он обязан назначить тюремное заключение определенного срока в пределах установленного законом диапазона. Суд также имеет возможность решить, что осужденный будет отбывать наказание не в тюрьме, а в помещении, где он живет (отправить осужденного под домашний арест). В процессе индивидуализации наказания суд обязан оценить все обстоятельства, предусмотренные УК и определить соответствующую уголовную санкцию (или большее количество уголовных санкций) после их оценки. Уголовный кодекс предписывает определенные обстоятельства, которые суд обязан учитывать при индивидуализации уголовной ответственности. Это, как правило, обстоятельства, касающиеся обвиняемого и совершенного им преступления (степень вины, мотивы по которым оно было совершено, совершено ли это деяние из-за ненависти, предыдущая жизнь преступника, его личные обстоятельства, обстоятельства касающиеся личности обвиняемого² и т.п.). Статьи 54, 54а, 55 и 55а УК РС прописывают обстоятельства, которые суд должен учитывать перед наложением санкции. Суд обязан уделять особое внимание оценке всех обстоятельств, от которых зависит индивидуализация наказания в виде лишения свободы,

¹ «Официальный вестник РС», №. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.

² О необходимости исследования личности см. И. Милич, О необходимости исследования личности обвиняемого в уголовном процессе, Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе, Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014. г. с. 192— 196.

а также изложить их в судебном решении¹. Одним из обстоятельств, которое, как правило, наиболее учитывается, является предыдущая судимость². Если обвиняемый ранее был судим, это в некотором смысле свидетельствует о том, что ранее наложенная на него уголовная санкция не оказала на него влияния, т.е. не повлияла на его ресоциализацию. С другой стороны, как правило, в судебной практике всегда рассматривается в качестве смягчающего обстоятельства, если перед судом предстает обвиняемый, который ранее не был осужден.

УК часто меняется и дополняется. Изменения и дополнения УК нередко вносятся после самых тяжких преступлений, освещенных в средствах массовой информации и имеют, как правило, репрессивный характер. Нововведения и новые законы неоправданно и нередко вносятся под влиянием широкой общественности. Это также относится и к последним изменениям и дополнениям³, вступившим в силу 1-го декабря 2019 г. Они касаются введения наказания пожизненного лишения свободы, а также и других нововведений, касающихся судимости/рецидива преступлений. Предыдущую судимость суд должен оценивать, как отягчающее обстоятельство. Согласно действующему решению УК, если преступник был ранее судим, этот факт можно отнести к нескольким статьям УК следующим образом:

1) Многократный рецидив преступлений (ст. 55а УК). Для идентификации многократного рецидива преступлений необходимо учитывать несколько условий касающихся ранее совершенных преступлений, вновь совершенных преступлений и промежутка времени между совершенными преступлениями. Необходимо соблюдение следующих условий: 1. преступник был ранее дважды осужден за уголовные преступления, совершенные умышленно на срок не менее одного года; 2. он совершил новое уголовное преступление (то, за которое его судят) с умыслом и для этого преступления было прописано наказание в виде лишения свободы; 3. прошло не более пяти лет со дня освобождения преступника от отбывания наказания до совершения нового уголовного преступления. Как и прежде, можно услышать в широкой и в профессиональной общественности, что уголовная политика судов в РС является мягкой, т.е. что судьи выносят мягкие приговоры. В связи с этим, чтобы предотвратить вынесение судом мягкого приговора тому, кто ранее был осужден несколько раз, законодательство запретило такую возможность, введя вместо «судебной индивидуализации» — «индивидуализацию, предусмотренную законом».

2) Простой рецидив преступлений (ст. 55 УК). Для идентификации простого рецидива преступлений также необходимо учитывать несколько условий, касающихся ранее совершенных преступлений, вновь совершенных преступлений и промежутка времени между совершенными преступлениями. Необходимо соблюдение следующих условий: преступник был ранее однажды осужден за умышленное уголовное преступление; 2. он совершил новое уголовное преступление (то, за которое его судят)

¹ См. ст. 428 с. 10 Уголовно-процессуального кодекса, «Официальный вестник РС», № 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019, серб. Закон о кривичном поступку.

² Научная литература достаточно информирует об индивидуализации преступления рецидивистов. см. В. Н. Воронин, Критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений, Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). с. 121–128.

³ Закон об изменениях и дополнениях в Уголовный кодекс, Официальный вестник РС 35/19, серб. Закон и изменама и допунама Кривичног законика, Службени гласник РС, бр. 35/2019.

с умыслом; 3. прошло не более пяти лет от предыдущей судимости или от отбывания наказания. В случае простого рецидива суд не может назначить наказание ниже предела, установленного законом или более мягкий вид наказания. Существует запрет на судебное смягчение наказания, но не на смягчение, предусмотренное законом. Итак, при наличии простого рецидива наказание может быть смягчено, если закон предусматривает, что наказание может быть смягчено или если закон предусматривает, что преступник может быть освобожден от наказания, а суд не освобождает его от наказания.

3) Специальный рецидив преступлений (ст. 57 п. 3 УК). УК прямо не предписывает, что существует специальный рецидив. Тем не менее в статье, регулирующей пределы смягчения, один пункт относится к специальному рецидиву. В этом пункте предусмотрено, что наказание лица, совершившего уголовное преступление, который ранее был осужден за то же или аналогичное уголовное преступление, не может быть смягчено. Хотя, на первый взгляд, кажется оправданным запретить специальному рецидивисту смягчение наказания, такое решение не оправдано. По логике законодательства более сурово может быть наказано лицо, совершившее преступление по неосторожности, чем лицо, совершившее умышленное преступление. Причина в том, что в этом случае, кроме предыдущего приговора за одно и то же или аналогичное преступление, никакие другие условия не учитываются.

4) Предыдущая судимость и ранняя жизнь преступника (ст. 54 п. 1 УК). Для идентификации любого перечисленного рецидива необходимо наличие нескольких условий. Согласно УК, не каждая ранняя судимость является рецидивом. В связи с этим существует вероятность того, что обвиняемый был ранее осужден, но его судимость не может быть отнесена ни к одному из перечисленных рецидивов, указанных в УК. Не оправдано не оценивать судимость, какотягчающее обстоятельство. Это лицо не может рассматриваться как лицо с безупречным прошлым. В связи с этим его предыдущая судимость может рассматриваться как его ранняя жизнь, согласно ст. 54 п. 1 УК, так называемое факультативное отягчающее обстоятельство. В том случае, если выполнены и другие условия, наказание в виде лишения свободы может быть смягчено.

5) Предыдущая судимость и запрет на назначение условного осуждения (ст. 66 п. 3 УК). Условное осуждение — это уголовная санкция, которая чаще всего применяется в судебной практике. Существует возможность его применения с или защитным надзором, или без него. Условия назначения условного осуждения прописывает УК. Это условия, относящиеся к преступнику и совершенное уголовное преступление. Тем не менее, несмотря на наличие условий назначения условного осуждения одной категории, ранее осужденных», не может быть назначен этот тип уголовной санкции. Условное осуждение не может быть назначено, если с момента вынесения окончательного приговора, по которому преступник был приговорен к лишению свободы или к условному осуждению за совершение умышленного преступления, прошло не более пяти лет.

6) Ранняя судимость и факультативное назначение определенных санкций. Если условия, предписанные законом, выполнены, суд может наложить другой вид наказания или другой вид уголовной санкции вместо лишения свободы. Это зависит от многих обстоятельств, которые суд должен учитывать при индивидуализации уголовных санкций. Несмотря на то что ранняя жизнь указана в ст. 54 как обстоятельство, которое суд должен учитывать при индивидуализации уголовных санкций, в определенных уголовных санкциях конкретно указывается, что их уточнение зависит от ранней жизни преступника. Итак, суд обязан особенно учитывать, раннюю жизнь» при принятии решения о применении определенных санкций, например, А) при назначении судебного предупреждения; Б) при назначении условного осуждения; В) при выборе защитного надзора (в случае условного осуждения с защитным надзором); Г) при принятии решения о том,

будет ли осужденный отбывать наказание в помещениях, где он живет (при определении так называемого домашнего ареста). Тем не менее ранняя жизнь указана в п. 1 ст. 54 УК не представляет собой только предыдущую судимость, но и другие обстоятельства из ранней жизни обвиняемого (например, в какой семье родился преступник, каково его воспитание, образование, вырос ли он без родителей, был ли он когда-то жертвой уголовного преступления, был ли он беженцем, жертвой войны, был ли он наказан за правонарушение и т.п.)¹. На то, что при индивидуализации уголовных санкций больше всего учитывается ранняя судимость, может быть, влияет тот факт, что такие данные легко получить. Намного проще получить информацию о предыдущей судимости, чем о личных и семейных обстоятельствах преступника. Причина заключается в том, что каждый совершеннолетний² осужденный вносится в базу судимостей на определенный период, с учетом того, что существуют также осужденные, данные о которых никогда не исключаются из нее³. Определенные осужденные лица также вносятся в другие базы. В зависимости от назначенной уголовной санкции, осужденный также претерпевает определенные трудности от правовых последствий (закрывающихся в прекращении, утрате или запрещении приобретения определенных прав). Все криминалистические учеты в РС осуществляются Министерством внутренних дел (МВД). Следовательно, прокурору или суду достаточно запросить справку о наличии/отсутствии судимости обвиняемого, из которой он узнает, «криминальное прошлое» обвиняемого. Лицо также может быть удалено из базы судимостей. В УК прописывается реабилитация. Реабилитация снимает судимость и аннулирует правовые последствия, а лицо считается несудимым (ст. 97 п. 1 УК). Тем не менее не каждое лицо может быть удалено из базы судимостей. В УК прописаны судебная реабилитация и реабилитация предусмотренная законом. Осужденные лица, которым не назначены «строгие уголовные санкции» по должности удаляются из базы данных МВД по истечении определенного периода времени. Имеется в виду реабилитация, предусмотренная законом. Это зависит, от того, какая уголовная санкция была назначена. В этом контексте (удаление из базы данных МВД) осужденный, приговоренный к лишению свободы на срок до трех лет, остается в базе данных МВД в течение самого длительного времени. Осужденный будет удален, если не совершит новое уголовное преступление в течение десяти лет со дня исполнения наказания, его устаревания или помилования (п. 2 ст. 98, пп. 5 УК). Когда речь идет о судебной реабилитации, она может быть прописана (но не обязана) осужденному. Суд принимает решение об этом, оценивая определенные обстоятельства, предусмотренные в УК. Судебная реабилитация может быть предоставлена лицу, приговоренному к лишению свободы на срок от трех до пяти лет, если он не совершил новое уголовное преступление в течение десяти лет со дня отбывания, устаревания наказания или его прощения. Исходя из вышеприведенного, можно сделать вывод о том, что лица, приговоренные к лишению свободы на срок более пяти лет, не могут быть реабилитированы.

¹ См. Милич Иван, Индивидуализация наказания в виде лишения свободы — криминологический, уголовно-правовой и пенологический аспект, Нови Сад, 2017 г. с. 153. (докторская диссертация), серб. Милић Иван, Индивидуализација казне затвора — криминолошки, кривичноправни и пенолошки аспект, Нови Сад, 2017. стр. 153. (докторска дисертација).

² Несовершеннолетние преступники, а также и юридические лица вносятся в,,специальные базы,,.

³ В некоторых случаях получить эту информацию нелегко: например, когда судят иностранного гражданина или лицо без гражданства. Также нелегко узнать, осужден ли гражданин РС в другой стране.

Такие лица навсегда остаются в базе судимостей МВД. Тем не менее положение¹, регулирующее уголовную регистрацию, было принято еще в 1979 г., согласно которому никто из тех, кто зачислен в базе данных существенно не удаляется. Информация о судимости лица остается навсегда (с учетом того, что в справке о наличии/отсутствии судимости эта информация не пишется), что не оправдано. Таким образом, нарушается институт реабилитации. В судебной практике, в справке о наличии/отсутствии судимости нередко указывается, что осужденный был судим, но судимость погашена, что никаким способом не соответствует УК. Существуют также определенные проблемы в связи с ранней судимостью несовершеннолетних лиц, совершивших уголовное преступление. В РС несовершеннолетним преступникам предлагаются санкции в соответствии с их возрастом. Им, как правило, назначаются меры воспитательного воздействия и, реже, приговор к тюремному заключению для несовершеннолетних. Несмотря на то, что решения, предусмотренные законом, в известной степени неопределенны, можно сделать вывод, что такая ранняя судимость должна учитываться при индивидуализации уголовной санкции. Если ранее было назначено наказание в виде тюремного заключения для несовершеннолетних, при определенных обстоятельствах возможен рецидив преступлений. Если ранее была назначена мера воспитательного воздействия, то это обстоятельство должно быть учтено как ранняя жизнь и отягчающее обстоятельство. Существуют также проблемы в связи с внесением санкций в базу судимостей, поскольку в положениях в известной степени недостаточно точно регулируется ведение базы судимостей.

Если в судебном процессе установится, что обвиняемый был ранее судим, то судья обязан учитывать его судимость и уделять ей особое внимание. Судья обязан подвести судимость под правовую основу и учитывать ее при индивидуализации уголовной санкции. На практике судья может легко получить информацию о предыдущей судимости обвиняемого.

Мирошниченко Д. В.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Российская академия адвокатуры и нотариата (РААН),
кандидат юридических наук, доцент

Нормативные и логические основания административной преюдиции в уголовном праве

Административная преюдиция, на наш взгляд, представляет собой формально-материальную нормативную конструкцию, основанную на межотраслевом взаимодействии норм административного и уголовного законодательства, состоящую в совершении преступления лицом, ранее подвергнутым административному взысканию за однородное или тождественное деяние и обладающим свойством общественной опасности в связи с

¹ Положение о регистрации уголовных дел и учета преступлений «Официальный вестник СФРЮ», № 5/1979, серб. Правилник о казненој евиденцији, «Службени лист СФРЈ», бр. 5/1979.

устойчивым антиобщественным поведением¹. Таким образом, в случае применения норм с административной преюдицией, основание административной ответственности как бы становится частью основания уголовной ответственности.

Основной вопрос, который ставится в настоящей статье, звучит следующим образом: как возможен переход из административного проступка в качественно иное явление — преступление, и какой в этом смысл?

Для ответа на поставленный вопрос, следует обратиться к представлениям о такой фундаментальной категории уголовного права как «общественная опасность». Интерес к данной категории обусловлен тем, что именно она лежит в основе понимания сферы преступного как такового и ее отличия от сферы иных правонарушений.

Поскольку общественная опасность свойственна преступлению, но не относима в качестве такого свойства к административному правонарушению, то становится понятна логика противников административной преюдиции в уголовном праве, которая состоит том, что проступок не может быть качественно иным явлением — преступлением, поскольку он не обладает его необходимым свойством. Таким образом, общественная опасность становится серьезным камнем преткновения в вопросе о юридической природе административной преюдиции. Как указывал А. Н. Тарбагаев, «повторное административное правонарушение, сколько бы оно не повторялось, не приобретает существенных, материальных свойств преступления»². Эта мысль весьма рельефно отображает и современные взгляды на рассматриваемую проблему.

В науке уголовного права распространено мнение о том, что повторное административное правонарушение в период течения срока административной ответственности является признаком объективной стороны преступления, содержащего преюдицию, а содержание этого преступления по существу составляет совокупность двух тождественных административных проступков. Так, Н. А. Лопашенко, раскрывая признаки состава преступления с административной преюдицией, в числе прочих указывает, что к нему относится «деяние, составляющее объективную сторону состава преступления, которое представляет собой административное правонарушение, ответственность за которое установлена административным законодательством»³. Таким образом, логично следует вывод: если административное правонарушение, не обладающее признаком общественной опасности, является признаком объективной стороны преступления, основным показателем которой выступает общественная опасность деяния, то выявляется существенное противоречие — общественно опасным является то, что общественно опасным не является, даже если проступки были допущены многократно при условии течения срока административного наказания.

Вследствие этого, сущность преступления, содержащего преюдицию, состоит либо в формальной или технической обусловленности, в чем выражается некий волюнтаризм законодателя, допускающий рассмотрение такого рода преступлений как совокупности административных проступков, либо признак общественной опасности находит свое место не в объективной стороне, а воплощается в другом элементе состава.

¹ Мирошниченко Д. В. Колесник К. Р. Понятие административной преюдиции в уголовном праве России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1 (48). С. 62.

² Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовно праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 63.

³ Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3-23. С. 64.

В первом случае, формальный подход не удовлетворяет научному смыслу, а кажется только бессодержательной и бессмысленной юридической игрой. При этом, без сомнений, притязания на какую-либо научность категория административной преюдиции утрачивает, а наука теряет свои претензии на научность. Здесь уместно привести слова В. В. Денисенко о том, что отнесение противоправных деяний к преступлениям либо административным правонарушениям осуществляется, не исходя из научно обоснованного и доказанного наличия или отсутствия в деянии общественной опасности, а исключительно по воле законодателя¹. Как представляется, формальный подход лишь затуманивает действительное назначение административной преюдиции, при котором простой «накопительный эффект» проступков еще не может означать их перерастание в преступление, поэтому как самостоятельный и сам по себе обосновывающий административную преюдицию, мы не можем его принять. Но с другой стороны, поскольку юридические построения и конструкции требуют формальной определенности, то и полностью игнорировать указанный подход мы тоже не можем и допускаем его, но с условием, что к определению административной преюдиции необходимо также добавить и материальную составляющую, а именно — общественную опасность. И в этом состоит второй, указанный нами случай, при котором административная преюдиция получает свой научный смысл и материальное обоснование.

Как известно общественная опасность означает способность преступления наносить вред общественным отношениям либо создавать угрозу такового. Определяя свойство общественной опасности в отношении суммы двух или более административных правонарушений, мы не можем сделать вывод об их качественном переходе в разряд преступных деяний, поскольку априори вредные последствия проступков предусматриваются исключительно административным законодательством.

Однако существуют и противоположные взгляды ученых, которые стремятся обосновать перерастание административных правонарушений в преступления, исходя из содержания объективной стороны деяния, совершенно не смущаясь тезиса и его принципиальной невозможности. Так, например, В. П. Малков в одной из своих классических работ «Повторность проступка и уголовная ответственность» обосновывает административную преюдицию через возрастание общественной опасности деяния. Вот, что он по этому поводу пишет: «Опасность повторности одних и тех же проступков повышается потому, что в итоге их совершения значительно увеличивается конечный ущерб от содеянного в целом. Именно единство конечного ущерба от суммы тождественных действий позволяет рассматривать все содеянное, как одно целое, представляющее повышенную общественную опасность, т.е. как преступление»².

Вместе с тем В. П. Малков, справедливо не отбрасывает в сторону личность того, кто допускает повторность проступков, как ненужную категорию для целей познания правовой природы административной преюдиции: «Повторность проступков свидетельствует о повышенной степени общественной опасности личности нарушителя, особенно в случаях совершения нового нарушения после применения к виновному тех ли

¹ Денисенко В. В. О новой модели разграничения административной и уголовной ответственности: непростые ответы на простые вопросы // Теория и практика административного права и процесса: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции в 2 ч. ч. I / отв. ред. В. В. Денисенко, А. Г. Эртель. Майкоп: Полиграф-Юг, 2010. С. 59—65.

² Малков В. П. Избранные труды в 3 т. Т. 2 // Казань: Изд-во «Познание Института экономики, управления и права, 2011. С. 23.

иных мер воздействия»¹. Аналогичное мнение относительно формирования представления об общественной опасности преступления, содержащего преюдицию, исходя из конечного ущерба, причиняемого самостоятельными административными правонарушениями, высказывал В. Б. Боровиков: «Если рассматривать каждое правонарушение изолированно, то его степень общественной опасности недостаточна для того, чтобы попасть под сферу воздействия уголовного закона. Но совокупность этих деяний увеличивает степень их общественной опасности настолько, что образуется качественно новое правонарушение, т.е. преступление»². Именно поэтому, по словам ученого, законодатель ввел преюдицию как конструктивный признак состава преступления.

На наш взгляд, обоснование административной преюдиции через содержание общественной опасности деяния ведет к безуспешной попытке соотнести и связать в некое единое правовое явление два отдельных вида правонарушений — проступок и преступление. В связи с этим представляется, более правильными все же вести речь о двух различных сферах правовой охраны — административной и уголовной, в каждой из которых содержится «свои» правонарушения.

Как представляется, предшествующий факт привлечения к административной ответственности, является не составной частью преступления, содержащего преюдицию, но во многом его предпосылкой, и не может рассматриваться как объективный признак преступления, входящий в его состав. В свое время к такому же выводу пришел Ю. И. Ляпунов³. Действительно, в противном случае, если признать административный проступок составной частью объективной стороны преступления, содержащего преюдицию, то пришлось бы сделать неудовлетворительный вывод о том, что уже первое правонарушение представляет собой действие, непосредственно направленное на совершение преступления, а потому подлежащее уголовно-правовой оценке как покушения на то ли иное преступление (ч. 3 ст. 33 УК РФ), содержащее указание на предшествующий факт проступка. Между тем, как уже было сказано, исходное правонарушение по своей правовой природе является административным, и уголовная ответственность наступает только за действия, последовавшие после наложения административного взыскания.

Сказанное, однако, не означает, что рассмотрение возможности трансформации административного правонарушения в преступление возможно только лишь посредством объективных оснований уголовной ответственности. Необходимо также обратиться к еще одной немаловажной категории — субъекту преступления.

Как представляется, не просто сумма проступков определяет новое качество преступления, а личность самого правонарушителя (преступника). Такой вывод вполне обоснованно делает А. Г. Безверхов, отвечая на поставленный им же вопрос: «Что связывает административную преюдицию и предупреждение правонарушений? Это — личность правонарушителя»⁴. Ранее подобный вывод сделал еще один исследователь админист-

¹ Там же. С. 15.

² Боровиков В. Б. Преюдиции в советском уголовном праве // Государство, право и демократия в условиях развитого социалистического общества. М.: ВЮЗИ, 1973. С. 180.

³ Ляпунов Ю. И. Ответственность за злостное нарушение правил административного надзора // Социалистическая законность. 1985. № 1. С. 43.

⁴ Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2 (10). С. 40.

ративной преюдиции — Ч. Ф. Мустафаев, который указывал, что «трансформация административно-правовых отношений в уголовно-правовые происходит через субъекта правонарушения»¹. Но при этом критики, почему-то упускают из вида этот важный аспект проблемы межотраслевой административно-уголовной правовой связи и не включают в сформулированные ими понятия — субъекта как основной материальный фактор такой связи и обосновывающий сущность административной преюдиции элемент состава преступления.

В первую очередь необходимо иметь в виду не просто некое «опасное состояние» личности, приписываемое ей по каким-либо естественным или правовым основаниям, а опасную тенденцию развития его противоправного поведения — от правонарушения до совершения преступления в случае повторного игнорирования соответствующей нормы-запрета. Это представляется вполне разумным и допустимым, поскольку, во-первых, в праве уже существуют юридические конструкции, учитывающие прошлое антиобщественное поведение субъекта, в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность (примером может служить рецидив преступлений); во-вторых, нельзя игнорировать повторность деяний как признак, указывающий на устойчивое антисоциальное поведение лица.

Таким образом, если рассматривать признак административной преюдиции в уголовном праве исключительно с формальной точки зрения, то, действительно, окажется, что факт наложения административного взыскания в прошлом, и который не утратил своих юридических последствий на момент совершения повторного правонарушения, указывает на объективную сторону преступления. Считаем, однако, что игнорирование признака общественной опасности личности совершенно не оправдывает основание уголовной ответственности по соответствующим преюдициальным нормам УК РФ. Иначе как можно объяснить распространенность действия таких норм на тождественное или однородное противоправное поведение? На наш взгляд, ответ один — никак, кроме как указать на личностные свойства самого деятеля. Представим ситуацию, когда одновременно совершаются два аналогичных преюдициальных правонарушения двумя разными лицами. Разумеется, что в сумме они не могут образовать преступления. Однако если учесть тот факт, что один из виновных совершает проступок повторно, то чье поведение будет более опасным? На наш взгляд, ответ очевиден. Более того, в этом случае вместе с возрастанием степени опасности личности, возрастает и степень опасности правонарушения, которое в условиях системного игнорирования норм административного права «рецидивистом» становится более распространенным, ожидаемым и предсказуемым, но, оговоримся, не достигающим уровня криминальной опасности.

¹ Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдицией в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Баку, 1986 г. С. 50–51.

Назаренко Г. В.,
*профессор кафедры уголовного права,
Юго-Западный государственный университет,
доктор юридических наук, профессор*

Меры уголовно-правового характера: насуточные проблемы и перспективные решения

Концепт «меры уголовно-правового характера» введен в законодательный оборот составителями Уголовного кодекса РФ 1996 г. Указанные меры наряду с наказанием упоминаются в ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 5 «Принцип вины», ст. 6 «Принцип справедливости» и ст. 7 «Принцип гуманизма».

Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ переименовал разд. 6 УК РФ, который в первоначальной редакции имел заголовок «Принудительные меры медицинского характера», и озаглавил его как «Иные меры уголовно-правового характера», включив в этот раздел кроме принудительных мер медицинского характера (гл. 15 УК) институт конфискации имущества (гл. 15.1 УК). Через 20 лет после принятия действующего Уголовного кодекса Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ включил в разд. 6 УК РФ институт судебного штрафа (гл. 15.2 УК).

На наш взгляд, новый раздел получил свое наименование в силу недоразумения, так как разработчики Федерального закона № 153-ФЗ не вникли в содержание ст. 2, 5, 6, 7 УК РФ, в которых используется концепт «меры уголовно-правового характера». В указанных статьях речь идет о наказании и иных мерах уголовно-правового характера. Это означает, что наказание является мерой уголовно-правового характера наряду с прочими мерами уголовно-правового воздействия, которые обозначены в тексте закона как иные, то есть другие меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием. При этом законодатель указал в ст. 2 УК РФ, что наказание и иные меры уголовно-правового характера Уголовный кодекс устанавливает за совершение преступлений. Статья 7 УК РФ предусматривает, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми». Законодатель дважды отмечает, что меры уголовно-правового характера, как и наказание, применяются к лицу, совершившему преступление. В очередной раз на это обстоятельство указывает ст. 7 УК РФ.

По сути дела, переименование разд. 6 «Иные меры уголовно-правового характера» имеет две погрешности: во-первых, в него включено неопределенное местоимение «иные», синонимами которого являются такие слова, как «другие» и «прочие». В контексте указанных статей понятие «иные» имеет определенное значение: это понятие обозначает отличающиеся от наказания меры уголовно-правового характера; во-вторых, заголовок разд. 6 не соответствует содержанию гл. 15 УК «Принудительные меры медицинского характера», так как меры уголовно-правового характера применяются исключительно к лицам, совершившим преступление, а принудительное лечение назначается и применяется в первую очередь к невменяемым, совершившим общественно опасные деяния, которые законодатель не признает преступлениями. Кроме того, основной целью принудительного лечения является излечение лиц, страдающих психическими расстройствами, а предупреждение деяний, предусмотренных Уголовным ко-

дексом, хотя и объявляется целью принудительного лечения, но по факту является последствием медико-реабилитационного воздействия; в-третьих, трудно согласиться с тем, что принудительные меры медицинского характера одновременно имеют уголовно-правовой характер, то есть являются родственными наказанию. Принудительное лечение находится за пределами уголовной ответственности и наказания, поэтому меры медицинского воздействия следует включить в самостоятельный раздел «Принудительные меры медицинского характера», а гл. 15 Уголовного кодекса РФ озаглавить «Принудительное лечение». Раздел 6, в свою очередь, следует озаглавить как «Меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием» и включить в этот раздел гл. 15.1 «Конфискация имущества» и гл. 15.2 «Судебный штраф», поскольку законодатель после исключения конфискации в качестве меры наказания восстановил конфискацию имущества в качестве меры, альтернативной наказанию. При этом необходимо определить цели конфискации и включить в перечень преступлений, указанных в ст. 104.1 УК РФ, коррупционные деяния, преступления против чужой собственности и преступления, совершенные из корыстных побуждений. В свою очередь, гл. 15.2 «Судебный штраф» следует дополнить статьей, прямо указывающей, что судебный штраф не является мерой, которая заменяет конфискацию имущества, так как назначается лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, возместившему ущерб или иным образом загладившему причиненный вред, в случае освобождения такого лица от уголовной ответственности.

Что касается принудительных мер медицинского характера, их содержание включает в себя психиатрическое лечение, медицинский уход, помещение в стационарные условия и наблюдение общего, усиленного или интенсивного характера либо принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Меры уголовно-правового характера в отношении лиц, находящихся в состоянии психического расстройства, в период их лечения не применяются. Р. И. Михеев и его соавторы справедливо отмечают, что принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами, являются социально-правовыми и медико-реабилитационными мерами¹.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение, что принудительные меры медицинского характера не являются уголовно-правовыми мерами и без какого-либо ущерба могут быть изъяты из Уголовного кодекса и включены в Кодекс об административных правонарушениях либо в специальный закон. В этой связи Е. В. Благов справедливо утверждает, что принудительные меры медицинского характера имеют неуголовно-правовую природу и содержатся в уголовном законодательстве не более чем по традиции.²

На наш взгляд, это не самое лучшее предложение, так как принудительное лечение назначается судом лицам, которые совершили общественно опасные деяния, запрещенные Уголовным кодексом, и традиционно воспринимаются как превентивные меры, предусмотренные уголовным законом в отношении лиц, которые в силу психического расстройства представляют опасность для себя и окружающих. По своей правовой природе принудительные меры медицинского характера являются мерами безопасности и непосредственного отношения к мерам уголовно-правового характера не имеют, так как лица, к которым применяется принудительное лечение и наблюдение, уголовно-правовому воздействию не подвергаются. Принудительные меры медицинского характера не

1 См.: Михеев Р. И. Принудительные меры медицинского характера. Владивосток, 2000. С. 24.

2 См.: Благов Е. В. Общая часть уголовного права курс лекций. М., 2012. С. 330.

являются также уголовно-правовыми последствиями, которые фигурируют в ст. 3 УК РФ, поскольку законодатель связывает уголовно-правовые последствия с преступностью и наказуемостью деяний, определяемых Уголовным кодексом РФ в качестве преступлений.

Отметим, что Уголовный кодекс ФРГ признает помещение в психиатрическую больницу невменяемых и уменьшено вменяемых лиц мерой безопасности (ст. 63) и включает в перечень мер исправления и безопасности, кроме принудительного лечения указанных лиц, помещение в лечебное заведение алкоголиков и наркоманов, представляющих опасность, лишение водительских прав, запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью, установление надзора и превентивное заключение (ст. 61).

На наш взгляд, гл. 6 УК РФ в перспективе должна быть переформирована аналогичным образом, но без включения в нее превентивного заключения, которое противоречит принципам Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе принципам вины, справедливости и гуманизма (ст. 5,6,7 УК).

В заключение отметим, что вопрос о том, что следует понимать под «иными мерами уголовно-правового характера» является долговременно дискуссионным, ибо представители уголовно-правовой науки пытаются определить так называемые «иные меры» безотносительно к наказанию, которое наряду с другими мерами, предусмотренными Уголовным кодексом РФ, являются мерами уголовно-правового характера. Фактически иными мерами уголовно-правового характера являются все меры, альтернативные наказанию, но законодательный перечень мер уголовно-правового характера, не являющихся наказанием, по усмотрению законодателя ограничен теми мерами, которые не включены в разделы, предусматривающие наказание, освобождение от уголовной ответственности и от наказания и уголовную ответственность несовершеннолетних (разд. 3,4,5 УК). В настоящее время разд. 6 «Иные меры уголовно-правового характера» представляет собой своеобразную интермундию, то есть место размещения тех институтов, которые по своей правовой природе существенно отличаются от уголовно-правовых институтов, регламентирующих уголовную ответственность, наказание и меры освобождения от назначения либо применение репрессивных мер.

Некоз С. С.,

*заместитель Свободненского транспортного прокурора,
Восточно-Сибирская транспортная прокуратура*

Эволюция законодательства об ответственности за пособничество в совершении преступления

Изучение истории всегда дает возможность лучше понять текущее состояние того или иного уголовно-правового института, а через это — видеть возможные пути его дальнейшего развития и совершенствования.

Современная наука не обходит стороной вопросы становления и развития норм о пособничестве¹. Однако здесь, как и в любой теме, всегда есть пространство для формулирования новых и уточнения имеющихся выводов, что, как представляется, вполне оправдывает обращение к историческим аспектам.

Для начала необходимо сделать несколько предварительных замечаний методологического свойства в порядке критической оценки имеющихся в науке сочинений по проблемам истории пособничества.

Как показывает анализ литературы², одним из наиболее распространенных, можно сказать, типичным приемом анализа является исследование лишь правовых памятников, которые в той или иной степени отражали нормативные представления о пособничестве в различные исторические эпохи. В расчет при этом не берутся ни доступные источники из судебной практики, ни положения уголовно-правовой доктрины. Очевидно, что такой подход к организации исследования является не только не полным, но и существенным образом искажает сам принцип построения историко-правового анализа.

Далее. Сложно согласиться с высказанным в науке суждением о том, что в рамках историко-правового анализа пособничества нецелесообразно и даже недопустимо исследование, во-первых, правовых памятников, которые не содержат прямых предписаний о пособничестве, во-вторых, памятников, которые не имели законной силы источника уголовного права, и в-третьих, таких общих проблем, как понятие соучастия и виды соучастников³. Такие указания также представляются необоснованными, поскольку ограничивают познание предпосылок формирования правовых норм о пособничестве и потенциальных альтернатив их развития.

Еще один упрек в адрес имеющихся историко-правовых исследований пособничества можно адресовать присущему многим работам⁴ описательно-повествовательному стилю, при котором анализ сводится, по сути, к перечислению тех или иных законодательных изменений в понимании пособничества в различных памятниках права.

¹ Из специальных работ по этой проблеме см., например: Косарева Т. И. Историко-правовой анализ ответственности за пособничество совершению преступления // Актуальные проблемы правоведения. Научно-теоретический журнал. 2005. № 3 (12). С. 200–203 Затона Р. Е., Косарева Т. И. История становления и развития норм отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество совершению преступления в Российской империи (XVII — начало XX в.) // Адвокатская практика. 2007. № 2. С. 42–46 Шубина В. Ю. Пособничество в совершении преступления в истории отечественного уголовного законодательства (X в. — начало XX в.) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 2. С. 46–51 Ершов С. А. История развития пособничества // Юридические записки молодых ученых и аспирантов: Актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики: матер. II междунар. науч. конф. / отв. ред. М. В. Лушников. Ярославль ЯрГУ, 2011. Вып. 11. С. 35–36 Москвичев А. А. Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество преступлению в дореволюционный период // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 63–68 Пикуров О. Н. Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве // Lex russica. 2018. № 7. С. 39–53.

² См. цитированные выше работы Т. И. Косаревой, Р. Е. Затона, А. А. Москвичева.

³ Ершов С. А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 14.

⁴ См., например: Шубина В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 17–20.

Наконец, стоит отметить, что зачастую исследование истории пособничества осуществляется вне контекста общей истории уголовного права, в связи с чем можно встретить весьма произвольный подход к решению вопроса о периодизации нормативной истории пособничества, что явно не способствует формированию общих и правильных представлений о развитии соответствующей уголовно-правовой конструкции¹.

С учетом этих критических замечаний, выступающих одновременно в качестве исходных методологических установок, представляется собственное видение эволюции пособничества в уголовном праве России. В рамках данной статьи дать развернутый анализ всех нюансов истории пособничества вряд ли возможно по объективным причинам, потому будут отражены лишь некоторые, наиболее значимые моменты, отражающие базовые вехи в истории пособничества.

В том случае оправданным методическим приемом проведения исследования может служить своеобразная адаптация возможностей методологии исторического моделирования² и исторической типологизации³. Речь идет о том, что *на основе некоторых характерных и обладающих особой уголовно-правовой значимостью признаков пособничества можно создать несколько, как правило, альтернативных, описательных моделей или типов этого явления, которые были представлены в истории российского уголовного права либо параллельно, либо последовательно сменяя друг друга*. Сами модели есть не столько модели собственно пособничества, сколько модели уголовно-правовой оценки пособничества, его нормативного отражения. Они не являются достоянием исключительно истории, в известной степени они могут служить объяснению и современного состояния дел. Но формирование этих моделей, их противостояние и динамика в процессе исторического развития уголовного права показывают главные, определяющие направления эволюции уголовного права в исследуемом разрезе, помогая лучше понять текущее состояние соответствующих уголовно-правовых норм, их социально-исторические предпосылки и место в отраслевой истории.

Конструирование таких обобщенных моделей возможно на основе типологизации уголовно-правовых подходов к оценке пособничества. При этом чтобы противостояние и динамика типов были в большей степени наглядными, возможно представить их, акцентируя внимание на каком-либо одном признаке, содержание которого представляется нам наиболее существенным для познания нормативной истории пособничества.

Прежде всего, обратим внимание, что *более чем в тысячелетней истории уголовного права России вполне отчетливо и закономерно выделяется два этапа, различающихся общим уровнем развития всех основных уголовно-правовых понятий и обобщений, в том числе разумеется, и пособничества*. Водоразделом между ними может служить 1832 г., когда в процессе активной реформаторской деятельности был создан Свод

¹ К примеру, в исследовании Т. И. Косаревой выделяется пять этапов в истории пособничества (см.: Косарева Т. И. Пособничество совершению преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 10–11). Однако критерий периодизации, коренное отличие этапов друг от друга, и в целом значение такой периодизации остаются неясными.

² См.: Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8 Бородин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб. Алетейя, 2016.

³ См.: Трикоз Е. Н. Периодизация и сравнительно-историческая типология права // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2014. № 2.

законов Российской Империи, объединивший на пандектной основе все уголовно-правовые нормы, начиная с 1649 г.¹ Том 15 Свода содержал законы уголовные² и обособил в Общей части своих постановлений норму о пособничестве в преступлении (ст. 13). Важной теоретической предпосылкой для составления Свода можно считать проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 г.³, в котором пособничеству был посвящен § 17.

Нельзя, разумеется, думать, что до этого момента наше законодательство игнорировало вопросы ответственности пособников. Оправданно считается, что уже в Русской Правде можно найти первые постановления о соучастии (см., например, ст. 31, 40 Краткой редакции)⁴. Хотя этот закон объективно не знал понятия соучастия, деления соучастников на виды, и даже казуистически не описывал пособнические действия, сам факт стечения нескольких лиц в преступлении объективно требовал реакции на него со стороны государства, которая предполагалась в виде одинаковой ответственности каждого из участников преступления. Первые попытки описания собственно пособничества можно встретить в Соборном Уложении⁵, которое карало применительно к государственным преступлениям действия тех, кто «с недруги учнет дружитися, и советными грамотами ссылатися, и помочь им всячески чинити» (ст. 2 гл. 2); применительно к общеуголовным преступлениям — тех, кто «[разбойников] учнет укрывать и у себя держати» (ст. 20 гл. 21), кто «учнет помочь чинити» (ст. 16 гл. 22). Затем и Артикулы Воинские предписывали наказывать тех, «которые подлинно к смертному убийству вспомогали или советом или делом вступались» (артикул 155), «которые [при вооруженном разбое или грабеже] при нем были и помогали» (артикул 185), «которые в воровстве конечно вспомогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое ведаю, добровольно приняли, спрятали и утаили» (артикул 189)⁶.

Этот продолжительный период (с X по начало XIX в.) характеризуется рядом важных особенностей, которые заложили основу и для развития норм о пособничестве в

¹ Вопрос о значении Свода в системе источников российского права вызывал в науке споры. По мнению М. Н. Коркунова, Свод не имел характера самостоятельного закона, а лишь значение аутентичного толкования прежних законодательных актов. Однако Государственный Совет 19 января 1833 г. постановил считать Свод «законом, коим должно руководствоваться исключительно», а потому сомнений в его нормативной природе быть не должно. См. об этом: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 278.

² Свод законов уголовных. СПб. Тип. II Отд. Собств. Его Императорск. Велич. Канцелярии, 1832.

³ Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Самарский университет, 2013.

⁴ Памятники русского права. Вып. первый. Памятники права Киевского государства. X—XII в. / сост. А. А. Зимин, под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1952. С. 84. О первоначальном этапе формирования норм об ответственности за пособничество см.: Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 199.

⁵ Памятники русского права. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. О развитии норм, определяющих ответственность за пособничество в это время см.: Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV—XVII вв.). М.: Юрлитинформ, 2012. С. 133.

⁶ Памятники русского права. Вып. восьмой. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1961. С. 356, 363, 364.

уголовном праве, и для последующих теоретических дискуссий относительно его нормативных признаков, которые во многом не теряют своей значимости и сегодня. В частности, в это время:

— признано необходимым в интересах поддержания публичного порядка подвергать наказанию, наравне с исполнителями, лиц, которые оказывали помощь в совершении преступления; при этом само слово «наравне» может и должно интерпретироваться двояко: «наравне» — в смысле на тех же основаниях, за то же преступления, что и совершил исполнитель, а также «наравне» — в смысле назначения пособнику наказания, равного наказанию исполнителю, или в тех же пределах, что установлены законом для исполнителя;

— признано необходимым наказывать пособников не только в наиболее опасных государственных преступлениях, но в деликтах «общеуголовных», хотя такое признание и носило казуистический характер, именно он, как представляется, заложил основы дискуссии относительно опасности пособнических действий и необходимости их криминализации в «общем» порядке;

— эмпирическим путем выявлены и нормативно закреплены две базовые формы пособничества — «словом и делом», а также его сущность — «чинить помощь в преступлении», при этом законодатель по объективным причинам не мог дать исчерпывающий перечень видов пособнических действий, оставляя определение «помощи» на усмотрение правоприменителя;

— обнаружены, нормативно оценены некоторые близкие к пособничеству действия, как-то «укрывательство», «недоносительство», «притоносодержательство», «пользование преступными доходами», оценка которых в качестве разновидности пособничества или самостоятельных деликтов во многом определит дальнейшее развитие института соучастия в целом.

Этот этап в отраслевой истории пособничества можно условно назвать «интуитивным» или «донаучным». Нормативные представления о пособничестве развивались на основе опыта, отражали этот опыт. Они не могли развиваться быстрее, активнее, интенсивнее, нежели иные общие отраслевые понятия уголовного права. Их развитие требовало не только накопления необходимого эмпирического материала, но и определенного уровня развития общей теории и наук. Научное знание в сфере осмысления уголовно-правовых явлений появилось в России, как известно, относительно поздно¹. Однако с момента своего появления наука внесла и продолжает вносить существенный вклад в дело совершенствования уголовного закона и практики его применения. Реформаторские усилия первой трети XIX столетия шли параллельно со становлением науки уголовного права. Более того, можно смело утверждать, что с этого момента уголовное законодательство стало испытывать прямое и непосредственное влияние научной мысли, было «поставлено на научную основу».

Исходной точкой, с которой открывается второй, назовем его «научный», этап нормативной истории, стал, как было указано, 1832 г. Хотя уже раньше в первых отечественных литературных источниках уголовного права этому законодательному решению была подготовлена необходимая теоретическая база.

Так, например, П. Гуляев обобщал, что «особый род преступления, называемый соучастием, не что иное есть, как принятие участия в совершении злого намерения и способствовании к исполнению его словами, письмом, действиями и необъявлением о том

¹ О становлении теоретического знания в области уголовного права см.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль Тип. Губ. правл., 1909.

правительству»¹. О. Горегляд писал, что «виновными в преступлении считаются все те, кои произвели оное или прикосновенны к оному». В ряду этих «прикосновенных» лиц автор называл тех, 1) «кто пред совершением или при совершении преступления, содействовал в оном доставлением средств, отклонением препятствий, упущением обязанности доноса или другим каким образом», 2) «кто, зная о содеянном преступлении, не донес об оном, так же пользовался от оного или укрывал преступников»². Г. Солнцев для определения пособничества использовал категорию «посредствующие лица», понимая таковыми тех, «кои к произведению в действо какого-либо преступления непосредственному виновнику оного способствуют, посредственно содействуя к тому физическими или нравственными своими силами»³. И. Нейман указывал, что «те, которые своими деяниями помогают токмо совершению преступления, для различения от настоящих исполнителей оного, называются сообщниками». Однако он полагал, что «соучастие в преступлении, не быв включено в законоположения о самом преступлении, не могут быть наказуемы, как деяния, нарушающие общую безопасность, если только именно не объявятся таковыми законодателем, которому предоставлено определить преступления и наказания за оные». И. Нейман приводил и убедительное обоснование наказуемости пособничества: «И сообщников в преступлении должно наказывать, ибо и подаванием помощи при совершении преступления, без которой иногда и самое исполнение оного не было бы возможно, так же содействуют к нарушению общей безопасности: однакож деянием сообщника безопасность нарушается в меньшей степени, нежели действительным исполнением преступления, а по сему и надлежит за соучастие в преступлении наказывать менее, нежели за действительное совершение оного. Смотри по различным степеням соучастия должно налагать тем большее или меньшее наказание, чем более или менее сообщник поданною им помощью содействовал в совершении преступления, ибо тем более или менее общая безопасность деяниями его нарушается»⁴.

Эти первые опыты научного обобщения данных о пособничестве нашли свое отражение в проекте Уголовного Уложения 1813 г. и Своде законов 1832 г. Основные характеристики этих документов в части описания пособничества сводятся к следующему:

— пособничество выделяется как общее понятие уголовного права, характеризующее вид деятельности, которая может иметь место при совершении любого «намеренного» преступления, тем самым оно «выносится» за скобки особенной части кодекса, хотя соотношение общего понятия пособничества и казуистических его форм в особенной части уголовного закона будет определять историю еще долго, вплоть до современности;

— пособничество занимает свое прочное место в институте соучастия, который признается самостоятельным структурным элементом Общей части уголовного закона, в последующем ни один отраслевой источник не отходит от этого правила;

— действия пособника четко противопоставляются исполнительству преступления, хотя поиск критериев их отграничения будет продолжаться достаточно долго;

¹ Гуляев П. Российское уголовное право. Составленное из Российских государственных узаконений. М.: Тип. П. Кузнецова, 1826. С. 19.

² Горегляд О. Начертания Российского уголовного права. Часть I. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб. Тип. Иос. Иоаннесова, 1815. С. 5–6.

³ Солнцев Г. Российское уголовное право / под ред. и с вступит. ст.

Г. С. Фельдштейна. Ярославль, Б.И., 1907. С. 84.

⁴ Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб. Тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 65–66

— пособничество воспринимается как деятельность менее интенсивная и обладающая меньшей общественной опасностью, а потому заслуживающая меньшего наказания, хотя обсуждение и этого вопроса во многом будет определять последующую эволюцию нормативной оценки пособника.

Отмеченные два периода в истории пособничества (с X в. по 1832 г. и с 1832 г. по сегодняшний день), с точки зрения сугубо историко-правовой, конечно неравномерные и неоднородные. Однако с позиций заявленного исторического моделирования и типологизирования они являют собой *две модели нормативной оценки пособничества: а) донаучную интуитивную, казуистическую, внеинституциональную и б) теоретически обоснованную, рациональную, обобщенную, институциональную*. В силу общей логики развития уголовного права вторая модель пришла на смену первой, вытеснила ее. И в этом отношении они могут быть противопоставлены друг другу. Однако в содержательном плане вторая модель оценки пособничества «впитала» в себя все достижения предшествовавшего развития уголовного права, создана на их основе, а заложенные в этой основе проблемы и противоречия во многом определили последующее развитие уголовно-правовых норм об ответственности за пособничество в рамках научной парадигмы их конструирования и применения.

Никуленко А. В.,
*ученый секретарь Ученого совета,
Санкт-Петербургский университет
МВД России (СПбУ МВД России),
доктор юридических наук, доцент*

Перспективы законодательного совершенствования норм ст. 108 Уголовного кодекса России

Как нами неоднократно отмечалось, применение норм ст. 37 УК РФ повсеместно сопровождается требованиями или условиями, нормативно не закрепленными, но издавна сложившимися в следственной и судебной практике, впрочем, не без «помощи» теоретиков уголовного права. Результатом этого выступает дискриминация как сотрудников полиции и других силовых структур, обязанных повседневно осуществлять необходимую оборону, так и простых граждан.

«На заседании комиссии Общественной палаты по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов, которое состоялось 25 апреля 2018 г., отмечено, что российская правоприменительная практика по делам, касающимся самообороны, имеет перекося в сторону обвинения граждан, защищавшихся от нападения» — об этом заявил глава комиссии А. Кучерена. Отметим, что Общественная палата даже не смогла найти статистику по применению этой статьи. «На заседании констатировали, что большая часть случаев, когда человек, защищаясь, нанес увечья нападавшему или убил его, заканчивается уголовным делом для обороняющегося. Уголовные дела возбуждаются либо по ст. 105 (убийство), либо по ч. 1 ст. 114

(умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны), либо по ч. 1. ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны). По статистике судебного департамента Верховного суда, за убийство при превышении пределов необходимой обороны в 2016 г. были осуждены 813 человек, в 2017 г. — 910, в 2018 г. — 318. За причинение тяжкого вреда здоровью к реальному лишению свободы в 2016 г. были осуждены 433 человека, в 2017—330 человек, а в 2018 — 187. С 2015 г. по первое полугодие 2018 г. в 1070 случаях осужденные граждане защищали себя, в 51 — других и лишь в 16 — собственность. При этом, по словам А. Кучерены, около 50 % приговоров по делам о превышении допустимых пределов самообороны отклонялись вышестоящими судами»¹. То есть граждане осуждались по обычным статьям за убийство и умышленное причинение вреда здоровью.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. за убийство при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 статьи 108 УК РФ было осуждено 349 лиц (340 лиц — по основной квалификации и 9 лиц — по дополнительной квалификации), в 2016 г. — 294 лица (285 лиц и 9 лиц соответственно), в 2017 г. — 274 лица (263 лица и 11 лиц), в 2018 г. — 228 лиц (221 лицо и 7 лиц), а за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по ч. 2 ст. 108 УК РФ в 2015 г. было осуждено 5 лиц, в 2016 г. — 2 лица, в 2017 г. — 1 лицо (все — по основной квалификации), в 2018 г. — 1 лицо (по дополнительной квалификации).

В 2015 г. за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 114 УК РФ было осуждено 739 лиц (703 лица — по основной квалификации и 36 лиц — по дополнительной квалификации), в 2016 г. — 596 лиц (567 лиц и 29 лиц соответственно), в 2017 г. — 616 лиц (592 лица и 24 лица), в 2018 г. — 522 лица (499 лиц и 23 лица); за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по ч. 2 ст. 114 УК РФ в 2015 г. было осуждено 8 лиц, в 2016 г. — 10 лиц, в 2017 г. — 1 лицо, в 2018 г. — 6 лиц (все — по основной квалификации)².

Предпринятое Я. И. Дзенитисом в конце 60-х г. XX столетия изучение 200 уголовных дел о необходимой обороне (а раньше, как мы знаем, оборона охватывала и случаи задержания) показало, что 160 из них квалифицированы неправильно, как умышленные преступления против личности. Причем указанные ошибки исправлялись лишь судами кассационной и надзорной инстанции³. Проведенное через 15 лет Верховным Судом СССР выборочное исследование уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья, а также необходимой обороне показало, что каждое четвертое разрешено неправильно⁴.

¹ URL: <http://www.gazeta.ru/social>. 2018. 25 апр. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>. дата обращения: 10 августа 2018 г.

² Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г. Документ предоставлен КонсультантПлюс (дата обращения: 04.05.2020).

³ Научный комментарий судебной практики за 1969 г. / под ред. Е. В. Болдырева, А. И. Пергамент. М., 1970. С. 195.

⁴ Право на необходимую оборону (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 3. С. 16.

Еще через 15 лет проведенное В. В. Меркурьевым исследование уголовных дел, рассмотренных судами Владимирской области в 1991–1997 гг., показало, что в ходе предварительного следствия действия оборонявшихся первоначально оценивались как умышленные тяжкие преступления (в 92,4 % случаев)¹. Даже при покушении на убийство, причинение нападавшему смерти в 35 % случаев рассматривалось как уголовно-наказуемое превышение пределов необходимой обороны². По данным исследования Д. В. Перцева (2004–2007 гг.), фиксируемое судебной статистикой количество эксцессов обороны значительно превышает число случаев правомерной необходимой обороны³. Опасность обвинительного уклона в ситуациях задержания еще выше, так как в них отсутствует признак наличия посягательства. Наше исследование свидетельствует, что этот показатель не только не уменьшился, но и увеличился. Об этом говорят в том числе данные о минимальном количестве уголовных дел по ст. 108 и 114 УК РФ⁴.

По справедливому мнению, А. Г. Бабичева, «судя по санкциям ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, законодатель признает указанные в них виды «привилегированных» убийств как наименее опасные в данной подструктуре убийств. Вполне логично, что составы этих видов убийств он формулирует в уголовно-правовых нормах, которые располагает в статье, завершающей их структуру в УК РФ. Вместе с тем ст. 108 УК РФ сконструирована таким образом, что в ней определяется уголовная ответственность за убийства при смягчающих обстоятельствах, качественно различающихся по своей социально-правовой природе и типовой степени общественной опасности. Вместе с тем следует признать позицию Н. Е. Аленкина, который указывает, что единый критерий выделения привилегированных составов убийств не означает равенства оснований привилегизации указанных составов, которые могут относиться к особенностям субъекта преступления, объективной и субъективной сторон преступления, поведению потерпевшего⁵.

Обратимся к санкциям данных норм — часть первая: наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок; часть вторая: наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Заметим, что санкции ст. 108 дважды в 2011 г. подверглись изменениям⁶. В марте 2011 г. в часть первую было введено наказание в виде исправительных работ, а в декабре обе части дополнены наказанием в виде принудительных работ. Следует обратить внимание, что указанные дополнения не привнесли чего-либо кардинального в наказуемость данного преступления, а лишь расширили и без того альтернативную санкцию. Однако, в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ, указанный со-

¹ Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. С. 18.

² Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 73.

³ Перцев Д. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: монография. Калининград, 2009. С. 68–69 и др.

⁴ См.: Никуленко, А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.08. СПб., 2019. 512 с.

⁵ Аленкин Н. Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 18.

⁶ См.: Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ, Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

став преступлений (имеется в виду часть вторая) стал преступлением небольшой тяжести, но это уже благодаря изменениям в ст. 15 УК РФ, согласно которой к ним относятся преступления с максимальным сроком наказания до трех лет лишения свободы. По сравнению с ч. 1, где предусмотрено наказание за превышение пределов необходимой обороны, сроки наказания в виде лишения свободы изменены на один год в большую сторону. Отметим, что согласно последним изменениям в ст. 15 УК РФ тяжкими теперь признаются даже неосторожные преступления¹, что существенно меняет картину и возможности осуществления необходимой обороны и силового задержания.

Составы данных преступлений являются привилегированными, так как санкцией предусмотрены значительно меньшие сроки и размеры наказаний, чем за аналогичные преступления (убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) при отсутствии рассмотренных обстоятельств.

Однако, на наш взгляд, общественная полезность задержания ничуть не ниже значимости необходимой обороны, хотя и должны различаться. К тому же, для торжества справедливости и обеспечения превентивной функции уголовного законодательства, ничуть не меньше важна проблема неотвратимости уголовной ответственности, решить которую в настоящее время не представляется возможным без активных действий сотрудников правоохранительных органов и граждан по задержанию лиц, совершивших общественно опасные деяния. Таким образом, диспозиции и санкции указанных норм (имеются в виду части первая и вторая ст. 108 УК), на наш взгляд, нуждаются в корректировке².

Кроме того, заслуживает внимания предложение А. Ф. Истомина о разделении составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК в две самостоятельные статьи УК. «Хотя это и близкие по своей социально-правовой природе преступления, но, несомненно, совершенно самостоятельные, имеющие свою особую специфику. Состав каждого из них по всем канонам законодательной техники должен быть сконструирован в отдельной, обособленной норме Особенной части УК РФ»³. С нами соглашается и А. Г. Бабичев, предлагая: «Установить в отдельных статьях Особенной части УК РФ составы убийств, предусмотренных ст. 108 УК РФ: убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ), определив последнее (по аналогии с превышением пределов необходимой обороны и крайней необходимости) как «убийство при превышении пределов необходимости задержания преступника» и выделив в части второй каждой из этих статей квалифицированные

¹ См.: Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 24.06.2019. № 25. Ст. 3166.

² Следует отметить, что о существенной корректировке статей об убийстве, в том числе ст. 108 УК, говорит В. Г. Павлов, правда не уточняя сущность таковых изменений. Подр. см.: Павлов, В. Г. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Проблемы уголовной политики, экологии и права. Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 119–127 Фоменко, И. В. Проблемы назначения наказания за убийство при превышении пределов необходимой обороны // Актуальные проблемы современного российского права: Матер. III Междун. научно-практ. конф. Невинномысск, 10–11 февраля 2011 г. Невинномысск: НГГИ, 2011. С. 276–282.

³ Истомин А. Ф. Самооборона: право и необходимые пределы. М., 2005. С. 201. См., также: Никуленко, А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. С. 11.

виды указанных преступлений по признаку «убийство... двух или более лиц»¹. Развивая эту мысль, предлагаем проект ст. 108 УК РФ².

Статья 108. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние либо при превышении пределов крайней необходимости.

1. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны,

— наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние,

— наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости,

— наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Никулина В. А.,

*доцент кафедры конституционного и административного права,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург,
кандидат юридических наук, доцент*

Информационные преступления в условиях карантина

В связи с необходимостью организации противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в апреле 2020 г. был принят целый пакет изменений и дополнений в нормативные правовые акты страны. Не стал исключением и Уголовный кодекс Российской Федерации. В частности, Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ введены ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия». Тем самым законодатель выделил в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны общественные отношения, связанные с передачей, обозначенной в законе публично значимой информации.

На первый взгляд, содержание сведений об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности, а также понятие общественно значимой информации, не

¹ Бабичев А. Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.08 / Бабичев Арсений Георгиевич. Казань, 2019. С. 22.

² Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.08 / Никуленко Андрей Вячеславович. Санкт-Петербург, 2019. С. 28–30.

вызывает больших затруднений в толковании. Это подтверждается и активно формирующейся в настоящее время следственной практикой — в первую очередь по ст. 207.1 УК РФ. Более того, эта норма снабжена соответствующим примечанием, которое продублировал Президиум Верховного Суда РФ в своем «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанной с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹. В этом же Обзоре раскрыто и содержание общественно значимой информации применительно к ст. 207.2 УК РФ². Тем не менее несмотря на попытку Верховного Суда РФ придать ясность и недвусмысленность формулировкам, используемых в законе, хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, важных для последующей юридической практики по этим и аналогичным статьям.

Так, возникает вопрос относительно предмета данных преступлений. Признавая точку зрения, согласно которой предметом преступного деяния могут выступать не только о вещественные объекты материального мира, но и информация³, первоначально в каждом подобном «информационном» преступлении очертить пределы содержания или объем сведений, манипуляции с которыми уголовно наказуемы. Применительно к ст. 207.1 УК РФ, предметом преступления выступает информация: а) заведомо ложная и б) об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. И, если такая характеристика, как заведомая ложность информации, не требует специальных разъяснений, то вторая — как раз наоборот. Раскрытый в примечании к ст. 207.1 УК РФ перечень обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, имеет очень широкий спектр: речь идет об обстоятельствах, не только повлекших тяжкие последствия, но и о *могущих повлечь* указанные в законе последствия. Очевиден оценочный характер подобных формулировок. С одной стороны, это несомненный плюс, так как позволяет гибко подходить к применению закона в каждом конкретном случае. С другой стороны, все же необходимы более четкие критерии и основания, чтобы следователь, прокурор, а в конечном счете — суд в каждом отдельно взятом случае смог разграничить информацию об обстоятельствах, действительно представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, от любой иной, внешне сходной информации. Президиум Верховного Суда РФ в названном выше Обзоре не только подтвердил необходимость подобных разъяснений, но и указал, что распространение новой коронавирусной инфекции является тем самым обстоятельством в контексте ст. 207.1 УК РФ. Таким образом, вектор для правоприменительной практики относительно заведомо ложной информации о коронавирусной инфекции Верховным Судом РФ задан. Но как быть, в случае появления новых обстоятельств, представляющих опасность для жизни и безопасности граждан, будь то, к примеру, техногенная угроза? В каждом случае будет необходимо разъяснение высшей судебной инстанции страны или все-таки судебносудебная практика с опорой на научную доктрину выработает определенные критерии маркировки (вычленения) таких обстоятельств?

Более сложным, с точки зрения правоприменения, представляется вопрос о темпоральности подобных обстоятельств, что соответственно, формирует в разные периоды

¹ См. Ответ к вопросу 12. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанной с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020).

² Ответ к вопросу 15. Там же.

³ См.: Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. «ЮРКНИГА», 2003. С. 41–42.

различную информационную коннотацию о них. Несомненно, что одни и те же обстоятельства со временем теряют свою актуальность, а зачастую и совсем элиминируются, предаваясь забвению. Именно на этом основании, по нашему мнению, и построен правовой институт истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Применительно к событиям и ситуациям, которые представляют угрозу жизни и безопасности населения, фактор времени также играет определяющую роль, поскольку подобные обстоятельства не могут существовать в неизменном виде перманентно: так или иначе их угроза, как правило, постепенно минимизируется. Примечательно, что история нашего отечественного права уже имеет некоторый опыт давностного регулирования «карантинных» санкций. Так, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. смертная казнь предусматривалась в целом ряде случаев совершения деяний против административного порядка, установленного для предупреждения распространения чумы, — так называемые, «карантинные преступления» (отделение первое «О нарушений уставов карантинных» главы «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие»)¹. Однако в статьях названного Уложения, устанавливающих сроки давности за преступления, в том числе и наказуемые смертной казнью, «карантинные преступления» не упоминаются. Это дало основание российскому юристу, доктору права, А. В. Лохвицкому сделать, очень правильный, на наш взгляд, вывод: «Так как законодатель пропустил сказать об них, но не обозначил их в числе непокрываемых давностью, то мы полагаем, что он воспрещает производить об них следствие, как только прекратится чума»². Несмотря на то что выдающийся российский ученый-юрист И. Я. Фойницкий признал такой вывод несостоятельным³, отечественная наука уголовного права и правоприменительная практика в настоящее время свидетельствуют об обратном. Это убедительно подтверждают и сформировавшийся институт малозначительности преступного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), и такое основание освобождения от наказания, как изменение обстановки (ст. 80.1 УК РФ), в недавнем прошлом, кстати, являвшееся еще и основанием для освобождения от уголовной ответственности. Во всяком случае, завершение периода применения мер, направленных на борьбу с пандемией, не может не менять оценку общественной опасности ранее совершенных деяний.

Другими словами, хотя сами новостные и иные публичные сообщения, распространение которых наказуемо по новым статьям уголовного закона, могут сохраняться в интернет-пространстве и после карантина, а специфика информационного воздействия позволяет утверждать о длящемся характере анализируемых преступлений, их ложность представляет опасность только в период действия ограничительных мер. Тем более Президиум Верховного Суда РФ уже признал возможность длительного или растянутого во времени характера совершения подобных деликтов, указав, что «если публичное распространение заведомо ложной информации начато до вступления в силу Федерального

¹ См.: ст. 831 и далее Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петербург. ун-та Н. С. Таганцевым. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. С. 380.

² Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права / соч. А. Лохвицкого, д-ра прав. 2-е изд., испр. и доп., сведенное с кассационными решениями. Санкт-Петербург: Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. С. 285.

³ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб. Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. С. 122.

закона от 01.04.2020 № 100-ФЗ и продолжалось после установления уголовной ответственности, то уголовно наказуемыми могут быть признаны только те действия, которые были совершены в период начиная с 1 апреля 2020 года»¹. Следовательно, по нашему мнению, если лицо не удалило в связи с введенным запретом то или иное сообщение, продолжающее быть доступным для неопределенного круга лиц и содержащее заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, либо контролирурующие органы, в частности Роскомнадзор, не заблокировали доступ к такому сообщению, виновное лицо находится в состоянии непрерывного выполнения уголовно наказуемого распространения, которое можно признать фактически оконченным с момента не только удаления (блокировки) сообщения, но и прекращения периода действия ограничительных мер.

Помимо вопроса об обоснованности сохранения уголовно-правового запрета после изменения коронавирусной (или иной опасной для населения) ситуации возникает и необходимость обсуждения возможной оговорки об особенностях уголовной ответственности в периоды эпидемий и иных чрезвычайных ситуаций, как это сделано в ст. 331 УК РФ о законодательстве военного времени.

В этом контексте, небезынтересным будет опыт Великобритании. Являясь яркой представительницей англосаксонской системы права, где некодифицированные уголовно-правовые запреты разбросаны по специальным и отраслевым законодательным актам, различным судебным решениям, и не знакомая ни с институтом малозначительности деяния, ни с освобождением от наказания в связи с изменением обстановки, она сформировала свой механизм реагирования на изменение тех или иных обстоятельств.

Так, современные события пандемии коронавируса были учтены в Великобритании, где также, как и в России, был принят целый пакет законодательных актов, затрагивающих широкий спектр административных мероприятий, в том числе и чрезвычайных мер, направленных на противодействие коронавирусной инфекции. В частности, в Англии Актом Об охране здоровья (Коронавирус, Ограничения) 2020 (The Health Protection (Coronavirus, Restrictions) (England) Regulations 2020)², в числе прочих мер была установлена уголовная ответственность за нарушение правил и ограничений в условиях чрезвычайной ситуации (ст. 9 Правонарушения и наказания — Reg. 9 Offences and penalties). При этом в случае совершения указанных преступлений полиция в лице констеблей наделяется полномочиями производить арест без ордера³, как специально отмечено в законе — в целях поддержания общественного здоровья и общественного порядка⁴. Учитывая прогнозируемый временный характер эпидемии и применения соответствующих ограничительных мер, законодатель установил срок действия закона — шесть месяцев, что, однако, не помешало, исходя из текущей ситуации в этой стране, 1 июня 2020 г. принять ряд поправок, в соответствии с которыми круг уголовно-наказуемых деяний был существенно сужен и изменен⁵. Следовательно, уголовно-правовые нормы, содержащиеся в отраслевых законодательных актах, автоматически теряют свою силу с прекращением действия законов — их «носителей». Таков в общих чертах

¹ Ответ к вопросу 14. Там же.

² <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/350/made>

³ <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/24>

⁴ ст. 9 Правонарушения и наказания, Акт Об охране здоровья (Коронавирус, Ограничения), Англия, 2020 (Reg. 9 Offences and penalties, The Health Protection (Coronavirus, Restrictions) (England) Regulations 2020).

⁵ The Health Protection (Coronavirus, Restrictions) (England) (Amendment) (No. 3) Regulations 2020. См.: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/558/made>

механизм правового реагирования на изменение тех или иных обстоятельств в Великобритании. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что расширение полномочий полиции закон связывает исключительно с необходимостью достижения четко обозначенных целей. Это, в свою очередь, наглядно демонстрирует суть этих правонарушений — причинение вреда или угроза его причинения общественному здоровью и общественному порядку.

Таким образом, разрешение поднятых выше вопросов относительно предмета преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, в том числе и проблем темпоральности указанных в законе обстоятельств, возможно только через раскрытие общественной опасности анализируемого деликта — категории, независимой ни от воли законодателя, ни от оценки правоприменителя. Это коррелирует с вышеназванным решением Президиума Верховного Суда РФ, где в качестве критерия разграничения уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ от административной за сходные правонарушения названа реальная общественная опасность и причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности.

Представляется, что такое словосочетание, как «реальная общественная опасность» требует детального разъяснения, так как достаточно не просто эксплицировать причиненный вред в преступлениях с формальным составом, к которым как раз и относится исследуемое преступное деяние.

Во-первых, реальность, будучи философской категорией, определяется как бытие вещей в его сопоставлении с небытием, а также с другими (возможными, вероятными и т.п.) формами бытия¹. Иными словами, реальный — это действительно существующий на самом деле, не воображаемый. Применительно к уголовному праву, реальность общественной опасности любого преступления выражается через наличный или действительно существующий, а потому и конкретный, вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям (интересам).

Во-вторых, учитывая, что анализируемые составы преступления можно отнести к категории информационных деликтов, то реально причиняемый вред может быть только в неосознаваемой сфере — сфере общения, мышления, психики, но не отдельного человека, а целой группы людей. Вследствие этого и наказуемо уголовным законом только публичное распространение сведений, а Верховный Суд РФ говорит еще и об условиях, в которых оно осуществляется, указывая в качестве возможных последствий — панику среди населения и нарушение правопорядка². Развивая законодательное положение и толкование Верховного Суда, можно утверждать, что действительно негативные изменения в информационном поле возможны, когда обозначенные действия совершаются многократно, со ссылкой на авторитетные или официальные источники, с использованием ресурсов, охватывающих большое число людей, с обращением к определенной аудитории на основе микротаргетинга, с такой фальсификацией сведений, создание или опровержение которой требует специальных знаний и навыков, либо дополнительных затрат, к примеру, временных.

В-третьих, отдельно взятый факт, в том числе использование лицом для распространения информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, не может служить достаточным основанием для подтверждения реальной общественной опасности, так как она аккумулирует не только объективные характеристики совершенного

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991 С. 387.

² Ответ к вопросу 13. Там же

деяния, но и субъективные. Как указал Верховный Суд РФ, для привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемой статье необходимо также учитывать цели и мотивы совершаемых действий¹. С другой стороны, установление истинных целей и мотивов, а значит, и восстановление полной картины совершенного деяния, возможно только через внешние или объективные признаки, оставляющие следы в материальном мире. Поэтому помимо конкретного содержания распространяемых сведений и других обозначенных выше характеристик, на общественную опасность влияет и форма подачи заведомо сведений. В частности, распространение очевидно абсурдных сведений, имеющих подчеркнуто гротескное наполнение, по нашему мнению, хотя и может быть признаком информационного преступления, однако видимо образует покушение с негодными средствами, не представляющее общественной опасности. Наша позиция — не бесспорна, так как, если в каком-либо произведении искусства, например, театральной постановке, априори допускается использование различных приемов, средств художественного изображения, в том числе гиперболы, парадокса или гротеска, то в сообщении или другой информационной единице использование таких приемов заранее не предполагается. Такая же неоднозначная ситуация возникает, если лицо при распространении ложной информации помещает дисклеймер — письменный отказ от ответственности за достоверность сообщаемых сведений. Может ли это явственно указывать на отсутствие заведомости в отношении ложности сообщаемой информации? Представляется, что нет, так как оценка таких действий зависит от целей использования дисклеймера — лицо действительно сомневается либо оно пытается уйти от ответственности, прикрываясь формальной ссылкой на свои сомнения в достоверности информации, но подавая ее таким образом, чтобы у читателя создалось однозначное впечатление о ее истинности. В последнем случае, разумеется, человек не может отказаться от своей правосубъектности, в том числе и от юридической ответственности, поскольку отказаться можно только от права.

Резюмируя сказанное, хотелось бы подчеркнуть, что сердцевина общественной опасности публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, заключается в сознательном и целенаправленном препятствовании необходимым мерам, принимаемым государством в цифровую и глобальную эпоху для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

¹ Ответ к вопросу 13. Там же

Кража с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: дискуссионные вопросы

В статье 158 УК РФ предусмотрен большой перечень квалифицированных и особо квалифицированных составов кражи с разнообразными признаками, которые связаны с дополнительным объектом, с увеличением количественной характеристики предмета, с дополнительным способом совершения деяния, с обстоятельствами места, с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой.

Как известно, квалифицирующие признаки, предусмотренные статьями Особенной части УК, обладают способностью существенно повышать степень общественной опасности деяния по сравнению с основным составом преступления, обеспечивая дифференциацию уголовной ответственности, что относится и к незаконному проникновению в жилище, помещение либо иное хранилище.

В связи с этим для квалифицированных составов преступлений уголовным законом предусматриваются более строгие санкции, чем для основного состава, а нередко и переход к более тяжкой категории преступлений, влекущий дальнейшие серьезные юридические последствия. Такая градация составов соответствует признанному отечественной теорией уголовного права правилу о существенном перепаде в степени общественной опасности квалифицированных составов по сравнению с основными составами, а также их достаточной распространенности¹.

При этом необходимо учитывать, что квалифицирующие признаки однородных преступлений в основном должны быть тождественными. Теоретически обоснованными могут быть лишь отдельные исключения из данного положения, связанные с яркой спецификой одного из однородных преступлений. Так, только для тайного хищения чужого имущества (в связи с особенностями этого способа) значение квалифицирующего признака имеет изъятие чужого имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, для грабежа — насилие, не опасное для жизни или здоровья, а для разбоя — применение оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, а также совершение разбоя с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В целом же для однородных преступлений законодатель использует наборы квалифицирующих признаков, которые представляют собой «устойчивые сочетания признаков по горизонтали»². Данное положение в основном характерно и для гл. 21 УК, но все же имеются и не совсем обоснованные исключения.

Так, к признакам, дополнительно характеризующим отдельные формы хищения (кражу, грабеж и разбой), относится незаконное проникновение в жилище, помещение

¹ См., например: Козаченко И. Я., Костарева Т. А., Кругликов Л. Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. С. 19–20.

² См., например: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 208.

или иное хранилище. Вряд ли верно воспринимать их в качестве одноуровневых по степени общественной опасности. Однако первоначально в УК была предусмотрена единая оценка повышающей степени общественной опасности перечисленных форм хищения в зависимости от указанных признаков, без их градации. Затем законодатель признал, что кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, опаснее кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище, переместив ее из ч. 2 в ч. 3 ст. 158 УК. Эти изменения были обоснованными, поскольку дополнительным объектом таких краж является конституционное право на неприкосновенность жилища. Однако в отношении грабежа и разбоя такой же подход не был осуществлен, что свидетельствует о недооценке степени общественной опасности этих преступлений, совершенных с незаконным проникновением в жилище. В результате произошло нарушение системности в градации рассматриваемых признаков для кражи, с одной стороны, грабежа и разбоя, с другой стороны. При этом для кражи изменения, касающиеся оценки незаконного проникновения в жилище как повышающего степень общественной опасности деяния по сравнению с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, были верными, но такой же подход к указанным признакам грабежа и разбоя осуществлен не был.

В рассматриваемом аспекте нельзя не отметить и положения п. «б» ч. 3 ст. 158 УК, предусматривающего кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Данный признак для кражи выделен в качестве самостоятельного и по степени общественной опасности приравнен к незаконному проникновению в жилище, что противоречит примечанию 3 к ст. 158 УК, указывающему трубопроводы в перечне разновидностей хранилища. При этом норма о краже с незаконным проникновением в хранилище, в том числе и в иные трубопроводы, не перечисленные в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК, предусмотрена в п. «б» ч. 2 ст. 158 УК. В результате нефтепровод, нефтепродуктопровод и газопровод были изъяты не только из единого понятия хранилища, но и из его разновидности в виде трубопровода и превратились в самостоятельный особо квалифицирующий кражу признак. Столь явное несовпадение положений п. «б» ч. 3 ст. 158 УК и примечания 3 к этой же статье представляется недопустимым. Кстати, для грабежа и разбоя такая дополнительная дифференциация хранилищ не предусмотрена, и специальное указание на нефтепровод, нефтепродуктопровод и газопровод в п. «в» ч. 2 ст. 161 и ч. 3 ст. 162 УК отсутствует, а содержащиеся в них нормативные положения полностью охватывают деяния, сопряженные с незаконным проникновением в любые хранилища.

Кроме того, квалифицирующий признак незаконного проникновения в помещение или иное хранилище и особо квалифицирующий, выражающийся в незаконном проникновении в жилище, были бы вполне уместны в ст. 159 УК в силу того, что значительное распространение получило мошенничество, совершаемое с незаконным проникновением в жилище с помощью обмана или путем злоупотребления доверием. Совершение таких деяний встречается на практике, как правило, в отношении пожилых людей, когда преступники, например, представляясь социальными работниками, незаконно получают доступ в жилище, а затем с помощью обмана завладевают деньгами потерпевших. В настоящее время квалификация содеянного должна осуществляться по совокупности преступлений как мошенничество и нарушение неприкосновенности жилища, поскольку незаконное проникновение осуществляется путем обмана, т.е. против воли проживающих в нем лиц.

Деяние, совершенное с незаконным проникновением в жилище или помещение, от основного состава кражи, грабежа и разбоя отличается дополнительным способом (незаконное проникновение) и обстоятельством места: жилище, помещение либо или иное

хранилище. При хищении с незаконным проникновением в жилище необходимо выделить и дополнительный объект — неприкосновенность жилища, которая гарантирована ст. 25 Конституции РФ, что свидетельствует о повышенной степени общественной опасности таких деяний по сравнению с совершенными с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище.

Понятия «жилища», «помещения», «иного хранилища» раскрыты в уголовном законе (соответственно это примечания к ст. 139 и 158 УК), толкование этих понятий осуществлено доктриной уголовного права: в значительном числе работ содержится подробная характеристика данных понятий с выделением целого ряда признаков. Так, Н. А. Лопашенко, характеризуя в качестве разновидности жилища иное помещение или строение, не входящее в жилой фонд, но предназначенное для временного проживания, верно отмечает, что жилищем можно признать и помещения, находящиеся на транспортных средствах, но предназначенные для временного проживания (например, каюты для туристов во время круиза), но таковым нельзя признать купе в поезде, когда единственным предназначением транспортного средства является перевозка пассажиров и грузов¹. Однако возникает дополнительный вопрос о том, не является ли купе в поезде помещением, соответствует ли оно понятию помещения, содержащемуся в примечании 3 к ст. 158 УК? Думается, что соответствует, поскольку является сооружением, предназначенным для временного нахождения людей в целях осуществления их перевозки в комфортабельных условиях изолированного пространства, хотя, конечно, в этом случае цель понимается несколько расширительно. Это означает, что квалифицирующим признаком хищения, совершенного из купе поезда, является незаконное проникновение в помещение. Следует отметить небезупречность формулировки понятия помещения в рассматриваемом примечании, поскольку цели временного нахождения людей в строении и сооружении, предназначенных для этого, не следовало бы ограничивать производственными или служебными. Лучше было бы вместо производственных и иных служебных предусмотреть производственные, служебные и иные цели.

На практике встречаются ситуации, когда непросто сделать вывод о том, какое из обстоятельств весте незаконного проникновения (жилище или помещение) можно вменить виновному.

Так, по п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ был осужден Ц. По делу было установлено, что он совершил кражу в группе лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение и причинением значительного ущерба потерпевшему. Договорившись заранее о совместном совершении кражи, Ц. и лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, через калитку проникли на территорию домовладения. Вскрыв створку металлопластикового окна, они проникли в помещение строящегося дома и похитили находившиеся в здании 10 отопительных радиаторов и электроинструменты — перфоратор фирмы «Sturm» и угловую шлифовальную машину (болгарку) фирмы «Makita», затем скрылись с места преступления, получив реальную возможность распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению. В результате чего потерпевшему был причинен ущерб на общую сумму в размере 33 043 руб., что является значительным для него².

Представляется, что квалификация кражи по признаку незаконного проникновения в помещение, а не в жилище в данном случае была обоснованной. Хотя жилой дом был

¹ См.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики Авторский комментарий к уголовному закону. М.: Вотерс Клувер, 2006. С. 91.

² См.: Уголовное дело № 1-57/2019 Карабулакский районный суд Республики Ингушетия. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.03.2020).

уже возведен, о чем свидетельствует проникновение в него через закрытое окно, внутренние работы не были еще завершены, и он еще не был пригоден для проживания, его использование в качестве жилища на момент кражи с незаконным проникновением не началось. На этом этапе жилой дом скорее можно отнести, как это правильно сделано в приговоре, к строениям, предназначенным для временного размещения людей, в данном примере — лиц, осуществлявших работы по внутренней отделке здания. Здесь же в производственных целях размещались и материальные ценности.

Следует отметить, что интеллектуальным элементом умысла виновного в рассматриваемом случае должен был охватываться тот факт, что незаконное проникновение осуществляется в здание, которое еще не готово для проживания в нем. Если лицо осознавало, что незаконно проникает в здание, пригодное для временного или постоянного проживания, но оно таковым не являлось, то по направленности умысла следовало бы квалифицировать деяние как покушение на кражу с незаконным проникновением в жилище. Возможна ситуация, когда лицо, начав осуществлять объективную сторону преступления, думало, что проникает в помещение, но затем поняло, что незаконно оказалось в жилище, и продолжило изъятие чужого имущества. Тогда происходит трансформация умысла, и содеянное должно квалифицироваться как кража с незаконным проникновением в жилище.

Ошибки при разграничении жилища и помещения для квалификации кражи с незаконным проникновением в них могут повлечь серьезные правовые последствия для виновного, поскольку кража, предусмотренная ч. 2 ст. 158 УК, относится к преступлениям средней тяжести, а предусмотренная ч. 3 ст. 158 УК — к тяжким преступлениям. Таким последствием, в частности, является не только более строгое наказание, предусмотренное ч. 3 ст. 158 УК, а также влияние на назначение места лишения свободы, на сроки погашения судимости и пр., но и преступность приготовления к краже с незаконным проникновением в жилище, тогда как приготовление к краже с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище уголовной ответственности не влечет.

Незаконное проникновение в жилище, помещение или иное хранилище при краже вряд ли может быть открытым и насильственным, с преодолением сопротивления людей, что скорее можно представить для грабежа с насильем, не опасным для жизни или здоровья, или разбоя. Оно совершается тайно, с помощью обмана или путем злоупотребления доверием, но всегда вопреки воле потерпевшего, а имущество всегда изымается тайно. При этом нередко виновные преодолевают препятствия для вторжения в закрытые жилища, помещения либо хранилища, поэтому достаточно распространенными являются повреждения дверей, замков, окон. Такие повреждения тесно связаны со способом — незаконным проникновением. Признавая это обстоятельство, Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» ранее указывал, что содеянное не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК¹. Однако постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» это положение было изменено и была признана необходимость квалифицировать содеянное по совокупности преступлений². Правильность такого изменения позиции представляется сомнительной, поскольку юридическая оценка вреда, неразрывно связанного со способом незаконного проникновения, приравнивается в этом случае к самостоятельным действиям, которые виновный совершает, например, из хулиганских побуждений повреждая или уничтожая

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

находящиеся в жилище иные вещи, не являющиеся предметом хищения. Последнее, без сомнения, содержит признаки не только кражи (грабежа, разбоя) с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, но и преступления, предусмотренного ст. 167 УК, если ущерб был значительным.

Рагулина А. В.,

*доцент кафедры уголовного права,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

Понятие ятрогенных преступлений

В 1925 г. немецкий психиатр Освальд Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» впервые использовал понятие «Ятрогения» для обозначения заболевания, обусловленного неосторожным высказыванием или поступками врача.

Согласно МКБ-10, ятрогения — это любое нежелательное или неблагоприятное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий.

Ятрогения с судебно-медицинской точки зрения — это причинение вреда здоровью пациента, находящееся в прямой или косвенной связи с проведением диагностических, лечебных, профилактических или реабилитационных мероприятий.

Ятрогения (ятрогенная патология) — это дефект оказания медицинской помощи, выраженный в виде нового заболевания или патологического процесса, возникшего в результате как правомерного, так и неправомерного осуществления профилактических, диагностических, реанимационных, лечебных и реабилитационных медицинских мероприятий (манипуляций)¹.

Следует заметить, что почти все приведенные трактовки исследуемого понятия содержат указание на неблагоприятные последствия, наступившие в результате правильных или неправильных деяний медицинских работников. Анализируя ятрогению сквозь призму рисков привлечения к уголовной ответственности, следует обратить внимание на то, что только те ятрогении, которые выразились в неправильном проведении профилактических, диагностических лечебных и реабилитационных вмешательств, повлекших смерть или вред здоровью, могут иметь уголовно-правовое значение. В случае если деяние медработников не нарушало условий и принципов оказания медицинской помощи, то его противоправность исключается.

Говоря о сущности и значении ятрогении нельзя не затронуть вопрос о ее типах. Это видится необходимым в связи с тем, что, во-первых, не все ятрогении являются следствием неправильных деяний медицинских работников; а во-вторых, не все ошибочные деяния врачей и другого медицинского персонала, выступают главной причиной смерти и вреда здоровью.

¹ См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 06.12.2016 по делу № 33-9252/2016.

В медицине принято выделять следующие категории ятрогений:

Ятрогении 1-й категории — заболевания, патологические процессы, необычные смертельные реакции, обусловленные неадекватными, ошибочными или неправильными медицинскими воздействиями, явившимися непосредственной причиной летального исхода.

Ятрогении 2-й категории — заболевания, патологические процессы, реакции и осложнения, обусловленные медицинскими воздействиями, проведенными по обоснованному показанию и выполненными правильно.

Ятрогении 3-й категории — заболевания, патологические процессы, реакции, не имеющие патогенетической связи с основным заболеванием или его осложнением и не играющие какой-либо существенной роли в общей танатологической оценке случая.

Исходя из предметного содержания ятрогений той или иной категории, уголовно-правовое значение могут иметь только заболевания, патологические процессы 1-й категории, приводящие к тяжким последствиям в виде причинения смерти или вреда здоровью. Наступление указанных последствий должно быть обусловлено неправильными действиями медиков. Заболевания, патологические процессы, реакции и осложнения, которые явились результатом правильного медицинского воздействия, либо которые не имеют существенной роли в общей танатологической оценке случая, не должны оцениваться как преступления.

Понятие «ятрогенные преступления» достаточно часто используется правоприменителями. Однако официального их определения до сих пор нет. В настоящее время интерес к ятрогенным преступлениям неуклонно растет. Еще в июле 2016 г. в Главном следственном управлении Следственного комитета России по Республике Крым состоялось заседание Консультативного совета по вопросам выявления, расследования и путей предупреждения ятрогенных преступлений¹. В октябре 2017 г. в Следственном комитете России проводилось совещание по вопросам расследования и квалификации преступлений, связанных с врачебными ошибками, на котором председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин в общих чертах определил признаки ятрогенных преступлений, в числе которых субъект, объект и форма вины. Так было сказано, что объектом таких преступлений выступают жизнь и здоровье, субъектом — медицинские работники, а последствия наступают из-за небрежного исполнения своих профессиональных обязанностей². Последний тезис позволяет сформулировать вывод, что анализируемые преступления, по мнению главы Следственного комитета, могут быть совершены только по неосторожности. Летом 2018 г., руководитель отдела взаимодействия со СМИ СК РФ, Светлана Петренко озвучила статистику по «ятрогенным делам» за шесть лет. В ноябре 2018 г. председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин подписал приказ об изменениях в штате центрального аппарата СКР и следственных органов, который, в частности, предусматривал создание специальных отделов по расследованию дел, связанных с врачебными ошибками (ятрогенные преступления).

¹ В Главном следственном управлении СК России по Республике Крым состоялось заседание Консультативного совета по вопросам выявления, расследования и путей предупреждения ятрогенных преступлений. URL: http://crim.sledcom.ru/about/public_con/item/1051428/ (дата обращения: 31.05.2020).

² В СК России состоялось совещание по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1168957/> (дата обращения: 31.05.2020).

В науке уголовного права под ятрогенными преступлениями предлагается понимать «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью, и иным законным правам и интересам пациентов»¹.

Как следует из приведенного определения ятрогенных преступлений, они характеризуются следующими признаками:

- 1) посягают на жизнь, здоровье и иные законные права и интересы пациентов;
- 2) потерпевшими от них являются пациенты;
- 2) совершаются в процессе оказания медицинской помощи;
- 3) характеризуются умышленной и неосторожной формой вины;
- 4) совершаются медицинскими работниками при исполнении ими профессиональных или служебных обязанностей.

Далее представляется целесообразным проанализировать признаки, образующие понятие ятрогенных преступлений. Для этого необходимо определить статьи уголовного закона, которые применяются в случае привлечения медицинских работников за посягательства на жизнь, здоровье и иные законные права и интересы пациентов, совершаемые ими в процессе нарушения правил оказания медицинской помощи при исполнении своих профессиональных обязанностей. В отношении медработников, допустивших нарушения действующего законодательства, в части оказания медицинской помощи (услуг), применяются: ч. 2 ст. 109, п. «в» ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 123, ст. 124, ст. 293, 235, ст. 238 УК РФ.

Все составы, кроме двух, сформулированы законодателем по типу материальных. В качестве общественно опасных последствий предусмотрены смерть или вред здоровью. Последствия в виде причинения легкого вреда по неосторожности образуют состав преступления при осуществлении медицинской деятельности без лицензии (ч. 1 ст. 235 УК РФ). В остальных случаях причинение врачом такого вреда здоровью пациента, преступлением не является. Вред средней тяжести является обязательным признаком в ст. 124 УК РФ и в ст. 235 УК РФ. Остальные преступления характеризуются наступлением смерти и тяжкого вреда здоровью. Что же касается преступлений, ответственность за которые предусмотрена в ст. 123, 238 УК РФ, то их основные составы являются формальными. Общественно опасные последствия в виде смерти, тяжкого вреда здоровью выступают квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками этих преступлений.

Таким образом, все ятрогенные преступления посягают на жизнь и здоровье пациента (причиняют вред указанным общественным отношениям или создают угрозу причинения им вреда). Одновременно рассматриваемые преступления посягают на конституционное право, предусмотренное в ст. 41 Конституции РФ, в части охраны здоровья и медицинской помощи.

Что же касается потерпевшего от ятрогенных преступлений, то им может быть только пациент, то есть физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Такое определение дается в ст. 2 Федерального

¹ Никитина И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 9.

закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Там же содержится понятие медицинской помощи, которая представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Ятрогенные преступления могут совершаться как путем действия, так и бездействия. Для квалификации деяния по ст. 124 УК РФ не имеет значения, было ли бездействие полным или частичным (чистое, смешанное). Как в случае действия, так и бездействия должны отсутствовать уважительные причины для неоказания либо ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Определяя форму вины ятрогенных преступлений, следует заметить, что мнения ученых на этот счет разошлись. Так, А. И. Ситникова считает, что ятрогенные преступления могут совершаться с умышленной формой вины¹. С точки зрения Ю. Ю. Малышевой такие преступления характеризуются только неосторожностью². С. В. Замалева полагает, что ятрогенные преступления могут быть как неосторожными, так и умышленными, при этом ограничивает их от случаев невиновного причинения вреда (включая в него врачебную ошибку как добросовестное заблуждение)³.

Проанализировав составы ятрогенных преступлений можно сформулировать вывод, что большинство из них относятся к неосторожным. В статье 123, 238 УК РФ предусматривается ответственность за преступление, с двумя формами вины, где основные составы характеризуются прямым умыслом, а отношение к последствиям в виде тяжкого вреда здоровью или смерти является неосторожным. В целом, как известно, такие преступления являются умышленными.

Следует обратить внимание читателей на тот факт, что при отсутствии вины даже ненадлежащее оказание медицинской помощи, повлекшее тяжкие последствия не является преступлением. В качестве примера приведем следующее дело. С. признан виновным в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). С., будучи врачом анестезиологом-реаниматологом, во время ночного дежурства в палате реанимации и интенсивной терапии осуществлял манипуляции по постановке желудочного назогастрального зонда пациентке К., находившейся в состоянии алкогольной комы. При введении зонда пациентке К. врач С. причинил ей перфорацию правого предсердия названным зондом, повлекшую острую кровопотерю и ее смерть.

Признавая С. виновным, суд первой инстанции не учел того, что ввиду болезни другого врача-анестезиолога С. был вынужден остаться на второе ночное дежурство и, осуществляя манипуляции по введению назогастрального зонда, находился в состоянии сильного физического переутомления, что является разновидностью нервно-психических перегрузок. С. обладал всеми необходимыми профессиональными знаниями и навыками, позволяющими надлежащим образом выполнить свои профессиональные обязанности, но вследствие нервно-психических перегрузок не смог правильно ввести назогастральный зонд К., что было бы возможным при его нормальном психофизиологическом состоянии.

Таким образом, в действиях С. имел место казус, предусмотренный ч. 2 ст. 28 УК РФ, поскольку он направлял свою волю на предотвращение смерти К., но объективно

¹ См.: Ситникова А. И. Ятрогенные преступления // Материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 618–623.

² См.: Малышева Ю. Ю. Неотложные аспекты ятрогенных преступлений // Судья. 2020. № 2.

³ Замалева С. В. Криминализация ятрогенных преступлений. М., 2018. С. 21.

не смог этого сделать, так как его психофизиологические качества не соответствовали состоянию нервно-психических перегрузок¹.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать вывод, что ятрогенные преступления представляют собой умышленные и неосторожные посягательства на жизнь, здоровье человека и иные законные права и интересы пациентов, совершаемые в процессе нарушения медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи при исполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Романова Ю. В.,

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Института права Челябинского государственного университета*

Уголовная ответственность юридических лиц: необходимость современной российской правовой реальности и зарубежный опыт

Большинство государств устанавливают, что субъектом преступления является только физическое лицо — человек. Вместе с тем некоторые зарубежные страны демонстрируют возможность и целесообразность уголовной ответственности юридических лиц. В мировой практике накоплен значительный опыт по установлению уголовной ответственности организаций. На некоторые успехи и ошибки в этом деле таких стран, как Франция, Нидерланды, Англия, США следует обратить внимание и российским юристам.

В 1950 г. уголовная ответственность юридических лиц частично, а в 1976 г. полностью была установлена в Голландии, в 1982 г. — в Португалии, в 1994 г. — во Франции, в 1995 г. — в Финляндии. Субъектами уголовной ответственности юридические лица являются в Бельгии и Люксембурге.

В Германии и Швеции установлена квазиуголовная (административно-уголовная) ответственность юридических лиц.

Установив уголовную ответственность юридических лиц, уголовное законодательство зарубежных стран накопило определенный опыт и в деталях раскрывает характер преступной деятельности, за которую возможна уголовная ответственность, и субъекты, на которых она распространяется.

В Уголовном кодексе Французской Республики указывается, что уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, которые совершили те же действия. В соответствии со ст. 121-2 УК Франции к уголовной ответственности привлекаются юридические лица, за исключением государства, за преступления, предусмотренные законом, которые совершены в их пользу их органами или представителями. Также к уголовной ответственности могут привлекаться органы местного самоуправления и их объединения за преступления, которые совершены при исполнении ими своих полномочий по общественной службе. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности для физических лиц, если они

¹ См.: Архив Октябрьского районного суда г. Пензы. 2007 г., дело № 1-217.

являются соучастниками совершения преступления или его исполнителями¹. Чаще всего к юридическим лицам в качестве меры уголовного наказания применяются: штраф, ограничение имущественных прав юридических лиц, запрещение заниматься какой-либо деятельностью, закрытие их полностью или на определенный судом срок, помещение под судебный надзор сроком до 5 лет².

Круг преступлений, за совершение которых организация подлежит уголовной ответственности достаточно широк. Сюда входят преступления против человечества, неумышленные посягательства на жизнь, посягательства на неприкосновенность человека, прямое поставление человека в опасность, незаконное распространение наркотиков, дискриминацию, ложный донос и ряд других. За любое из перечисленных деяний, совершенное в пользу юридического лица его руководителем, оно подлежит уголовной ответственности.

В США с позиции действующего законодательства корпорации при определенных условиях могут нести уголовную ответственность наряду с физическими лицами либо самостоятельно. Законодательство США закрепило уголовную ответственность юридических лиц, как на федеральном уровне, так и в уголовном законодательстве штатов. Ответственность корпораций, неинкорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах регламентируется ст. 2.07 Примерного Уголовного кодекса США. В пункте «б» ч. 1 этой статьи говорится о том, что корпорация (организации, не относящиеся к правительственным) может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия³. Корпорации, признанные виновными в инкриминируемых именно им, а не их служащим преступлениях, караются наказаниями имущественного характера — главным образом штрафом и конфискацией имущества.

Таким образом, положительный многолетний опыт легализации уголовной ответственности юридических лиц, совершивших преступления в экономической сфере, может послужить для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства РФ для дальнейшей борьбы с преступлениями юридических лиц в экономических преступлениях.

Отрицательным моментом представляется существующий принцип «отождествления», в соответствии с которым корпорация несет уголовную ответственность за преступления, совершенные руководителями в интересах и с согласия юридического лица.

Что касается вопроса о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, то он неоднократно становился предметом серьезных обсуждений.

В 1994 г., в проекте УК РФ, подготовленном Минюстом России и Государственно-правовым управлением Президента РФ, содержались положения об уголовной ответственности компаний, но они не были реализованы.

¹ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб. Юридический центр-Пресс, 2002. С. 35. 650 с.

² Качалов В. В. Система наказаний для юридических лиц по уголовному кодексу Франции // Современное общество и право. 2014. № 2 (15). С. 50–55.

³ Примерный Уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. Б. С. Никифорова. М. 1969.

Затем, в 2011 г., с инициативой привлечения к уголовной ответственности юридических лиц выступил Следственный Комитет. Документ даже был вынесен на общественное обсуждение, но до Государственной Думы РФ он не дошел. В марте 2015 г. поступил на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»¹. Его внес на рассмотрение депутат Государственной Думы А. А. Ремезков. Законопроект был отозван 23.07.2018. На данный законопроект был получен отрицательный отзыв Правительства РФ, в котором указывалось на то, что «предлагаемые новой ст. 96.8 Уголовного кодекса Российской Федерации... виды наказаний (предупреждение, штраф, лишение лицензии, ликвидация), уже предусмотрены ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 20 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», ст. 7,9, и 10 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», ст. 14 Федерального закона «О противодействии коррупции». При этом действующие в настоящее время меры административно-правового воздействия приближаются к уголовно-правовым, а в некоторых случаях, превосходят их»².

Верной видится позиция председателя Следственного комитета России Александра Ивановича Бастрыкина, который отмечает, что, на юридические лица в настоящее время распространяется только административная ответственность. А это не дает возможности эффективно бороться с коррупцией, прежде всего в вопросах возвращения выведенных за рубеж капиталов. В июле 2017 г. председатель СКР предложил Госдуме подготовить и внести законопроект о введении уголовной ответственности для юридических лиц.

Кроме того, председатель СКР А. И. Бастрыкин указывал на то, что по делам об административных правонарушениях не предусмотрена возможность наложения ареста на банковские счета. «Чаще всего дела об административном правонарушении против компаний возбуждаются уже после приговора физическому лицу. Поэтому физлица, фактически контролирующие компанию, успевают вывести деньги с ее счетов, после чего взыскивать в доход государства уже нечего»³.

¹ Законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» // URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=750443-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=750443-6) (дата обращения: 11.02.2020).

² Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы А. А. Ремезковым // URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/7A0AF3351C5ED2AA43257E6900455121/\\$File/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%20%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%BD%D0%B0%20750443-6.pdf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/7A0AF3351C5ED2AA43257E6900455121/$File/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%20%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%BD%D0%B0%20750443-6.pdf?OpenElement) (дата обращения: 11.02.2020)..

³ Бастрыкин попросил Володина ввести уголовное наказание для юрлиц // URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2017/59d21d619a7947e01690f0f2> (дата обращения: 11.02.2020).

Без такого изменения уголовного закона невозможно экстерриториальное уголовное преследование иностранных организаций, совершающих преступления в России. Крупные капиталы выводятся за рубеж посредством юридических лиц и поступают на счета иностранных компаний.

На сегодняшний день документ не перестал быть интересным и засуживающим внимания.

В частности, в соответствии с изменяемой законопроектом ст. 19 УК РФ¹, уголовной ответственности наряду с вменяемыми физическими лицами, достигшими возраста, установленного уголовным законом, будет являться также юридическое лицо. Предполагается, что уголовная ответственность юридических лиц будет наступать по таким статьям УК РФ, как: торговля людьми (ст. 127.1), использование рабского труда (ст. 127.2), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174), коммерческий подкуп (ст. 204), террористический акт (ст. 205), массовые беспорядки (ст. 212 и ряду других.

Юридическое лицо будет признаваться виновным в преступлении и подлежать уголовной ответственности в случаях:

во-первых, виновного (умышленно или по неосторожности) совершения деяния, наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью УК РФ, действиями (бездействием), осуществляемыми от имени юридического лица лицом, уполномоченным совершать такие действия (бездействие) на основании закона, иного правового акта, устава, договора или доверенности;

во-вторых, совершения наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью УК РФ деяния заведомо в интересах юридического лица лицом, занимающим должность в его органах управления или контроля;

в-третьих, совершения наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью УК РФ деяния заведомо в интересах юридического лица лицом, имеющим право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом определять его действия (бездействие) или решения в силу прямого или косвенного участия в уставном (складочном) капитале этого юридического лица, закона, иных правовых актов или договора;

в-четвертых, умышленного совершения наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью УК РФ деяния иными лицами по указанию, с ведома либо одобрения лиц, указанных в п. «а», «б» и «в» части первой настоящей статьи, действовавших заведомо в интересах юридического лица.

Что касается наказаний, которые могут быть назначены юридическим лицам, признанным виновными в совершении преступлений, то здесь, в принципе, российские правоотворцы основываются на положительном зарубежном опыте в мягком его варианте проявления и предлагают использовать: предупреждение, штраф, лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, лишение права заниматься определенным видом деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации и принудительную ликвидацию. Некоторые из предлагаемых видов наказания просты и понятны, вместе с тем отдельные вызывают определенный интерес.

¹ Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями периоды действия редакции с 27 октября 2019 года по 26 июля 2020 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 11.02.2020).

Останавливаясь на характеристике предложенных видов наказания, отметим, что предупреждение — это официальное публичное порицание юридического лица и предостережение его о недопустимости впредь совершения преступления. Приговор, предусматривающий предупреждение подлежит опубликованию в одном из официальных печатных изданий. Мировой опыт свидетельствует об эффективности данного наказания, так как в данном случае сильно страдает деловая репутация организации, что, при условии ее ценности для юридического лица, крайне эффективно. Представляется, что данный вид наказания может иметь и превентивную функцию, что уважающее себя юридическое лицо воздержится от совершения преступления, дабы не причинить ущерба имиджу свое компании.

Штраф может назначаться в виде единовременной выплаты в размере от двухсот тысяч до тридцати миллионов рублей либо в размере, кратном полученному юридическим лицом преступному доходу, причиненному преступлением имущественному ущербу или стоимости приобретенного преступным путем имущества. Кратный штраф не может превышать пятисот процентов стоимости полученного юридическим лицом преступного дохода, причиненного преступлением имущественного ущерба или стоимости приобретенного преступным путем имущества. Кроме того, в случае злого уклонения от уплаты штрафа юридическим лицом, признанным виновным в тяжком или особо тяжком преступлении, этот вид наказания по решению суда может быть заменен на наказание в виде принудительной ликвидации.

Лишение лицензии, квоты, преференций или льгот состоит в аннулировании оформленных ранее юридическому лицу лицензии, квоты, преференции, льготы и может назначаться по отношению к тем лицензиям, квотам, преференциям и льготам, в связи с использованием которых совершено преступление. Лишение права заниматься определенным видом деятельности состоит в установлении запрета заниматься одним или несколькими видами предпринимательской или иной экономической деятельности на срок от полугода до трех лет. Лишение права заниматься определенным видом деятельности назначается по отношению к тому виду деятельности юридического лица, при осуществлении или в связи с осуществлением которой было совершено преступление.

Запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации — исключительная мера наказания, которая может быть назначена иностранному юридическому лицу, международной организации, а также обособленному подразделению, через которое на территории Российской Федерации осуществляется деятельность иностранного юридического лица или международной организации за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления в случае невозможности применения более мягкого вида наказания с учетом конкретных обстоятельств совершенного деяния, а также наступивших последствий.

При этом обособленные подразделения, через которые на территории Российской Федерации осуществляется деятельность иностранного юридического лица или международной организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации и которым назначено наказание в виде запрета на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, подлежат принудительной ликвидации. Все находящееся в пределах Российской Федерации имущество юридического лица (обособленного подразделения юридического лица), которому назначено наказание в виде запрета на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, после удовлетворения требований кредиторов обращается в доход государства.

Принудительная ликвидация — исключительная мера наказания, которая может быть назначена юридическому лицу, образованному на территории Российской Феде-

рации, а также иностранному юридическому лицу, международной организации, совершившей тяжкое или особо тяжкое преступление за пределами территории Российской Федерации против интересов Российской Федерации в случае невозможности применения более мягкого вида наказания с учетом конкретных обстоятельств совершенного деяния, а также наступивших последствий.

Все имущество юридического лица, которому назначено наказание в виде ликвидации, после удовлетворения требований кредиторов обращается в доход государства.

Несколько неоправданно мягкой видится ст. 96.17 законопроекта, регламентирующая особенности погашения судимости юридического лица.

Получается, что юридические лица данным законом поставлены в привилегированное положение по отношению к физическим лицам. И здесь, пожалуй, можно ставить вопрос о нарушении принципа равенства, установленного ст. 4 УК РФ. Кроме того, в вышеозначенном законопроекте не прослеживается инициатива внесения изменений в ст. 4 УК РФ, которая в настоящее время называется «Принцип равенства граждан перед законом» с учетом того, что сейчас только физические лица являются субъектом преступления. Представляется, что данный момент подлежит детальной проработке нашими законодателями.

Также вызывает сомнение целесообразность включения в текст УК РФ определения фиктивного юридического лица, тогда как, эта чисто гражданско-правовая терминология утяжеляет уголовно-правовую норму. Возможно, правильнее было бы пойти по пути моделирования текста нормы по бланкетному принципу.

У многих не вызывает сомнения, что современные реалии уже настоятельно просят кардинально нового взгляда на юридическое лицо. Введение уголовной ответственности для юридических лиц в нашей стране все больше из разряда зарубежного опыта переходит в качественное требование изменяющегося российского уголовного закона. Представляется, что введение уголовной ответственности для юридических лиц позитивно повлияет на изначально законопослушно настроенные организации, которые не создавались с целью совершения преступлений. Они уголовный закон нарушают в основном неосторожно.

А вот юридические лица, которые спланированно создавались для ведения преступной деятельности, к сожалению, могут вновь остаться без адекватного наказания. Здесь надо будет проблему решать комплексно — через блокировку возможности повторного открытия новых организаций теми лицами, которые уже создавали или участвовали в деятельности юридических лиц, нарушивших российский уголовный закон.

Романова А. С.,

преподаватель кафедры уголовного права

Юридического института

Иркутского государственного университета

Характеристика объекта хулиганства (ст. 213 УК РФ)

Объект состава преступления является обязательным его элементом и представляет собой совокупность общественных отношений, ценностей, благ, интересов, охраняемых и защищаемых законом и, на которые посягает преступное деяние.

По вертикали можно выделить следующие виды объекта хулиганства: родовым объектом являются общественные отношения по охране общественной безопасности и общественного порядка; видовым и непосредственным — общественные отношения по охране общественной безопасности.

По горизонтали объект хулиганства подразделяется на основной — это общественные отношения по охране общественной безопасности; дополнительный объект подразделяется на обязательный и факультативный (необязательный). К дополнительному обязательному можно отнести общественные отношения по охране порядка управления, если речь идет о квалификации деяния по ч. 2 ст. 213 УК РФ (связанное с сопротивлением представителю власти). Такому объекту причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда, именно поэтому такие деяния обладают повышенной общественной опасностью и относятся к квалифицирующим признакам состава.

К факультативным (необязательным) объектам необходимо относить такие общественные отношения, которым преступлением может причиняться вред и которые не указаны в качестве обязательных для состава. К таковым можно отнести общественные отношения по охране жизни и здоровья личности, общественные отношения по охране собственности. Не всегда совершение хулиганства влечет за собой причинение вреда здоровью или имущественного ущерба, однако если это произошло, то необходима квалификация по совокупности со соответствующими статьями.

То же самое касается и случаев, когда лицо вовлекло несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. В данном случае речь идет о посятельстве на общественные отношения по охране семьи и несовершеннолетних, что относится к факультативному объекту хулиганства и такое деяние подлежит квалификации по совокупности со ст. 150 УК РФ. Указанная позиция находит свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

Хулиганство чаще всего совершается с применением оружия, которое не всегда находится у виновных на законных основаниях. То же самое касается и совершения хулиганства с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, изготовление которых может иметь незаконный характер.

Поэтому, кроме вышеназванных, к факультативным объектам можно отнести «общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере оборота огнестрельного оружия»¹, а также «общественную безопасность в сфере оборота взрывчатых веществ или взрывных устройств»².

Отдельный интерес вызывает определение объекта хулиганства, совершенного на транспорте общего пользования (п «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Посягательство на общественные отношения, обеспечивающие безопасность эксплуатации транспорта в данном случае, повышают общественную опасность хулиганства и существенно затрудняют отграничение рассматриваемого состава от ст. 267.1 УК РФ.

Отмечается мнение, что «поскольку «общественный порядок» более широкое понятие, чем — «безопасность эксплуатации транспорта», то ст. 267.1 УК РФ является специальной, а ч. 1 п. «в» ст. 213 — по отношению к ней — общей нормой»³.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей редакцией О. С. Капинос; науч. ред. В. В. Меркурьев. Первое издание Москва, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 879.

² Там же. С. 885.

³ Там же. С. 1074.

Примечательно, что для трех вышеназванных статей (ст. 222 УК РФ, ст. 223.1 УК РФ и ст. 267.1 УК РФ) видовым объектом выступают те же общественные отношения, что и для хулиганства: по охране общественной безопасности.

«Общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан и состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера»¹ являются дополнительным объектом хулиганства (п «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

Всё это указывает на многогранность объекта хулиганства. Такая многоаспектность связана с основным объектом. О том, что следует понимать под общественной безопасностью, написано немало научных трудов, в результате чего предложены разнообразные определения. Представляется, что многообразный характер содержания общественных отношений, на который посягает лицо, совершившее хулиганство, сложно описать исчерпывающим универсальным способом и закрепить законодательно.

Содержание для любого общественного отношения является одним из обязательных структурных элементов наряду с субъектом и объектом (предметом).

«Под содержанием общественного отношения следует понимать «взаимодействие и взаимосвязь его субъектов (участников), которые проявляются как в активной человеческой деятельности, так и в запрещаемом или требуемом обществе бездействии»². В основе такого взаимодействия, взаимосвязи и бездействия лежат те права и обязанности, которые с юридической точки зрения, регламентированы законом.

Общественная безопасность охватывает достаточно широкий круг таких прав и обязанностей. К таковым относятся, в первую очередь те, которые регламентированы Конституцией Российской Федерации:

— человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2);

— запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 18).

— охрана правопорядка, общественной безопасности находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п «б» ч. 1 ст. 72).

Законодательно закреплено понятие национальной безопасности, которая «включает в себя все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации»³. К таковым относится и общественная безопасность.

«Под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни...»⁴.

Совершая грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, лицо препятствует реализации окружающими своих законных прав и

¹ Там же. С. 1120.

² Актуальные проблемы уголовного права [Текст] курс лекций / [Агапов П. В. [и др.]] под ред. О. С. Капинус Акад. Генеральной прокуратуры РФ. М.: Проспект, 2016. С. 106.

³ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 4 января 2016, № 1 (ч. II), Ст. 212.

⁴ Там же.

свобод, связанных с местом пребывания и свободы передвижения, создают угрозу за жизнь, здоровье и собственность. Данное преступление связано с желанием виновного противопоставить себя обществу, пренебречь общепризнанными правилами поведения. Внезапная неопределенность в действиях хулигана способна привести к тяжким последствиям и нарушить широкий круг других общественных отношений.

Таким образом, рассмотрение объекта ст. 213 УК РФ как обязательного элемента состава преступления, свидетельствует о многообразии общественных отношений, на которое посягает лицо, совершающее хулиганство, что подтверждает особую общественную опасность данного преступления.

Савенко И. А.,

доцент кафедры уголовного права

и криминологии,

Краснодарский университет МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

Проблемы квалификации и соотношения служебного подлога со смежными составами преступлений

Вопрос о соотношении служебного подлога и иных преступлений имеет серьезное практическое значение как с точки зрения возможности квалификации служебного подлога по совокупности с иными преступлениями, так и при разграничении служебного подлога со смежными преступлениями. В теории уголовного права отсутствует единая позиция относительно соотношения служебного подлога, с одной стороны, и злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий — с другой. Проблема разграничения указанных составов рассматривается учеными с двух позиций. Первая точка зрения базируется на суждении, что служебный подлог представляет собой использование субъектом своих должностных полномочий, следовательно, соотношения этих норм по общепринятому правилу в доктрине уголовного права укладывается в соотношение: общая и специальная.

Сторонники второй точки зрения считают, что при служебном подлоге лицо совершает действия, на которые законом наложен запрет без исключений и делегированные полномочия занимаемой должности не оказывают главенствующего влияние на его поведение, поскольку в этот момент выполнение служебных обязанностей приостанавливается, т.е. законная процедура не реализуется. Из-за несоответствия действий виновного лица служебным (должностным) полномочиям, законодательству РФ и локальным нормативным актам они явно выходят за рамки полномочий.

Таким образом, полномочий на внесение в официальные документы ложных или искажающих фактическое содержание сведений не существует, и никто не вправе их осуществлять.

По нашему мнению, кажется верным и бесспорным считать служебный подлог (ст. 292 УК РФ) как специальную норму по отношению к превышению должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), и рассматривать его как разновидность превышения должностных полномочий.

Вместе с тем ст. 292 УК РФ предусматривает ответственность только за сам подлог — подделку официальных документов, но не за их использование, что может иметь место при злоупотреблении либо превышении должностных полномочий с использованием подложного документа. Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении Пленума от 16.10.2009 № 19 разъясняет, что в случаях, когда «...должностное лицо, государственный или муниципальный служащий в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 292 УК РФ»¹.

Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 292 УК РФ. Таким образом, позиция высшей судебной инстанции заключается в следующем: квалификация служебного подлога и злоупотребления должностными полномочиями необходима в случае реальной совокупности преступлений. Аналогичным образом должно квалифицироваться содеянное и при совершении служебного подлога и превышения должностных полномочий.

М. А. Любавина отмечает, что если служебный подлог создает условия для дальнейшего самостоятельного незаконного действия должностного лица (например, подделка протокола о якобы совершенном административном правонарушении, а затем незаконное привлечение невиновного лица к административной ответственности), то в данном случае имеет место реальная совокупность преступлений².

Так, Х., используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, предвидя последствия в виде существенного нарушения охраняемых законом интересов организации и государства, из личной заинтересованности, обусловленной семейственностью, покровительствуя своей двоюродной сестре, занимающей должность специалиста клиентской службы, внесла заведомо ложные сведения в таблицы учета рабочего времени, подписала их, после чего представила руководству для утверждения. На основании подложных таблиц сестре виновной была начислена заработная плата. Действия Х. квалифицированы по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 292 УК РФ³.

Объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога в данном случае имели различное содержание. Именно использование подложных документов, а не их фальсификация повлекло общественно опасные последствия, поэтому в указанном примере действия виновной правильно квалифицированы по совокупности преступлений. При фальсификации официального документа и дальнейшем совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, содеянное квалифицируется по совокупности ст. 292 и ст. 286 УК РФ.

При квалификации служебного подлога по совокупности со злоупотреблением или с превышением должностных полномочий необходимо учитывать, какие действия субъ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред.от 24.12.2019) П.17 // URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 25.04.2020).

² Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ: учеб. пособие / М. А. Любавина. Санкт-Петербург Санкт-Петербург. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 184 с.

³ Постановление Президиума Верховного суда Республики Дагестан от 13 апр. 2016 г № 44у-41/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 29.04.2020)

екта повлекли последствия в виде существенного нарушения прав либо законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. Если последствия причинно связаны со злоупотреблением должностными полномочиями или превышением должностных полномочий, то служебный подлог квалифицируется по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Злоупотребление или превышение должностными полномочиями может квалифицироваться по совокупности со служебным подлогом, ответственность за совершение которого предусмотрена в ч. 2 ст. 292 УК РФ, лишь в случае, если злоупотребление или превышение, с одной стороны, и служебный подлог — с другой, повлекли различные по содержанию последствия¹.

Так, Печорский городской судом установлено, что А. М. Соснора, будучи главой администрации муниципального района «Печора», т.е. лицом, выполняющим организационно-распорядительными и административно-хозяйственные функции, изготовил разрешение на ввод в эксплуатацию объекта «Водопроводные сети п. Озерный», датированное 29.12.2016, являющееся официальным документом, куда внес заведомо ложные сведения о выполнении строительства объекта. Затем он завизировал его своей подписью и скрепил печатью администрации МР «Печора». Действия Сосноры совершенные из личной заинтересованности вопреки интересам службы, повлекли нарушение социальных прав жителей п. Озерный на: качественное водоснабжение питьевой водой, безопасные для здоровья условия проживания. Кроме того, его действия повлекли нарушение порядка ввода оконченных строительством объектов в эксплуатацию, дискредитацию и подрыв авторитета исполнительно — распорядительного органа муниципального образования — администрации муниципального района «Печора» и неэффективное использование денежных средств из бюджета Российской Федерации.

По мнению Печорского городского суда, для квалификации злоупотребления должностными полномочиями важен только сам факт удостоверения печатью и подписания А. М. Соснорой разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, вне зависимости от вероятного участия иных лиц в изготовлении документа, содержащего ложные сведения.

Субъективно виновное поведение А. М. Сосноры в части подписания разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, при наличии выше установленных обстоятельств, подчеркивает правильность вывода стороны обвинения о виновности действий подсудимого при выдаче разрешения с явными нарушениями. При таких обстоятельствах, суд квалифицирует действия Сосноры А.М по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Служебный подлог являлся формой (способом) злоупотребления должностными полномочиями подсудимого А. М. Сосноры, следовательно, преступление, предусмотренное ст. 292 ч. 2 УК РФ, излишне вменено ему в вину. Объективная сторона инкриминируемого деяния в полной мере охватывается ст. 285 УК РФ, ввиду чего суд исключает из предъявленного А. М. Сосноре обвинения инкриминируемое ему преступление, предусмотренное ст. 292 ч. 2 УК РФ, как излишне вмененное².

Верховный Суд Республики Коми указал, что преступления Соснорой совершены при идеальной совокупности и изменил решение Печорского городского суда Республики Коми и дополнительно квалифицировал действия Сосноры по ч. 2 ст. 292 УК РФ³.

¹ Там же. С 146.

² Приговор No 1-11/2019 1-222/2018 от 03.09.2019 по делу No 1-11/2019 Печорский городской суд Республика Коми // URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 29.04.2020)

³ Апелляционное постановление № 22-2715/2019 от 07.11.2019 по делу № 1-11/2019 Верховный Суд Республики Коми (Республика Коми) // URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 29.04.2020)

Принципиальных разногласий по вопросу соотношения служебного подлога с получением взятки не возникает. Например, должностное лицо за взятку изготавливает поддельный документ, т. е. совершает деяние, которое является самостоятельным преступлением. В этих случаях имеет место реальная совокупность преступлений — служебный подлог и получение взятки за незаконные действия. Действия медицинского работника, связанные с внесением из корыстной заинтересованности в целях личного обогащения в официальный документ — листок временной нетрудоспособности заведомо ложных сведений о состоянии здоровья пациента, образуют не только состав получения взятки, но и состав самостоятельного преступления — служебный подлог.

Из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что действия, которые должностное лицо совершает за взятку, не охватываются составом получения взятки и требуют самостоятельной квалификации.

Так, Шарипов, судебный пристав-исполнитель Калининского районного отдела судебных приставов г. Уфы за вознаграждение принял решение по исполнительному производству, осознавая незаконность и противоправность своих действий, вопреки интересам службы, вынес постановления об отмене ранее наложенных взысканий, запретов и ограничений. Кроме того, желая придать законность составленному им подложному документу, составил — акт о наличии обстоятельств, в соответствии с которым исполнительный документ возвращается взыскателю и принял решение по исполнительному производству, куда внес заведомо ложные сведения о невозможности взыскания долга. Шарипов был признан виновным в получении взятки за незаконные действия по ч. 3 ст. 290 УК РФ и служебный подлог по ч. 2 ст. 292 УК РФ¹.

Вместе с тем в судебной практике встречаются ошибки. А. за денежное вознаграждение внес в акты обмера орошаемой площади сведения, не соответствующие действительности, указав заниженную площадь. Х., зная, что составление актов обмера орошаемой площади и указание в них реальной площади орошения повлечет за собой перерасчет оплаты по заключенному договору, согласился на требования А. о передаче последнему денежных средств. Получив согласие Х. на передачу взятки, А., осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя и желая наступления общественно опасных последствий, составил официальные документы, в которые внес заведомо ложные сведения. Суд пришел к выводу, что совершенные А. действия, связанные с внесением в акты обмера орошаемой площади ложных сведений — заниженной площади орошаемой территории, в данном случае составляют объективную сторону получения взятки и дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 292 УК РФ не требуют. В связи с этим суд первой инстанции исключил из обвинения А. квалификацию по ч. 2 ст. 292 УК РФ как излишне вмененную.

В дальнейшем Верховный Суд Российской Федерации своим определением направил данное дело на новое судебное рассмотрение, поскольку вывод суда о том, что действия осужденных, связанные с внесением в документы ложных сведений, дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 292 УК РФ не требуют, неправилен².

Решение суда об исключении из объема обвинения А. деяния, выразившегося в служебном подлоге, объясняется ошибочным мнением о том, что незаконные действия, со-

¹ Приговор Калининского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан) № 1-23/2019 1-453/2018 от 27.02.2019 по делу № 1-23/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 29.04.2020)

² Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 9 авг. 2011 г. № 16-О11-39

вершаемые должностным лицом за взятку, охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют. Однако объективная сторона получения взятки не охватывает совершение иных преступлений, в том числе и служебного подлога и наличествует вне зависимости от того, совершены виновным незаконные действия или нет, а также когда они были совершены — до или после факта получения взятки.

В уголовно правовой литературе нет единого мнения относительно соотношения служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и подделки официального документа (ст. 327 УК РФ).

Как отмечает О. В. Чесноков, уголовно — правовые нормы, предусмотренные ст. 292 и ст. 327 УК РФ, могут конкурировать между собой лишь частично, поскольку последняя, в отличие от служебного подлога предусматривает специальную цель — использование поддельных официальных документов¹.

С учетом положений уголовного закона и теории квалификации преступлений следует сделать вывод о том, что нормы, предусмотренные ст. 292 и ст. 327 УК РФ, не в полной мере соотносятся как специальная и общая. А это означает, что возможен вариант их соотношений в зависимости от ситуации как смежных норм.

Например, при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности содеянное не может быть квалифицировано по общей норме, так как это не предусмотрено ст. 17 УК РФ.

В других случаях, если в содеянном отсутствует хотя бы один из признаков, обязательных как для состава служебного подлога, так и для состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, указанные нормы должны рассматриваться как смежные. Например, отсутствует цель использования подложного официального документа, но остальные признаки двух составов совпадают. В этом случае норма, предусмотренная ст. 237 УК РФ, утрачивает общий характер, поскольку именно в этой норме цель конкретизирована, нормы рассматриваются как смежные и, следовательно, квалификация содеянного осуществляется по правилам разграничения смежных норм.

Аналогичная ситуация прослеживается и при сопоставлении признаков служебного подлога и преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 303 УК РФ. Они Составы преступлений, ответственность за совершение которых установлена в ст. 292 и 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), также не совпадают по многим признакам. Во-первых, субъектом фальсификации доказательств может быть не только должностное лицо, но и другие участники гражданского или уголовного процесса; во-вторых, некоторые официальные документы не являются доказательствами (например, постановление о возбуждении уголовного дела и другие постановления), а доказательства не во всех случаях соответствуют понятию официального документа (например, вещественные доказательства); в-третьих, одним из обязательных признаков субъективной стороны служебного подлога является мотив совершения преступления — корыстная или иная личная заинтересованность, а для квалификации фальсификации доказательств мотив значения не имеет. При фальсификации результатов оперативно — розыскной деятельности обязательным признаком преступления служит не мотив, а цель. При совершении одного преступления возникает проблема наличия конкуренции уголовно-правовых норм или наличия смежных составов преступлений.

¹ Чесноков О. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 143–144.

В рассматриваемых нами ситуациях речь может идти о конкуренции общей и специальной нормы, при которой общей нормой может рассматриваться служебный подлог. При конкуренции общей и специальной нормы общая норма предусматривает определенный вид деяния, а специальная — разновидность, частный случай этого деяния. Общая норма содержит более обобщенные признаки, а специальная — их конкретизацию. Но проведенный выше анализ признаков составов преступлений свидетельствует о том, что как служебный подлог, с одной стороны, так и фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности — с другой, обладают как совпадающими, так и несовпадающими признаками. В последнем случае речь может идти о смежных составах преступлений. В. Н. Кудрявцев называет такие ситуации неполной конкуренцией общей и специальной нормы¹. Правила квалификации преступлений при неполной конкуренции общей и специальной нормы зависят от конкретных обстоятельств содеянного. Если объективные и субъективные признаки преступления подпадают как под признаки служебного подлога, так и под признаки, например, фальсификации доказательств, уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Например, при фальсификации доказательств по уголовному делу адвокатом отсутствуют признаки специального субъекта служебного подлога, и действия адвоката могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 303 УК РФ при наличии признаков данного состава преступления. Однако, например, фальсификация следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не может быть квалифицирована по ч. 2 ст. 303 УК РФ, так как это постановление не является документом уголовного дела. Но при наличии всех признаков служебного подлога в действиях следователя могут содержаться признаки ст. 292 УК РФ.

Таким образом, глубокий юридический анализ служебного подлога и определение соотношения со смежными составами преступлений поможет избежать ошибок в правоприменительной практике при квалификации, повысит качество расследования уголовных дел и уровень борьбы уголовно-правовыми методами с должностной преступностью.

Сизова В. Н.,
*ведущий научный сотрудник,
научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

Институт уголовной ответственности юридических лиц в системе российского уголовного законодательства

Проблема уголовной ответственности юридических лиц далеко не нова в теории и практике российской уголовно-правовой науки. Ее появлению в науке уголовного права

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 225

предшествовал длительный путь зарождения и эволюции системы взглядов и представлений общества по вопросу уголовной ответственности.

Однако, прежде чем рассматривать вопрос о необходимости и обоснованности введения в систему отечественного уголовного законодательства института уголовной ответственности юридических лиц, уточним, что же следует понимать под системой уголовного законодательства.

Так, прежде всего, следует отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации, представляя собой отличающуюся внутренним единством систему, состоящую из упорядоченных определенным образом, взаимосвязанных норм, отражает в своем содержании важнейшие задачи, а именно — защиту и обеспечение прав и свобод человека и гражданина, безопасности личности, неприкосновенности жилища, собственности и т.п. Данные задачи были иерархично заложены законодателем при конструировании системы Особенной части УК РФ с акцентированием на охрану жизни и здоровья граждан, неприкосновенность личности.

Не будет являться новшеством для российской уголовно-правовой науки указание на алгоритм построения Уголовный кодекс Российской Федерации, который, исходя из законодательной логики, включает в себя две взаимосвязанные и неразрывные части — Общую и Особенную. При этом в качестве общего принципа уголовно-правовой науки выступает постулат, в соответствии с которым положения, регламентированные нормами Общей части, распространяют свое действие и в отношении норм Особенной части. Так, в частности, исходя из смысла ст. 8 УК РФ, под основанием уголовной ответственности следует понимать совершение деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Соответственно, применение любой нормы Особенной части должно осуществляться при обязательном обнаружении в действиях виновного лица всех признаков состава преступления.

В этой связи И. Я. Козаченко совершенно справедливо отмечает, что с точки зрения отраслевого нахождения уголовное законодательство является лишь структурным элементом в общей системе отечественного законодательства. Вместе с тем, учитывая его самостоятельность и самодостаточность, оно и само выступает структурированной определенным образом системой, включающей в себя структурные элементы. Однако в число важнейших характеристик действующего российского уголовного законодательства входит моногамность, поскольку весь объем его содержания составляет Уголовный кодекс, в связи с чем вновь издаваемые законы, предусматривающие уголовную ответственность, должны быть включены в его систему¹.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. структурирован на 12 разделов, которые, в свою очередь, делятся на главы, главы же подразделяются на статьи с конкретными уголовно-правовыми нормами.

В Общую часть УК РФ входят шесть разделов — «Уголовный закон»; «Преступление»; «Наказание»; «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания»; «Уголовная ответственность несовершеннолетних»; «Иные меры уголовно-правового характера».

В Особенную часть УК РФ также входят шесть разделов — «Преступления против личности»; «Преступления в сфере экономики»; «Преступления против общественной

¹ Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 373 с. С. 128.

безопасности и общественного порядка»; «Преступления против государственной власти»; «Преступления против военной службы»; «Преступления против мира и безопасности человечества»¹.

Обозначив некоторые вопросы, связанные с системой российского уголовного законодательства, перейдем непосредственно к рассмотрению возможности введения в данную систему, в дополнение к уже существующим, еще одного, важнейшего на наш взгляд, структурного элемента — института уголовной ответственности юридических лиц.

В этой связи прежде всего отметим, что на постсоветском пространстве уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена в Азербайджане. Так, например, уголовное законодательство Азербайджанской Республики включает в свою систему гл. 15-2, положениями которой регламентируются вопросы применения в отношении юридических лиц в случае, если речь идет о преступлении, совершенном физическими лицами, например, должностным лицом, уполномоченным представлять юридическое лицо; должностным лицом, уполномоченным принимать решения от имени юридического лица и т.д. в пользу этого юридического лица или в защиту его интересов².

УК Латвийской республики, вступивший в силу с 1 апреля 1999 г., содержит в своей Общей части гл. 2, в которой находится ст. 12, регламентирующая особенности ответственности физического лица по делу юридического лица. Положениями данной статьи определяется, что за преступное деяние, которое физическое лицо совершило в интересах юридического лица частного права, в пользу этого лица или в результате его ненадлежащего надзора или контроля, соответствующее физическое лицо привлекается к уголовной ответственности, а к юридическому лицу могут применяться принудительные меры воздействия. Принудительным мерам воздействия посвящена гл. VIII_1 «Применяемые к юридическим лицам принудительные меры воздействия» (глава в редакции закона от 05.05.2005). В частности в ст. 70_2, структурно входящей в состав данной главы, указывается, что к юридическому лицу могут быть назначены следующие принудительные меры воздействия: ликвидация; ограничение прав; конфискация имущества; денежное взыскание³.

В систему УК Литовской республики включена гл. III «Преступление и уголовный проступок», в которой расположена ст. 20 «Уголовная ответственность юридического лица». Исходя из положений данной статьи, юридическое лицо несет ответственность лишь за те преступные деяния, за совершение которых предусмотрена ответственность юридического лица. А также юридическое лицо несет ответственность за преступные деяния, совершенные физическим лицом только в том случае, если преступное деяние в пользу или в интересах юридического лица было совершено физическим лицом, действовавшим индивидуально или от имени этого юридического лица, либо если это физическое лицо исполняло руководящие функции и, находясь на службе у юридического лица, имело право представлять юридическое лицо, либо принимать решения от имени

¹ Сизова В. Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладное исследование). Монография. М., 2015. С. 59. 176 с.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) // URL: <https://online.zakon.kz/m/document/> (дата обращения: 23.04.2020 г.).

³ Уголовный закон Латвии <https://docviewer.yandex.ru/view/https://online.zakon.kz/m/document/> (дата обращения: 23.04.2020 г.).

юридического лица, либо контролировать деятельность юридического лица. Юридическое лицо может подлежать ответственности за преступные деяния и в том случае, если их в пользу данного юридического лица совершил сотрудник или уполномоченный представитель юридического лица вследствие недостаточного присмотра или контроля. Уголовная ответственность юридического лица не устраняет уголовной ответственности физического лица, которое совершило, организовало, подстрекало или содействовало совершению преступного деяния¹.

В статье 21 УК Республики Молдовы «Субъект преступления» указывается, что уголовной ответственности подлежат вменяемые физические лица, которые в момент совершения тяжких, особо тяжких или чрезвычайно тяжких преступлений достигли 14 лет, а незначительных преступлений или преступлений средней тяжести — 16 лет, а также *юридические лица*. При этом юридическое лицо, за исключением органов публичной власти, привлекается к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если оно виновно в невыполнении или ненадлежащем выполнении прямых предписаний закона, устанавливающих обязанности или запреты на осуществление определенной деятельности, и если устанавливается по меньшей мере одно из следующих обстоятельств: деяние совершено в его интересах физическим лицом, наделенным руководящими функциями, которое действовало самостоятельно или как член органа юридического лица; деяние допущено, разрешено, утверждено или использовано лицом, наделенным руководящими функциями; деяние совершено вследствие отсутствия надзора и контроля со стороны лица, наделенного руководящими функциями. Физическое лицо признается наделенным руководящими функциями, если имеет, по меньшей мере, одну из следующих функций: представления юридического лица; принятия решений от имени юридического лица; осуществления контроля в рамках юридического лица. Юридические лица, за исключением органов публичной власти, несут уголовную ответственность за преступления, за совершение которых предусмотрено наказание для юридических лиц в Особенной части настоящего кодекса. Уголовная ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица за совершенное преступление².

В Разделе XIV.1 «Меры уголовно-правового характера по юридическим лицам» УК Украины расположена ст. 96.6 «Виды мер уголовно-правового характера, применяемые к юридическим лицам», которая регламентирует применение к юридическим лицам по решению суда следующих мер уголовно-правового характера — штраф; конфискация имущества; ликвидация. Положениями ч. 2 этой же статьи предусматривается, что к юридическим лицам штраф и ликвидация могут применяться только как основные меры уголовно-правового характера, а конфискация имущества только как дополнительная. При применении мер уголовно-правового характера юридическое лицо обязано возместить нанесенный ущерб и ущерб в полном объеме, а также размер полученной неправомерной выгоды, полученной или могла быть получена юридическим лицом³.

¹ Уголовный кодекс Литовской республики. Утвержден 26 сентября 2000 г. законом № VIII-1968. Официальный текст // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-литвы.html> (дата обращения: 23.04.2020).

² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.03.2020) // URL: <https://online.zakon.kz/Document/> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.03.2020) // nline.zakon.kz/ (дата обращения: 23.04.2020).

Что касается введения института уголовной ответственности юридических лиц в уголовное законодательство Российской Федерации, то следует отметить доводы противников такого нововведения, основным аргументом которых является научная позиция, сформулированная профессором Н. Ф. Кузнецовой. Суть данной позиции заключается в том, что включение подобного института в систему уголовного законодательства будет противоречить принципу личной и виновной ответственности, поскольку вина представляет собой психическое отношение лица к своему деянию, а такой вины у юридического лица нет и не может быть¹.

Да, действительно, принцип личной виновной ответственности является классическим принципом уголовного права, как отмечает в своих работах А. В. Наумов², впервые нашедшим свое отражение в УК Франции 1810 г. и отменившим понимание уголовной ответственности как ответственности за причинение любых опасных и вредных последствий, а не только за виновное совершение преступления.

В связи с указанной точкой зрения А. В. Наумов отмечал, что этот принцип определенно представляет собой важнейшее событие в деле формирования прогрессивной и демократичной уголовно-правовой системы, однако уголовная ответственность юридических лиц может удачно совмещаться с принципом личной виновной ответственности, дополняя его³.

В этой связи уместно отметить справедливое замечание А. В. Федорова о том, в случае признания юридического лица субъектом административного правонарушения, остается открытым вопрос о том, почему это лицо не может выступать в качестве субъекта преступления, и соответственно являться субъектом уголовной ответственности, исходя из постулата о том, что и административное правонарушение, и преступление относятся законодателем к противоправным виновным деяниям. Далее автор, указывая на универсальность общего принципа юридической ответственности, уточняет, что с учетом возможности привлечения юридических лиц к гражданской, административной ответственности, вполне вероятно их привлечение и к уголовно-правовой ответственности при обязательном установлении виновности физического или юридического лица в совершенном преступном деянии⁴.

Вместе с тем мы согласны с положением о том, что однотипного подхода к определению вины физических и юридических лиц не может быть, поскольку при определении вины физического лица применению подлежит теория психологической концепции вины, а в отношении вины юридического лица целесообразно применять положения иных теорий, например, теории социальной концепции вины⁵, нашедшей свою отражение в тексте Рекомендаций № (88) 18 Комитета Министров стран — членов Совета Ев-

¹ Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм хозяйственных преступлений // Вест. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1993. № 4. С. 12–21.

² Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3 Наумов А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28 и т.д.

³ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2010. С. 17.

⁴ Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // IX Ежегодные научные чтения памяти профессора С. Н. Братуся. Журнал российского права. 2015. С. 55–63.

⁵ Юрчак Е. В. Вина как общеправовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 39. 276 с.

ропы по ответственности предприятий-юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности¹. Такой же подход существуют и в административном праве, что подтверждает содержание постановления Конституционного Суда Российской Федерации — виновность юридического лица в совершении административного правонарушения является, как правило, следствием виновности физических лиц — должностных лиц или работников юридического лица².

Вывод. Таким образом, исходя из постулата о том, что под системой российского уголовного законодательства необходимо понимать структурный механизм с взаимосвязанными и взаимодействующими структурными элементами, актуальность приобретает вопрос о становлении новой российской государственности, обусловленной кардинальными изменениями в направлениях его внешней и внутренней политики. Современные вызовы и угрозы российскому обществу придают дискуссионности проблеме уголовной ответственности юридических лиц. Очевидно, что сегодня в детальной разработке нуждается вопрос о включении в систему действующего Уголовного кодекса Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц, что уже само по себе стало бы серьезной гарантией эффективности его действия.

Смирнов М. А.

помощник прокурора,

Великий Новгород, юрист 1 класса

Отдельные вопросы квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны

Квалификация преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, в настоящее время вызывает немало вопросов, и в правоприменительной практике нет однозначного подхода к тому, как квалифицировать данные преступления. Эти проблемы, на наш взгляд, связаны прежде всего с несовершенством правовой базы в данной сфере.

Рассмотрим один из наиболее проблемных вопросов, связанный с применением для отражения общественно опасного посягательства оружия, имеющегося у обороняющегося лица, не на законных основаниях, что образует самостоятельный состав преступления.

¹ Георги Рупчев (эксперт Совета Европы): Технический документ: Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности. 2015. 39 с. // URL: <https://gm.coe.int/16806d8620> (дата обращения: 23.04.2020).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»» // garant.ru/7029995base4/ (дата обращения: 23.04.2020).

В правоприменительной практике зачастую встречаются случаи, когда в процессе совершения оборонительных действий используется незаконно имеющееся у обороняющегося лица оружие, холодное либо огнестрельное, признаваемое таковым в соответствии с Законом «Об оружии». Обороняющийся, применяя незаконно имеющееся у него оружие, не нарушает допустимых пределов необходимой обороны, но наличие у него оружия в нарушение требований федерального законодательства, образует самостоятельный состав преступления. При этом следует учесть, что успешное осуществление необходимой обороны было предопределено в большей степени именно самим фактом применения оружия данным лицом. На наш взгляд, указанный вопрос должен иметь особое уголовно-правовое значение.

В практической деятельности, правоприменитель фактически сталкивается с реальной совокупностью двух самостоятельных деяний: 1) с превышением пределов необходимой обороны с одной стороны и 2) с незаконным приобретением, хранением или ношением оружия с другой.

В науке уголовного права мнения по этому вопросу разнятся. Например, в литературе можно встретить мнение о том, что пресечение преступления, «являющееся общественно полезным поступком, в значительной степени или полностью нейтрализует общественную опасность деяния, выражающегося в незаконном обладании оружием, без которого необходимая оборона в таком случае вообще не могла бы иметь места, вследствие чего оно лишь формально подпадает под признаки преступления. Незаконное владение оружием в этих случаях может, и то с большой натяжкой, рассматриваться как преступление лишь при явном несоответствии обороны характеру и степени опасности нападения, как часть превышения пределов необходимой обороны. Предшествующее акту необходимой обороны незаконное владение оружием также не может иметь самостоятельного значения в такой степени, чтобы стать основанием уголовной ответственности: применение оружия именно для совершения общественно полезного деяния служит подтверждением фактического отсутствия общественной опасности обладания оружием в данном конкретном случае¹.

Авторы данной позиции имеют в виду что, если будет установлено, что лицо не имело умысла на совершение преступления с применением оружия, а именно хранило его незаконно и применило только в условиях необходимой обороны, ответственность за данное деяние должна быть исключена. В случае отсутствия необходимой обороны, либо ее превышения, преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ будет иметь место, кроме случаев, указанных в примечании к данной статье.

Иного мнения придерживается профессор А. Н. Попов. Он полагает, что, во-первых, нахождение пистолета в кармане обороняющегося не всегда свидетельствует о том, что пистолет приобретался для самообороны. Скорее, наоборот, у законопослушных граждан не может быть пистолета в кармане, поскольку они соблюдают требования закона. Чаще всего оружие приобретается для достижения преступных целей. Поэтому утверждение о том, что применение оружия «служит подтверждением фактического отсутствия общественной опасности обладания оружием в данном конкретном случае», по меньшей мере необоснованно. Во-вторых, обороняющееся лицо не «добровольно делает достоянием органов власти то, что от них было скрыто», а вынужденно, ибо, защищаясь, он применяет то, что имеет под рукой, а поскольку под рукой имеется оружие,

¹ Мастинский М. З., Семенов Д. Е., Юшков Ю. Н., Юшкова Е. Ю. Применение законодательства о необходимой обороне и превышение ее пределов (По результатам обобщения следственной и судебной практики) // Государство и право. М.: Наука. 1994. № 3. С. 80–89.

то оно и применяется. Об органах власти при отражении посягательства граждане вряд ли думают.

Представим себе следующую ситуацию. Некто, совершающий нападения на граждан с применением оружия, оказался подвергнутым посягательству со стороны неизвестных вечером на улице. С целью самообороны он применил пистолет, которым незаконно владел. Разве в этом случае он не подлежит уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ за незаконные действия с оружием?¹

По-нашему мнению, следует согласиться с данной позицией, т.к. она представляется более логичной, и коррелируется с положениями ст. 222 УК РФ, согласно которой неважно для каких целей у лица незаконно находится оружие. Если оно находится на незаконном основании, лицо определенно подлежит уголовной ответственности в соответствии с действующим уголовным законодательством (при этом, однако, лицо не подлежит ответственности по ст. 222 УК РФ в случае нахождения в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), а также оно освобождается от ответственности по ст. 222 УК РФ, если добровольно сдаст указанное оружие. И применение этого оружия даже в состоянии необходимой обороны не устраняет общественной опасности содеянного, выражающегося в незаконном хранении оружия.

Наш вывод подтверждается судебной практикой. Так, Ульяновский областной суд, по заданию Верховного Суда РФ провел изучение практики применения федеральными судами, а также мировыми судьями судебных участков Ульяновской области норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния, предусмотренных Уголовным кодексом РФ в гл. 8, за период с 2009 г. по I полугодие 2011 г.

За указанный период в судебной практике имел место единственный случай постановления оправдательного приговора со ссылкой на ст. 37 УК РФ.

В данном случае, нас интересует вопрос, который был поставлен перед областным судом при анализе судебной практики, *как судами при оценке правомерности необходимой обороны учитывался факт вооруженности лица, совершившего общественно опасное посягательство (факт вооруженности оборонявшегося лица)? Какие предпосылки, примененные нападавшим (оборонявшимся), признавались судами в качестве оружия, и что судами понималось под применением оружия?*

Так, А. Ю. Чигарков обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ. В судебном заседании было установлено, что во дворе дома, принадлежащего Г. между Чигарковым и И., который находился в нетрезвом виде, на почве личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой И. нанес удар головой в область груди Чигаркову. После этого Чигарков зарядил одноствольный гладкоствольный обрез охотничьего ружья одним патроном с пулей. Увидев, что И. уже вошел в его дом, Чигарков взял в руки обрез и, после того как И., вновь принялся высказывать угрозы убийством в адрес подсудимого, сделал шаг в его сторону. Чигарков, полагая, что нападение И. на него не окончено, и тот зашел в дом с целью расправы над ним, произвел выстрел из обреза в сторону И. В результате последнему было причинено несовместимое с жизнью телесное повреждение — огнестрельное пулевое сквозное ранение грудной клетки, которое квалифицируется как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. От полученного повреждения И. через непродолжительное время скончался на месте происшествия.

¹ См. подробнее: Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. Юридический центр-Пресс, 2001. С. 410.

При постановлении судом обвинительного приговора был принят во внимание тот факт, что в период с... Чигарков несколько раз подвергался избиению со стороны И., после чего последний ушел из дома подсудимого со словами, которые тот воспринял как угрозу. Появление И. в своем доме подсудимый расценил как намерение И. его избить. Принимая во внимание указанные обстоятельства, суд приходит к выводу, что действия подсудимого были обусловлены стремлением защититься от противоправного нападения. Вместе с этим, действия потерпевшего не были сопряжены с насилием, опасным для жизни подсудимого, и не представляли непосредственную угрозу применения такого насилия. Данные, которые могли бы свидетельствовать о неожиданности посягательства И. на подсудимого, вследствие которых последний не мог бы объективно оценить характер и степень опасности нападения на него, суду представлены не были.

Оценив, в совокупности, указанные выше обстоятельства, суд приходит к выводу, что Чигарков в момент осуществления посягательства на него со стороны И., находился в состоянии необходимой обороны, однако избранные им средства защиты и причиненный потерпевшему вред не соответствовали характеру и интенсивности нападения. Суд также отметил, что потерпевший не был вооружен.

Приговором Барышского городского суда Чигарков признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 222 УК РФ.

При оценке правомерности необходимой обороны судами, факт вооруженности нападающего или обороняющегося лица (в том числе иными предметами, применяемыми в качестве оружия), во всех случаях расценивался с точки зрения наличия у данного лица преимущества в средствах причинения вреда. Обладание таким преимуществом существенно увеличивает степень общественной опасности посягательства, либо степень общественной опасности оборонительных действий, поэтому судами уделялось особое внимание как способам применения сторонами предметов в качестве оружия, так и последствиям такого применения. Наиболее часто в качестве оружия потерпевшими и подсудимыми применялся нож. Изучение практики рассмотрения судами Ульяновской области уголовных дел по ст. 108, 114 УК РФ показывает, что из 39 случаев совершения указанных преступлений в 33 случаях различные предметы в качестве оружия применялись обороняющимися, и только в 15 случаях — нападающими. При этом необходимо отметить, что данные показатели приведены с учетом случаев применения оборонявшимися в качестве оружия предметов, изъятых в ходе отражения посягательства у нападавших. Под непосредственным применением оружия (предметов в качестве оружия) судами понимается фактическое использование поражающих свойств оружия (предметов в качестве оружия) для физического воздействия на потерпевшего¹.

Так, М. постоянно подвергался угрозам и вымогательству со стороны одного из преступных авторитетов. Когда М. отказался платить, на М. и членов его семьи было совершено несколько покушений с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Он обращался в правоохранительные органы, но никаких мер принято не было. Тогда для самообороны М. приобрел пистолет.

В один из дней к М. домой приехали трое неизвестных и потребовали, чтобы он вышел во двор. Во дворе «терроризировавший» его преступный авторитет направился к нему со словами «ты покойник» и стал вынимать руку из кармана. Зная, что он всегда

¹ Справка по результатам изучения практики применения судами норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключających преступность деяния (статьи 37–42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 гг. — первом полугодии 2011 гг. Ульяновский областной суд. URL: http://ulobljud.ru/index.php?id=2621&operation=com_content&task=view (дата обращения: 26.05.2020).

вооружен, воспринимая его действия как реальное нападение и опасаясь за свою жизнь, М. произвел прицельный выстрел и ранил его. Президиум Верховного Суда РФ признал, что М. находился в состоянии необходимой обороны¹.

Т. Орешкина, рассматривая данный случай, отмечает, что «опасность, угрожавшая М. и членам его семьи в связи с действиями вымогателя, существовала на протяжении длительного периода времени, была наличной и реальной, и не могла быть устранена иными средствами (помимо приобретения огнестрельного оружия), не помогло и обращение за помощью к правоохранительным органам. Для устранения этой опасности М. приобрел огнестрельное оружие. Данные действия, при всей их внешней противоправности, в данном случае вписываются в рамки института крайней необходимости. Поэтому, в связи с наличием этого обстоятельства, исключающего преступность деяния, М. не следует привлекать к уголовной ответственности за незаконное приобретение огнестрельного оружия»².

Таким образом, согласно действующему законодательству, действия М. вписываются в рамки ст. 39 УК РФ о крайней необходимости, и он не подлежит уголовной ответственности в конкретном случае за незаконные действия, связанные с приобретением, хранением и ношением оружия.

Можно заметить, что оправдание подсудимых с признанием судами правомерности необходимой обороны в действиях лица — это единичные случаи, которые достаточно редко встречаются в судебной практике. Чаще действия обороняющегося лица признаются совершенными при превышении пределов необходимой обороны³. С чем это может быть связано? С тем, что у граждан, при нападении на них, нет времени на то, чтобы обдумать какие соразмерные средства защиты избрать, чтобы не причинить преступнику вред, не соразмерный характеру и степени нападения? Или с тем, что при нападении на граждан, последние стремятся нанести обидчику умышленно вред здоровью, за то, что тот посягнул на их здоровье, здоровье и жизнь близких, собственность и т.д.? На наш взгляд, при расследовании рассматриваемых преступлений, необходимо исключить формальный подход — следует рассматривать указанные деяния с позиции того, что пострадавший первый посягнул на охраняемые законом интересы, и об этом не стоит забывать, даже в случае если гражданину не удалось избрать допустимые средства защиты, ведь если бы первичного нападения не случилось, тогда и превышать пределы необходимой обороны не пришлось.

Таким образом, приходим к выводу, что лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ, если оно для предотвращения или отражения преступного посягательства использовало незаконно имеющееся у него оружие, кроме случаев, указанных в ст. 39 и в примечании к ст. 222 УК РФ.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5.

² Орешкина Т. Ю. Спорные вопросы института необходимой обороны // Уголовное право. 1998. № 3. С. 31.

³ См.: Никуленко, А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.08 / Никуленко Андрей Вячеславович. Санкт-Петербург, 2019. С. 98.

Имплементация международных обязательств о борьбе с множественностью преступлений на примере России и Казахстана

Борьбе с множественностью преступлений уделяется пристальное внимание не только на национальном, но и на международном уровне. Особенно это касается лиц, ранее совершавших преступления, что нашло отражение в целом ряде международных конвенций и соглашений, как тех, участниками которых являются Россия и Казахстан, или подписание которых ожидает ратификации, так и тех, к которым они еще не присоединились. Так, согласно ст. 41 Конвенции ООН «Против коррупции» от 31.10.2003, ст. 22 Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15.11.2000, ст. 79 Конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22 января 1993 г. каждое государство-участник может принимать законодательные и другие меры, которые могут потребоваться для учета любого ранее вынесенного обвинительного приговора в отношении лица, подозреваемого в совершении расследуемого преступления. Аналогичные положения нашли закрепление и в ст. 25 Конвенции Совета Европы «О противодействии торговле людьми» от 16.05.2005, в которой Россия и Казахстан не участвуют, а также в ст. 107 Конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 07.10.2002, подписанной, но до сих пор не ратифицированной Россией (Казахстан является участником данной Конвенции). Закрепляя аналогичные положения в ст. 29 Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» включила специальный рецидив в числоотягчающих обстоятельств (п. «g» ст. 28 Конвенции), в которой Россия участвует, а Казахстан нет.

Среди международно-правовых документов нельзя не остановиться еще на одном акте, который хотя и носит рекомендательный характер, но тем не менее является результатом коллективного творчества государств, некогда образывавших единое целое. Речь идет о Модельном уголовном кодексе для государств — участников СНГ, утвержденном постановлением № 7-5 Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 17.02.1996. Также как и в УК РФ, нормы о множественности преступлений размещены в гл. 3 Модельного УК «Понятие и виды преступлений», что неоднократно подвергалось критике в научной литературе¹, поскольку различные проявления множественности не являются видами преступления. Как и в действующем УК РФ, здесь перечислены такие формы множественности, как совокупность (ст. 19) и рецидив (ст. 20) преступлений. Согласно УК Казахстана нормы о множественности преступлений (ст. 12-14) входят в разд. 2 «Уголовные правонарушения», который вообще не имеет де-

¹ См., например: Феоктистов М. В. Ответственность особо опасных рецидивистов по уголовному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1996. С. 23–24.

ления на иные структурные элементы. Такое законодательное решение хотя и не бесспорно, но более точно в отличие от российского и модельного подходов. В то же время ст. 63 Модельного кодекса, устанавливая исчерпывающий перечень обстоятельств,отягчающих ответственность и наказание, включает в него наряду с рецидивом преступлений повторность преступлений и их совершение в виде промысла.

Предыдущая (вторая) глава Кодекса «Действие уголовного закона во времени и в пространстве» содержит ст. 16 «Преюдициальное значение совершения преступления на территории другого государства — участника Содружества Независимых Государств», согласно которой судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления на территории одного из государств — участников СНГ имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории другого государства, в соответствии с договорами между этими государствами.

Как видим, в перечисленных документах данный институт представлен лишь фрагментарно, основное же правовое регулирование осуществляется на уровне национальных актов.

В большинстве своем законодатели помещают нормы о множественности преступлений, дифференцируя их по разделам, касающимся преступления и наказания, не выделяя их в самостоятельные структурные элементы. По такому пути наряду с Россией и Казахстаном идут Латвия, Молдова, Иран, Аргентина, Сан-Марино, Литва, штат Калифорния, Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Турция.

В то же время более предпочтительным можно назвать подход, присущий таким государствам, как Болгария, Польша, Голландия, Япония, Корея, Румыния, КНР, штат Техас, Беларусь, Бельгия, Грузия, Узбекистан, Украина, законодатели которых обособили соответствующие нормы в самостоятельные главы и разделы. Так, например, УК Болгарии содержит разд. IV «Множественность преступлений», включенный в гл. 2 «Преступление» Общей части УК; часть первая УК Японии включает гл. 9 «Совокупность преступлений» и 10 «Рецидив преступлений». Поскольку множественность преступлений непосредственно связана с институтом наказания, как своеобразным последствием ее проявления законодатели некоторых стран (Эстонии, Австрии, Франции, Испании, Швейцарии, Германии, Швеции) поместили нормы о множественности преступлений непосредственно в разделах, главах УК о наказании, что следует признать менее удачным.

Учитывая распространенность в мире романо-германской (континентальной) правовой системы, принадлежность к ней Российской Федерации и Казахстана, сравнительно-правовой анализ института множественности следует начать именно с представителей этой системы, и в первую очередь стран — участниц СНГ, поскольку именно с ними нас связывают наиболее тесные взаимоотношения с одной стороны и родственное происхождение, — с другой.

Из уголовных законов зарубежных государств Уголовные кодексы Республики Молдова, Туркменистана, Латвийской Республики, Республики Грузия, Голландии, Испании, Румынии, Республики Сан-Марино, Турции, ФРГ содержат статьи, посвященные сложному единичному преступлению. УК Казахстана не содержит самостоятельных норм, посвященных сложному преступлению, однако упоминание о них в уголовном законодательстве этой Республики присутствует. Согласно ч. 3 ст. 12 УК Казахстана (Неоднократность преступлений) не признается неоднократным продолжаемое уголовное правонарушение, т.е. правонарушение, состоящее из ряда одинаковых противоправных деяний, которые охватываются единым умыслом и целью и образуют в целом одно уголовное правонарушение.

В этой связи представляется, что, хотя такие положения выделяются в уголовных законах и не всех исследуемых нами государств, но более выигрышны кодексы тех из них, где такие нормы присутствуют. Поэтому можно рекомендовать их рецепцию в уголовное законодательство как России, так и Казахстана.

УК Казахстана в отличие от России выделяет не только преступление, но и уголовный проступок, при этом законодательство различает множественность как с одной стороны, так и с другой. В то же время совершенно обоснованно положение о том, что сочетание уголовного проступка и преступления, равно как и наоборот, не образует множественности деяний. Опыт соседнего государства может быть учтен Россией в преддверии введения института уголовного проступка.

Множественность преступлений влечет назначение наказания по специальным правилам, предусмотренным ст. 68 (рецидив преступлений) и ст. 69 (совокупность преступлений) Модельного УК. Повторное совершение преступления несовершеннолетним или наличие у него судимости за умышленное преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление выступает одним из условий, позволяющих суду назначить подростку наказание в виде лишения свободы. В отличие от УК РФ ст. 97 Модельного УК установлены более высокие по сравнению с максимальным наказанием в виде лишения свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Так, несовершеннолетним в возрасте до 16 лет максимальный срок лишения свободы не может превышать 10 лет (а при совершении впервые этот срок не превышает 7 лет), для лиц в возрасте от 16 до 18–12 лет (при совершении впервые — 10 лет) и совокупности приговоров (15 лет). Кроме того, совершение нового умышленного преступления прерывает течение сроков давности (ч. 3 ст. 83) и их течение исчисляется заново с момента совершения нового преступления. Специальный рецидив выступает в качестве квалифицирующего признака только в составе убийства (п. «о» ч. 2 ст. 111). В соответствии с ч. 7 ст. 81 УК Казахстана лишение свободы несовершеннолетним может быть назначено на срок не свыше десяти лет, а за убийство при отягчающих обстоятельствах или акт терроризма либо по совокупности уголовных правонарушений, одним из которых является убийство при отягчающих обстоятельствах или акт терроризма, — двенадцати лет.

Из 15 союзных республик бывшего СССР лишь 5 (Россия, Молдова, Литва, Киргизия, Эстония) сразу или впоследствии отказались от использования такой формы множественности преступлений, как неоднократность (повторность). При этом в УК Армении, Белоруссии, Латвии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины она именуется также как в УК РСФСР 1960 г. — повторность, а в УК Азербайджана, Грузии и Казахстана говорится о неоднократности преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 УК Казахстана неоднократность преступлений может быть образована как преступлениями, предусмотренными одной и той же статьей, так и преступлениями, предусмотренными одной и той же частью статьи УК¹. При этом неоднократность преступлений исключается, если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности или осуждено (ч. 2 ст. 12 УК Казахстана). Согласно УК Казахстана преступление и уголовный проступок также не образуют между собой неоднократности (ч. 1 ст. 12 УК). Неоднократность преступлений выступает квалифицирующим признаком в составах большинства преступлений, предусмотренными статьями Особенной части УК Казахстана.

Совокупность преступлений, согласно ст. 19 Модельного кодекса признается совершение двух или более деяний, ни за одно из которых лицо не было осуждено (ч. 1)

¹ Это имеет существенное значение для тех случаев, когда разные части одной и той же статьи УК содержат составы различных преступлений.

либо одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Модельного УК (ч. 2). При совокупности преступлений виновный несет ответственность за каждое совершенное преступление (ч. 3).

Совокупность преступлений согласно ч. 1 ст. 13 УК Казахстана представляет собой случаи совершения двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не только не было осуждено, но и от ответственности, за которые оно не освобождалось в соответствии с законом. Так же, как и в России законодатель исключает из совокупности преступлений случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено Особой частью в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание (ч. 1 ст. 13 УК).

Помимо реальной совокупности преступлений, о которой говорилось выше, законодатель выделяет и идеальную совокупность преступлений, когда состав двух или более преступлений содержится в одном деянии (действии или бездействии) виновного. На это кроме ч. 2 ст. 17 УК РФ указывается также в ч. 2 ст. 13 УК Казахстана.

Положения о том, что при совокупности преступлений лицо подлежит ответственности за каждое преступление, образующее совокупность по соответствующей статье или части статьи УК (ч. 1 ст. 17 УК РФ) нашли отражение в ч. 1, 2 ст. 13 УК Казахстана.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 Модельного УК рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. В силу ч. 4 этой статьи при признании рецидива не учитываются только снятые или погашенные судимости. Таким образом, в отличие от российского законодателя здесь нет ограничений на включение в рецидив преступлений судимости за преступления небольшой тяжести, за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, а также за преступления, по которым имело место условное осуждение или предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если последние не отменялись и лицо, не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Рецидив преступлений известен практически всем современным государствам, в законодательстве которых он выступает в качестве обстоятельства, повышающего уголовную ответственность и наказуемость деяния. Нет норм о рецидиве преступлений, и он никак не влияет на размер назначаемого наказания по законодательству Эстонии, Парагвая, Перу.

Модельный УК различает три вида рецидива: простой (ч. 1), опасный (ч. 2) и особо опасный (ч. 3 ст. 20). Его дифференциация на виды в отличие от УК РФ носит более глубокий характер. В частности, опасный рецидив имеет место в случаях: а) совершения нового умышленного преступления лицом, ранее дважды осуждавшимся к лишению свободы; б) совершения тяжкого преступления лицом, ранее осуждавшимся к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление; в) совершения особо тяжкого преступления лицом, ранее осуждавшимся к лишению свободы за тяжкое преступление. Особо опасный рецидив образуют случаи: а) осуждения к лишению свободы за совершение нового умышленного преступления лица, ранее не менее трех раз в любой последовательности осуждавшегося к лишению свободы за умышленное преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое; б) осуждения к лишению свободы за совершение тяжкого преступления лица, ранее дважды осуждавшегося к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; в) совершения особо тяжкого преступления лицом, ранее осуждавшимся за особо тяжкое или дважды осуждавшимся за тяжкое преступление.

Статья 68 Модельного УК определяет, что размер наказания при рецидиве не может быть ниже половины, при опасном рецидиве менее $\frac{2}{3}$, а при особо опасном рецидиве $\frac{3}{4}$ максимального наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

УК Казахстана признает рецидивом преступлений лишь совершение тяжкого преступления лицом, ранее осуждавшимся к лишению свободы за совершение тяжкого преступления (ч. 1 ст. 14), что в силу ч. 4 ст. 11 УК Казахстана исключает возможность отнесения к тяжким преступлениям, а следовательно, и к рецидивообразующим, неосторожных деяний. Из рецидива преступлений УК Казахстана исключает судимости за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте. Такое решение, с одной стороны, можно признать обоснованным ведь, по сути дела, речь идет не о простом, а о квалифицированном рецидиве преступлений. В то же время рецидив преступлений образуют только тяжкие преступления, причем за первое из них лицо должно быть осуждено к лишению свободы. Поэтому исключать из рецидива тяжкие преступления, за совершение которых лицо было осуждено к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте трудно признать рациональным, — с другой.

УК Казахстана выделяет только два вида рецидива: простой и опасный. Однако, исходя из определения рецидива можно сказать, что он охватывает лишь наиболее опасные его формы. В какой-то степени простой рецидив может быть отождествлен с опасным, а опасный — с особо опасным.

Сообразно ч. 2 ст. 14 УК Казахстана рецидив преступлений признается опасным: а) при совершении тяжкого преступления лицом, ранее дважды судимым к лишению свободы за совершение тяжкого преступления или судимым за совершение особо тяжкого преступления; б) при совершении особо тяжкого преступления лицом, ранее судимым к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Статья 59 УК Казахстана обязывает суд, назначая наказание при рецидиве или опасном рецидиве, учитывать число, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений. При этом каких-либо специально установленных минимальных пределов повышения наказуемости рецидивного преступления законодатель не устанавливает.

Несмотря на то что рецидив преступлений не включается в подсистему неоднократности преступлений законодатель отказался от выделения совершения преступления лицом, ранее судимым (специального рецидива) в качестве квалифицирующего признака.

УК РФ дифференцирует рецидив преступлений на простой, опасный и особо опасный. В отличие от своего предшественника (УК РСФСР 1960 г.) УК РФ 1996 г. заменил двухчленную (простой и особо опасный) рецидив преступлений на трехчленную (простой, опасный и особо опасный рецидив преступлений) классификацию. Однако в связи с тем, что после принятия Федерального закона от 08.12.2003 из УК РФ была исключена дифференциация обязательного повышения наказуемости в зависимости от вида рецидива его категоризация потеряла криминообразующее значение.

Специального решения о признании лица рецидивистом ни в Казахстане, ни в России не требуется. Квалифицируется деяние, а не деятель. В то же время ряд стран (Литва, Узбекистан) сохранили прежний порядок признания лица рецидивистом.

Вместе с исключением из уголовного закона неоднократности как формы множественности преступлений российский законодатель отказался от включения в нормы Особой части УК не только одноименных квалифицирующих признаков, но и совершения преступления лицом, ранее судимым. Однако, уже в 2012 г. в отдельные нормы УК был включен квалифицирующий признак — совершение преступления лицом, имею-

щим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Такую избирательность вряд ли можно признать оправданной.

Очевидно, что российскому и казахскому законодателям есть чему поучиться друг у друга, обсудить не только новеллы трансформации уголовно-правовых норм, но и практику их применения, эффективность или, наоборот, неэффективность принятых ими законодательных решений, оптимизировать свое законодательство с учетом опыта сопредельных государств.

Холева Д. Е.,

магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

«Восемь тяжких преступлений» по кодексу эпохи Тайхо¹

Страна Восходящего Солнца является постиндустриальным развитым государством, находящимся на высоких позициях в мировых рейтингах, в частности в рейтинге ООН по индексу человеческого развития (ИЧР), в нем Япония занимает за 2018 г. 19 место, в то время как Российская Федерация занимает 49 место².

Несмотря на рецепции права стран Азии, влияния романо-германской правовой системы, англосаксонской системы права в XIX в., все-таки Япония сохранила свою самобытность, индивидуальность как культуры, так и правовой системы.

Первые рецептированные правовые документы были из Поднебесной. Особый интерес представляет китайский кодекс «Тан люй шу и», половина его содержала нормы уголовно-правового характера. Существовало разделение преступлений по тяжести деяний, самые тяжкие из которых входили в категорию «Десяти зол», такие преступления, как: мятеж; бунт; измена; избивание или убийство родственников; преступления, совершенные с особой жестокостью (убийство трех человек с особой жестокостью, их расчленение); выражение непочтения императору в виде кражи одежды императора, неправильно приготовленной пищи, и т. п.; преступления против семьи.

По кодексу наказанием было битье палками, ссылка на каторжные работы, а высшей мерой наказания была смертная казнь, которая осуществлялась через обезглавливание или повешение. По религиозному представлению обезглавливание было намного хуже, чем повешение, потому что считалось что душа не обретет покой, если голова отделена от тела.

Основанием для кодекса «Тайхо рицурё» (Уголовный и Административный кодекс в эпоху Тайхо) 702 г., был китайский «Тан люй шу и», однако, кодекс эпохи Тайхо отказался от классификации деления на «Десять зол», а классифицировал на «восемь тяжких преступлений». Он был создан, основываясь на японских источниках, на таких документах, как Омирё (669 г.), Киёмигахарарё (682 г.), которые не сохранились до наших дней.

¹ Научный руководитель — д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Кочои С. М.

² Global 2019 Human Development Report Overview // United Nations Development Programme (http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_english.pdf)

Самым первым преступлением был «бохан», «под данным деянием подразумевался мятеж или заговор против царствующего дома»¹. Наказанием за данное преступление была смертная казнь путем обезглавливания. Заговор против императора также карался обезглавливанием. Наказание также распространялось на отцов и сыновей виновных, и дворовых холопов, они были конфискованы в казну государя, не распространялось на пожилых и неизлечимо больных. Дедов и внуков, братьев виновного отправляли в дальнюю ссылку.

Следующим, но не менее важным преступлением, было разрушение государственных домов и усыпальниц, наказанием за данное преступление была также смертная казнь. Данное преступление было немного мягче, чем мятеж, это объяснялось тем, что казнь была через повешение.

После «императорских преступлений» шла государственная измена, полагалась за данное преступление смертная казнь в виде повешения или обезглавливания. При замысле о государственной измене — повешение, при совершении самого преступления — обезглавливание. А сыновей виновных отправляли среднюю ссылку.

Следующая группа преступлений — это преступления против семьи: избиение или убийство своих родственников. Наказание за данные преступления завесили от того члена семьи, на которого было совершено покушение или убийство. Умысел на убийство бабушек, дедушек, отца, матери, как со стороны жены, так и мужа, — смертная казнь путем обезглавливания. Наказание менее строгое за убийство жены, мачехи, дяди, сестер и братьев — дальняя ссылка. При покушении на вышеперечисленных лиц — смертная казнь путем повешения. Если жена, вышедшая второй раз замуж, собирается совершить убийство родственников покойного мужа, то 3 года каторги, при покушении — дальняя ссылка, при самом убийстве — повешение.

Под преступлениями, совершенными с особой жестокостью, попадают деяния, взятые из китайских «Десяти зол»: «убийство трех человек, в одной семье ни один из которых не совершил уголовного деяния»²; расчленение тел; изготовление и хранение ядов (имеется в виду, приносящие боль и страдания, смерть). При совершении убийства, и последующем расчленении, кодекс Тайхо предусматривал наказание в виде обезглавливания, старшего сына преступника, не совершавшего преступления, отправить на 3 года на каторгу, при изготовлении и хранении ядов — обезглавливание, а родственников в дальнюю ссылку. Освобождаются от наказания тяжелобольные, престарелые и маленькие дети, ссылка не применяется, если этим ядом был отправлен какой-либо член семьи и родственники не знали о существовании яда.

Следующая — «великая непочтительность», также взятая из «Десяти зол», включает преступления, связанные с императором и с религией, то есть кража одежды, государственных предметов, символизирующих власть, государственной печати и ее подделки; неправильное приготовление пищи государя; разрушение храмов и кража священной атрибутики. Средняя ссылка полагалась за кражу священной атрибутики, одежды государя. Два года каторги за кражу государевой еды и личных вещей. Кража печати и разрушение храма каралась повешением.

¹ Д. А. Суровень Классификация преступлений в древней и раннесредневековой Японии // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. Курск: КГУ, 2016. № 15. С. 222.

² Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. СПб. Петерб. востоковедение, 1999. Т. I. С. 87.

Седьмое тяжкое преступление — неуважительное отношение к родителям. «Говорится о возбуждении судебного дела или предания проклятию прямых дедушки, бабушки, отца, матери, [самовольном] выделении в особый дворовый список или [самовольном] выделении части имущества при наличии прямых дедушки, бабушки, отца, матери, [самовольном] вступлении в брак, развлечении светской музыкой или смене траурной одежды на обыденную в период траура по отцу, матери, о сокрытии известия о смерти и не оплакивании прямых дедушки, бабушки, матери, отца; ложное заявление о смерти прямых дедушки, бабушки, отца, матери; прелюбодеянии с наложницей деда или отца»¹.

Последним преступлением является нарушение долга, то есть убийство хозяина, наместника провинции, убийство начальника своими подпеченными или служанками и т. п. Наказанием будет при убийстве — обезглавливание, при покушении — дальняя ссылка, при умысле на убийство — 3 года каторги².

Преступления, не входящие в категорию восьми тяжких преступлений (менее тяжких), предусматривали разные виды наказаний, например, при заговоре разрушить синтоистский храм, полагался один год каторжных работ, если совершено это деяние — дальняя ссылка. Рабам, как низшему сословию, за убийство назначалось обезглавливание. При простом убийстве — обезглавливание, при покушении 2 года каторги, при умысле на убийство — 2 года каторжных работ. При неумышленном убийстве наказанием является битье батолами в размере шестидесяти раз.

Кодекс эпохи Тайхо содержит категории лиц, привилегированных людей, которым может быть смягчено наказание, но если они совершили одно из тяжких, то смягчение не применяется. Привилегированные лица и некоторые их родные могут по общему правилу откупиться от наказания медью, если наказание меньше, чем ссылка.

Подводя итог, можно сказать, что система наказаний по Кодексу Тайхо включала такие виды наказаний, как смертная казнь путем повешения или обезглавливания; ссылка (дальнюю, среднюю, ближнюю); каторжные работы; битье палками (5 степеней от 60 до 100 раз); битье розгами (5 степеней от 10 до 50 раз). Предусмотрена для привилегированных лиц система откупа от наказания, можно было откупиться даже от смертной казни стоимостью «200 кин»³, или смягчить наказание. Также предусмотрен институт амнистии и институт рецидива, например, за повторную кражу. Существует привлечение к уголовной ответственности без вины членов семьи, даже, если они не соучастники, то есть кодекс закрепляет объективное вменение. Освобождаются от наказания по общему правилу восьмидесятилетние люди, тяжелобольные и дети до десяти лет.

Нельзя не согласиться с К. А. Поповым, который во вступительной статье к Своду законов «Тайхо рицурё», пишет, что Кодекс Тайхо 702 г., основанный на «Ган люй шуи», заимствовал китайскую юридическую технику, но «в китайские письменные формулы VII в. вкладывалось специфическое японское содержание»⁴.

¹ Свод законов «Тайхо рицурё». 702–718 гг. Рицу С. 25 (Уголовный кодекс) М.: Наука, 1989. С. 8.

² Свод законов «Тайхо рицурё». 702–718 гг. Рицу С. 25 (Уголовный кодекс) М.: Наука, 1989. . 49.

³ Свод законов «Тайхо рицурё». 702–718 гг. Рицу С. 25 (Уголовный кодекс) М.: Наука, 1989. С. 7.

⁴ Свод законов «Тайхо рицурё». 702–718 гг. Рицу С. 25 (Уголовный кодекс) М.: Наука, 1989. С. 4.

Понятие аффекта в привилегированном составе убийства

Убийства являются одним из самых тяжких преступлений по уголовному законодательству РФ. Однако, законодатель, учитывая объективные и субъективные признаки, подходит к решению вопроса об уголовной ответственности за эти преступления дифференцированно. К деяниям, которые отражают изменение степени общественной опасности посредством включения в состав специфических ситуаций, обстоятельств, способствующих, а также провоцирующих совершение преступления, закон, в том числе относит и убийство в состоянии аффекта.

Аффект упоминается в ст. 107 УК РФ как признак — привилегия, влияющий на смягчение уголовной ответственности, потому что в этом случае он служит «извинительным обстоятельством», который раскрывает один из детерминантов привилегизации данного состава преступления. В чем он выражается?

Предметы и явления внешнего мира, влияя на человека посредством органов чувств, как правило, вызывают какие-то перемены, выражающиеся в форме ощущений. Под влиянием одних предметов перемены могут быть одни, под влиянием других предметов — другие. Соответственно этому и ощущения, которые связаны с этими переменами, различны в зависимости от свойств и особенностей предметов.

Когда мы видим человека, к примеру, охваченного огнем, представления об испытываемых им страданиях вызывают в нас неприятное чувство. Поэтому, не только действующие на человека предметы и явления, но и образы, которые человек переживает внутри себя, стимулируют определенные перемены и ощущения. Вот эти ощущения, обусловленные не предметами и явлениями, а только соответствующими образами, представлениями, называются эмоцией — душевным чувством. Когда душевное чувство приходит в сильное движение — говорят о душевном волнении — аффекте¹.

Н. Г. Иванов пишет, что ученые, которые представляли религиозное право древности, считали непозволительным судить поступок человека при полном безразличии к его внутреннему состоянию². Любое действие всегда должно содержать в себе какую — либо эмоцию³. А. В. Коломина отмечает: эмоции играют важную роль в осуществлении психических функций, которые, в свою очередь, психологами делятся на настроения, страхи, стрессовые состояния, аффекты⁴. С. Л. Рубинштейн полагал, что целостный акт, который отражает что-либо, всегда содержит единство двух компонентов — знания и

¹ Богров А. Г. Преступный аффект и вменяемость / Д-р мед. А. Г. Богров (Одесса) — журн. «Терапевт. Обзорение», 1912. Одесса. С. 8.

² Иванов Н. Г. Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики // Государство и право. 1997. № 3. С. 72–79.

³ Об этом писали многие ученые, например: Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976. С. 38.

⁴ Коломина А. В. Аффект в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 14.

отношения, интеллектуального и «аффективного», где в той или иной ситуации один будет преобладать над другим¹.

В психиатрии и психологии выделяются два вида аффекта: патологический и физиологический. Основным отличием одного аффекта от другого является степень воздействия этого состояния на сознание человека, который переживает аффект². При патологическом аффекте происходит кратковременное психическое расстройство, которое выражается в полной или частичной амнезии и в абсолютном помрачении сознания³. При физиологическом аффекте не наблюдается расстройства психики, состояние лица определяется изменениями нормального психологического процесса⁴. Другими словами, при физиологическом аффекте лицо признается вменяемым, сохраняет возможность осознавать и руководить своим поведением, хотя степень волевой реакции, безусловно, снижена.

Далее мы будем рассматривать аффект только как физиологический механизм, дающий нам право полагать, что он является признаком, смягчающим ответственность.

Психологи оценивают аффект как сильное и относительно кратковременное эмоциональное переживание, которое может сопровождаться ярко выраженными двигательными и внутренними проявлениями⁵. Психиатры определяют аффект, как кратковременный и чрезвычайно сильный эмоциональный разряд, возникающий в экстремальных условиях, когда субъект не справляется с ситуацией⁶.

В доктрине уголовного права также предлагаются определения аффекта. Аффект — это состояние лица, характеризующееся во время совершения преступления высокой степенью эмоционального напряжения⁷. Б. В. Сидоров понимает под аффектом исключительно сильное, возникающее быстро и бурно протекающее, не длительное по времени эмоциональное состояние, определенно ограничивающее течение интеллектуальных и волевых процессов, которые нарушают целостное восприятие происходящего вокруг и правильное понимание лицом, совершающим преступление, объективного значения вещей⁸. Т. В. Сысоева в описании аффекта говорит о сильном, быстро возникающем и бурно протекающем кратковременном психическом состоянии, которое влечет деформацию сознания и воли, но не парализует их полностью, в отличие от патологического аффекта⁹.

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 264.

² Пуляева Е. В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 33.

³ Ситковская О. Д. Психологический комментарий к УК РФ / О. Д. Ситковская М: Зерцало, 1999. С. 79.

⁴ Ситковская О. Д. Криминально-психологическое исследование / О. Д. Ситковская. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 33.

⁵ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. С. 25.

⁶ Курбатов В. И. Юридическая психология: учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. С. 304.

⁷ Волков Б. С. Проблема воли и уголовной ответственности. С. 66.

⁸ Сидоров Б. В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. С. 24.

⁹ Сысоева Т. В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (Уголовно-правовые и виктимологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 14.

Определив теоретическую составляющую понятия аффекта, приведем пример из судебной практики, демонстрирующий состояние сильного душевного волнения (физиологического аффекта), который виновный переживает в связи с виктивным поведением жертвы.

Так, В. Н. Федин, проживая совместно со своим сыном ФИО 2, причинил ему смерть в состоянии сильного душевного волнения при следующих обстоятельствах:

ФИО 2, находясь дома, в состоянии сильного алкогольного опьянения начал нецензурную брань в адрес своего отца, тем самым, унижая и оскорбляя его. На этой почве между сыном и отцом произошел конфликт, в процессе которого ФИО 2 стал наносить В. Н. Федину телесные повреждения. В. Н. Федин взял кухонный нож и нанес им множественные удары в жизненно важные части тела потерпевшего, не совместимые с жизнью. От полученных ранений ФИО 2 скончался на месте.

Согласно заключению судебно-психиатрического эксперта, в момент совершения преступления В. Н. Федин находился в состоянии кумулятивного аффекта, то есть одного из вариантов физиологического аффекта, когда у лица происходит накопление эмоционального напряжения. Указанное подтверждается тем, что на протяжении длительного времени до совершения общественно опасного деяния В. Н. Федин подвергался аморальным и противоправным действиям со стороны сына, что стало основанием возникновения у отца длительной психотравмирующей ситуации¹.

В данном примере отчетливо видно, что источником возникновения физиологического аффекта, выраженного в бурной эмоциональной реакции, стало провоцирующее действие со стороны потерпевшего лица.

Таким образом, аффект — это, прежде всего:

— эмоциональное состояние, душевное волнение, которое должно быть сильным, при котором происходит сужение, но не полное нарушение сознания человека. Действия человека в момент аффекта становятся импульсивными и проявляются в форме, адекватной характеру сильного раздражения, с последующим субъективным чувством облегчения²;

— душевное волнение возникает внезапно, как ответная реакция на сильный эмоциональный раздражитель, что значит, что поведение субъекта регулируется не заранее обдуманной целью, а тем чувством, которое полностью захватывает личность и вызывает вспыльчивые действия. Но присущая аффекту тенденция, проявиться в действии, часто подавляется изнутри, на время или длительно. При данных условиях мы наблюдаем явления, аналогичные рефлексии, которые не были выполнены потому, что мы их произвольно подавили или физически не могли выполнить. А если направление к действию реализовывается, то оно становится все сильнее и сильнее, что в результате при-

¹ Приговор Советского районного суда г. Астрахани от 18.05.2018 по делу № 1-229/2018 // Обзор судебной практики . Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/JOVKg5u7mC5w/?regular-txt=®ular-case_doc=®u (дата обращения: 23.10.2019)

² Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А. Е. Тарас, К. В. Сельченко. Мн.: Харвест, 1999. С. 268.

водит к последствиям, напоминающим «взрыв». В таких случаях мы говорим про напряжение, разрешение и отреагирование аффекта¹. В подобных ситуациях аффект уподобляется количеству энергии, которое переводится в действие и, таким образом, разряжается²;

— состояние аффекта носит очень кратковременный характер. Как описывает Н. А. Лопашенко, если бы виновный сумел переждать всплеск сильного душевного волнения, его пик, то он бы через пару минут прошел и человек мог бы не совершить преступление. Но при этом необходимо учитывать психологические особенности каждого человека, потому что реакция на осознание происходящего у всех людей имеет разную степень выраженности³;

— состояние аффекта должно возникать под влиянием определенных негативных для виновного обстоятельств.

Рассмотрев признаки аффекта, можно резюмировать, что аффект — это резко возникающее и стремительно утихающее, отклоненное от нормы психическое состояние лица, выраженное в сильной эмоции, которое ограничивает восприятие происходящего и стимулирует (провоцирует) человека к действию.

Щербаков А. Д.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
Российский государственный университет правосудия,
кандидат юридических наук*

Статьи 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴: попытка борьбы с Fake News?

События начала 2020 коренным образом изменили миропорядок⁵. Оставляя в стороне политическую, медицинскую и психологическую составляющие указанных явлений, вызванных пандемией нового вируса, позволим лишь отметить, что пандемия обострила уже известную проблему — проблему недостоверной информации, с одной стороны, и реакцию государства на такую информацию, с другой стороны.

¹ Отреагирование. Двигательная или речевая деятельность, снимающая психическую напряженность. Термин был предложен Ж. Бреуэ и S. Freud [1895] для обозначения процесса, при котором психическая травма и связанный с ней аффект находят выход в словах и действиях, результатом чего является устранение внутриспсихического напряжения. См. URL: <http://www.syntone-spb.ru/library/books/content/3484.html>

² Блейер Э. Руководство по психиатрии. Москва, 1993. С. 29.

³ Лопашенко Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 570.

⁴ Далее по тексту — УК РФ, если не указывается иное. Статья подготовлена с использованием ресурсов СПС «КонсультантПлюс».

⁵ How COVID-19 is changing the world: A statistical perspective // / Режим доступа: URL: <https://data.unicef.org/resources/how-covid-19-is-changing-the-world-a-statistical-perspective> (дата обращения: 08.06.2020).

Если ранее проблематика т.н. «fake news» носила характер политический, направленный на корректировку внешнего курса государства или же уничтожение политического/экономического/торгового противника, что по своей сути затрагивало относительно небольшое число лиц¹, то в условиях пандемии мы можем взглянуть на данную проблему под совершенно иным углом: массовость и неконтролируемость явления, обусловленного высоким уровнем доступа к сетям Интернет, социальным сетям. Известный интерес представляет в данном контексте доклад Европола, появившийся в июле 2019 г., но уже в то время указывающий, что: «Развитие систем Искусственного Интеллекта и Машинного Обучения представляется как благом, так и опасностью, т.е. является обоюдоострым мечом: с одной стороны, усиливает безопасность и информационную защищенность устройств от внешних воздействий, с другой же, — существенно расширяет возможности для преступников по посягательствам на информационные системы и сети... Также преступники могут использовать его [ИИ — прим. А.Д.] и для совершения противоправных деяний, включая генерирование и распространение ложной информации, не прикладывая к этому никаких усилий»². Вместе с тем «fake news» — это новое имя старой проблемы³, о которой говорили, как классики отечественной юриспруденции⁴, так и исследователи в иных государствах⁵.

В отечественной истории мы уже имели опыт уголовно-правовой регламентации вопросов, связанных с предупреждением распространения недостоверной и опасной информации. Прежде всего, это опыт времен Великой Отечественной войны — положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.1941 г.⁶, который предполагал наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет за действия, связанные с распро-

¹ Пожалуй, самым известным, хотя и вымышленным примером может служить эпизод из романа В. Гюго «Граф Монте-Кристо», когда Эдмон Дантес предлагает за баснословную сумму начальнику телеграфной станции передать ложную информацию о перевороте в Испании, что приведет к краху финансового состояния барона Данглара. В отечественной дореволюционной практике распространение такого слуха относилось бы к преступлению, предусмотренному ст. 264 Уголовного Уложения от 23.03.1903, посягающему на общественное спокойствие (глава 12).

² Do criminals dream of electric sheep? How technology shapes the future of crime and law enforcement // Режим доступа: URL: <https://www.europol.europa.eu/news-room/news/do-criminals-dream-of-electric-sheep-how-technology-shapes-future-of-crime-and-law-enforcement> (дата обращения: 08.06.2020). Название доклада отсылает нас к известному библейскому сюжету, изложенному в Евангелии от Марка [Мк.6:34]

³ Ari E. Waldman, The Marketplace of Fake News, 20 U. Pa. J. Const. L. 845 (2018).

⁴ Спасович В. Д. За много лет, 1859—1871. Санкт-Петербург. 4, II, II, 665 с.

⁵ Edward McKernon, Fake News and the Public, 151 HARPER'S MAG., Oct. 1925, at 528. Klein, David and Wueller, Joshua, Fake News: A Legal Perspective (March 8, 2017). Journal of Internet Law (Apr. 2017). Ahran Park & Kyu Ho Youm. Fake News from a Legal Perspective: The United States and South Korea Compared. 25 Sw. J. Int'l L. 100 (2019). Tompros, Louis W., Richard A. Crudo, Alexis Pfeiffer and Rahel Boghossian. «The Constitutionality of Criminalizing False Speech Made on Social Networking Sites in a Post-Alvarez, Social Media-Obsessed World.» Harvard Journal of Law & Technology 31 (2017): 65.

⁶ Ведомости ВС СССР. 1941. № 32.

странением в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди мирного населения¹. Но стоит особо подчеркнуть, что это законодательство чрезвычайного времени, которое дополняло действующий блок уголовно-правовых норм, направленных на защиту интересов общества и государства, к примеру, положения законодательства об уголовной ответственности за контрреволюционные преступления.

Но в современных условиях проблема отсутствия рационального познания мира, казалась бы, должна отступить в эпоху открытости информации и свободы обмена и учета мнений. «Призрак театра» должен был бы пасть². Но вместо этого мы попадаем в иную ловушку — ловушку экспертного мнения. Совершенно прав, Том Николс [Tom Nichols] указывающий, что проблема современного общества заключается в том, что мы разучились не просто критически мыслить, но и впали в странную зависимость от мнения людей, которые накупили себе цветные «бумажки», но не могут быть настоящими экспертами — они просто не сведущи в рассматриваемом вопросе³. Ярким примером может служить череда комментариев «экспертов» о том, что не существует никакой пандемии, никакого вирусного заболевания, а все транслируется через вышки 5-G, что привело не просто к оболваниванию населения, но и спровоцировало конкретные уголовно наказуемые деяния: уничтожение и повреждение имущества организаций, оказывающих услуги в сфере телефонии и Интернета, вандализм, хулиганство, хищения⁴.

¹ Интересна статья Утевский Б. С. Уголовная ответственность за распространение ложных слухов // Социалистическая законность. 1941. № 1–2 (июль). С. 12–14. Отмечается, что применение положений данного Указа должно быть именно в ситуации неосторожности, когда лицо действует без умысла на возбуждение тревоги среди населения. Тогда как умышленные действия должны квалифицироваться уже как контрреволюционные преступления (ст. 58.10 УК РСФСР). О практике ее применения: Гусак В. А. Правовое регулирование деятельности органов милиции по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 8. С. 138–146. Иванова Г. М. По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной Войны // Труды Института Российской Истории РАН. 2017. № 14. С. 49–17.

² Бэкон Ф. Новый органон. Л., 1935. С. 126.

³ Николс Т. Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платновой. М., 2019. С. 73–116.

⁴ В Англии поджигают вышки 5G-сетей: «Они распространяют коронавирус» // / Режим доступа: URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-04-06_britantsy_zhgut_vyshki_5gsetej (дата обращения: 08.06.2020). Сюда же мы можем отнести и движение т.н. «антипрививочников», решительный отпор их псевдонаучному знанию дали в ряде стран, в том числе и посредством мер уголовной репрессии. К примеру, Италия установила штраф в размере 500 евро для родителей, которые отправят ребенка в школу без наличия у последнего прививок. См. подробнее: Laura Stanila, To vaccinate or not to vaccinate. Between moral and criminal boundaries // Law Review. Vol. VIII, issue 2, July-December 2018, Pp. 196–213. Lois A. Weithorn & Dorit Rubinstein Reiss (2018) Legal approaches to promoting parental compliance with childhood immunization recommendations, Human Vaccines & Immunotherapeutics, 14:7, 1610–1617, DOI: 10.1080/21645515.2018.1423929. Ljvy-Bruhl D, Desenclos JC, Quelet S, Bourdillon F. Extension of French vaccination mandates: from the recommendation of the Steering Committee of the Citizen Consultation on Vaccination to the law. Euro Surveill. 2018 23(17):18-00048. DOI:10.2807/1560-7917.ES. 2018.23.17.18-00048. Gradoń K. (2020). Crime in the time of the plague: fake news pandemic and the challenges to law-enforcement and intelligence community. Society Register, 4(2), 133–148. URL: <https://doi.org/10.14746/sr.2020.4.2.10>.

Совокупность обстоятельств как реального, так и исторического характера, как представляется, подтолкнула отечественного законодателя найти какую-то формулу, которая бы способствовала предупреждению как распространения недостоверных сведений¹, так и провоцирования иных преступлений.

Итогом стало появление в УК РФ новых статей: 207.1 и 207.2, направленных на предупреждение распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан².

Оценивая в целом положительно предпринятую попытку, позволим себе выделить отдельные положения указанных норм, которые могут привести к проблемам при их правоприменительной практики в будущем.

Следует обратить внимание на соотношение уже существующего административного законодательства в указанной области и новых положений уголовного закона.

До введения в УК РФ данных статей, вопрос регламентации ответственности за распространение заведомо общественно значимой информации закреплялся в ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ. При этом обязательным условием наступления административной ответственности является наличие угрозы охраняемым объектам (жизнь, здоровье граждан и т.п.)³. Ответственность же устанавливается относительно распространения заведомо «недостоверной общественно значимой информации», т.е. информации, которая «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи»⁴. При этом ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ устанавливает ответственность за правонарушение, когда действия

¹ Стоит отметить, что и ранее предпринимались попытки урегулировать данный вопрос в рамках уголовного законодательства. Пожалуй, самым ярким примером можно назвать события в г. Кемерово, когда в марте 2018 г. из-за возгорания в ТЦ «Зимняя вишня» погибло более 50 человек. Тогда волна недостоверной информации вывела на улицы множество людей, которые были убиты горем. Тогда процесс завершился принятием федеральных законов — Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»; Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ ««О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» — и установление административной ответственности за распространение такой информации. См.: Принятие закона о фейковых новостях связали с пожаром в «Зимней вишне» // Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/15/05/2019/5cdcc280f9a79471e7072f303> (дата обращения: 08.06.2020).

² Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Стоит также отметить, что практики по данной статье нет, кроме одного решения мирового судьи: Мировой судья судебного участка № 157 района «Хорошево-Мневники» г. Москвы / Дело № 5-1191/19 от 16.12.2019

⁴ Ч. 1 ст. 15.3 Федерального закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

по распространению недостоверной общественно значимой информации повлекли определенные последствия¹ в виде помех.

Зеркальная норма в уголовном праве установлена в ст. 207.2 УК РФ, предполагающая также наступление последствий в виде вреда здоровью человека, смерть человека и иные тяжкие последствия². Возникает вопрос: какого рода общественно опасные последствия могут быть отнесены к области уголовно-наказуемого деяния? Представляется, что указание на наступившее последствие или на угрозу наступления такого последствия, которое текстуально пересекается с положениями административного законодательства, может привести к существенной проблеме в будущем. К примеру, гр. А. на личной странице в социальной сети размещает информацию о том, что в городе М. будет введен карточный режим распределения продуктов, у граждан будут изымать источники передачи информации, а также введут дополнительные сборы на столование медицинских работников. Подписчики гр. А., прочитав данную информацию, принимают решение покинуть город на поезде. Приехав на вокзал, они не могут приобрести билеты и начинают стихийный митинг с требованием выпустить их из города, перекрывая железнодорожные пути, чтобы не пропустить идущий поезд в иной город. Анализируя ситуацию, краеугольным для нас становится оценка последствий: если последствия создали «помеху», то действия гр. А. попадают под действие ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ, а если же такое блокирование приводит к *«прекращению функционирования объектов транспортной инфраструктуры»*, то можно говорить об «ином тяжком последствии» в контексте ст. 207.2 УК РФ. Вместе с тем такой подход законодателя безупречен: стремление перенести формулу ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, где к ответственности возможно привлечение только юридических лиц, на почву уголовного закона приводит к излишнему усложнению правовых конструкций. Также этим решением нарушается логика, которая была присуща при конструировании административно-правовой нормы: физическое лицо не может своими действиями привести к прекращению функционирования объектов и т.п. Оно может своими действиями создать временные трудности, нарушить нормальную работу, в отличие от крупного печатного издания или СМИ, которое, имея большой охват аудитории, ресурсы, своими действиями приводит именно к окончанию функционирования той или иной отрасли хозяйства или сходного объекта, описанного в норме. Также к иным последствиям могут быть отнесены и иные «классические» их виды, к примеру, самоубийство лица или группы лиц³.

¹ «повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

² Проблематика указанного оценочного квалифицирующего последствия в целом в доктрине уголовного права также вызывает серьезную дискуссию. См.: Кругликов Л. Л. Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки // Уголовное право. 2010. № 5. С. 38–46. Лобанова Л. В., Ларионова Л. Н. Содержание квалифицирующего признака «Иные тяжкие последствия изнасилования» в интерпретации Пленума Верховного Суда РФ // Вестник ВолГУ. Серия 5 Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 41–48.

³ К примеру, гражданин Г. сообщает, что уровень зараженных в г. М. достиг 10 млн человек и вскоре власти начнут насильственное уничтожение как зараженных и членов их семей, так и соседей по лестничной клетке. Гражданин А., услышав об этом, совершает самоубийство, оставив предсмертную записку с указанием своего мотива. Вместе с тем, если гр. Г. изначально планировал, что его действия по распространению информации приведут к самоубийству, то деяния можно было бы квалифицировать по ст. 110.2 УК РФ при дополнении ситуации некоторыми условиями.

Статья 207.1 УК РФ является специальной уже по отношению к 207.2 УК РФ в части предмета: информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, является составной частью общественно значимой информации. Но конструкция ст. 207.1 УК РФ не содержит последствия от публичного распространения такой информации¹. Представляется, что решение законодателя в указанной части небезупречно: фактически устанавливается зеркальная норма ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. Внутреннее же дробление в структуре уголовного закона на два самостоятельных состава (207.1 и 207.2 УК РФ) небезупречно именно по той же причине: если Верховный Суд РФ презюмирует², что оба предмета преступления соотносятся как «часть-целое», то неясен мотив криминализации деяния в пределах ст. 207.1 УК РФ? Это ставит также вопрос и об объективной стороне деяния. Законодатель указал, что виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за распространение информации о принимаемых мерах по обеспечению безопасности. Следует ли расценивать такую информацию исключительно в негативном ключе?³ Представляется, что появление самостоятельного состава преступного деяния в рамках ст. 207.1 УК РФ выглядит как избыточная уголовно-правовая регуляция.

Также необходимо отметить и вопрос, связанный с субъективной стороной деяния: как надлежит квалифицировать действия лица, которое передает информацию, которая не является для него на 100 % достоверной, но полученной из источника, вызывающего доверие? К примеру, информация приходит гр. Б. от гр. В., который работает в правоохранительных органах и является его старинным другом, о том, что в ближайшее время сотрудники полиции оцепят район и будут проводить сплошные проверки в рамках мероприятий по ликвидации ЧС. После этого гр. Б. передает информацию гр. Д. Спустя какое-то время, становится известно, что указанная информация является недостоверной⁴. Допустимо ли привлечение гр. Б. к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 207.1 УК РФ? Представляется, что нет, потому что мы не можем установить его умысел на распространение такой информации⁵.

Возможным решением вопросов, которые были заявлены ранее, могло бы стать рассмотрение возможности установления административной преюдиции в рамках ст. 207.1 УК РФ, либо же формулирование единой нормы на базе ст. 207.2 УК РФ, с отказом от

¹ Ранее расположенная статья — 207 УК РФ — сконструирована существенно лучше, учитывая, прежде всего, мотивацию лица на совершение деяния и как возможные, так и реальные последствия.

² «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020).

³ К примеру, лицо говорит о том, что Правительство РФ будет выплачивать каждому гражданину 10.000 \$ США. В чем заключается общественная опасность указанного деяния?

⁴ Сходным примером служит ситуация т.н. «пенсионного» мошенничества, когда на бланках ПФ РФ присылаются сведения о необходимости обмена, перерасчета сумм пенсионных выплат, хотя в действительности никаких правовых оснований к этому нет. Лицо, воспринимая эту информацию как достоверную, передает денежные средства указанным лицам.

⁵ Возможным выходом может стать применение положения о добросовестном заблуждении относительно имеющейся информации. См.: Комментарий к Уголовному Кодексу РФ в IV томах. Т. III. Особенная часть. Раздел IX / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2020. С. 49.

конструкции «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан». Также представляется необходимым разъяснение указанного вопроса в новом блоке Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации с приведением конкретных критериев и гипотетических схем разграничений¹.

В завершении нашей статьи, позволим отметить, что проблематика «fake news» связана напрямую и с проблемой преодоления аномии, о чем блестяще написал И. А. Клепицкий². Невозможно строить дееспособное государство, когда народ не доверяет власти и наоборот. Будем надеяться, что испытания пандемией послужат хорошим уроком как власти, так и народу в части преодоления взаимного недоверия. Также остается надеяться, что и в законотворческой деятельности законодательная ветвь власти все же откажется от штурмовщины и будет следовать принципу прогнозирования и логики при внесении поправок³, включая исключение искусственной конкуренции между уголовным и административным законодательством.

Штефан А. В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,

кандидат юридических наук

Особенности освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания

Освобождения несовершеннолетних от отбывания уголовного наказания, это весьма распространенная практика. Так, за 2016 г. было освобождено 1 523 несовершеннолетних, в 2017 г. — 1 089 человек, в 2018 г. — 1 214 лиц, в 2019 г. — 1 448 подростков⁴. Порядок и основания применения освобождения от отбывания наказания четко регламентируются нормами УК РФ, а именно гл. 14 УК РФ. Так, основания освобождения

¹ Прекрасным примером служат рекомендации, выработанные на базе Европола. Ими предлагается выделять 6 блоков-советов, помогающих отграничить достоверную новость (информацию) от недостоверной: Внимательность — Осмотрительность — Проверка источников — Поиск дополнительных источников — Проверка сведений (дата, время, место, обстановка, участвующие лица и т.п.) — Обращение к признанным экспертам (Государственные организации, Международные некоммерческие организации, ООН и его структуры и аффилированные организации). См.: COVID-19: Fake News // / Режим доступа: URL: <https://www.europol.europa.eu/covid-19/covid-19-fake-news> (дата обращения: 08.06.2020).

² Клепицкий И. А. Преодоления аномии на примере конкретной ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 4. С. 640–651.

³ Блестящим примером служит опыт Великобритании и стран Содружества. См. подробнее: Fifty Years of the Law Commission: The Dynamics of Law Reform, by M. Dyson, J. Lee and S. Stark (eds). Oxford: Hart. 2016. 448 pp.

⁴ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 02.04.2020).

определены в ст. 92 УК РФ, которая предусматривает два вида освобождения несовершеннолетних от наказания: с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90, 91 УК РФ (ч. 1 ст. 92 УК РФ); с помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 90 УК РФ).

Закрепленный перечень мер воспитательного воздействия и установленный порядок их применения не способны сформировать реальную альтернативу существующим уголовным наказаниям. Такой вывод может быть подтвержден статистическими сведениями. Ежегодно только в отношении 4,3 % несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, назначались меры воспитательного воздействия¹. Низкий уровень востребованности рассматриваемых мер продиктован рядом объективных факторов. В первую очередь это казуистическая формулировка нормы, предусматривающей возможность применения мер воспитательного воздействия, а именно ч. 1 ст. 90 УК РФ. Формулировка «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что исправление может быть достигнуто путем использования мер воспитательного воздействия» является весьма оценочной. Действующее законодательство не предусматривает критерии, позволяющие оценить возможность исправления несовершеннолетнего тем или иным способом. Помимо этого, сама природа мер воспитательного воздействия имеет множество вопросов, существенно снижающих эффективность их применения. В связи с этим целесообразно обратиться к каждой из мер в отдельности².

Предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных УК РФ. Эта мера воздействия имеет как воспитательное, так и правовое значение. Превентивный потенциал, природа и сущность данной меры оценивается отрицательно в точки зрения уголовно-правовой теории. Фактически предупреждение сводится к единовременному, краткосрочному порицанию несовершеннолетнего, что не соотносится с характером и степенью общественной опасности преступления. Даже деяния небольшой и средней тяжести имеют достаточную степень опасности, а значит, применение предупреждения противоречит целям уголовного наказания. В связи с этим И. Н. Тюрина указывает на необходимость исключения предупреждения из списка мер воспитательного воздействия. Это связано с тем, что применение предупреждения не

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 04.04.2020).

² Александрова Н. С. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 3. С. 278–280.

предполагает возможность наступления негативных последствий, а значит, эффективность такой меры сводится к минимуму¹. Соглашаясь с позицией И. Н. Тюриной отметим, что предупреждение обладает низким превентивным потенциалом, а значит, и использовать его можно только в совокупности с иными инструментами воспитательного воздействия в порядке, регламентируемом ч. 3 ст. 90 УК РФ.

Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Рассматриваемая мера назначается в том случае, если субъекты, под надзор которых передается подросток, имеют положительное воздействие на несовершеннолетнего, правильно оценивают и объективно понимают опасность совершенного преступления, а также могут обеспечить надлежащее поведение и постоянный контроль над ребенком. Указанная мера является весьма перспективной, однако она нуждается в совершенствовании. В современной редакции передача под надзор не предусматривает никаких негативных последствий для виновного лица, не ограничивает его в правах и не возлагает каких-либо обязанностей². Кроме того, обязанности по контролю за несовершеннолетним передаются от органов государственной власти родителям, лицам их замещающим или специализированным учреждениям. Практика показывает, что в 55 % случаев несовершеннолетние преступники воспитывались в семье с одним родителем. Несовершеннолетние, воспитывающиеся в полных семьях в 65 % случаев находились в антисоциальных условиях с низким уровнем дохода³. Это говорит о том, что родители не смогут в дальнейшем организовать надлежащий надзор за ребенком.

Обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков. Возмещение вреда возможно при следующих условиях: подросток имеет самостоятельный доход (зарботная плата, стипендия, пенсия, другие законные источники) либо соответствующее имущество; обладает трудовыми навыками, позволяющими собственноручно устранить причиненный вред. Рассматриваемая мера с экономической точки зрения не может не может применяться часто. Это обусловлено тем, что немногие подростки имеют свой источник дохода и имеют возможность возместить ущерб. Однако в целом возмещение вреда, причиненного преступлением, отличается эффективностью. При этом есть некоторое противоречие ч. 3 ст. 91 УК РФ и ч. 2 ст. 88 УК РФ. Так, ч. 2 ст. 88 УК РФ указывает на возможность взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего. Однако такая возможность отсутствует при применении к несовершеннолетним рассматриваемого вида принудительной меры воспитательного воздействия, хотя она назначается только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а штраф содержится также в санкциях статей, устанавливающих ответственность за тяжкие преступления. Однако следует отметить, в рамках настоящей работы предлагалось отменить возможность взыскания штрафа с родителей или лиц, их замещающих.

¹ Тюрина И. Н. Пути повышения качества правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 120–125.

² Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия (проблемы теории и правового регулирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31.

³ Бочкарева Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в России и основные направления их совершенствования: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 144.

В данной ситуации соотношение ч. 3 ст. 91 и ч. 2 ст. 88 УК РФ происходит лишь для иллюстрации непоследовательности подходов законодателя¹.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Рассматриваемая мера весьма эффективна, однако система организации контроля за ее исполнением существенно снижает ее потенциал. Сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних фактически не могут контролировать ограничение досуга несовершеннолетнего в вечернее время, выходные дни. Средства и инструменты сбора информации, такие как, проверка по месту проживания учены виновных лиц, опросы родственников, запросы в образовательные учреждения, не отличаются оперативностью².

Любые меры воспитательного воздействия преследуют позитивную цель – оградить подростка от вредных влияний микросреды, а также с помощью контроля нормализовать его поведение. Суд может назначить одновременно несколько видов принудительных мер воспитательного воздействия.

Второй вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности называется с помещением виновного в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. В соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ, несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждения закрытого типа.

Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. Несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года. К числу специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа относятся специальные общеобразовательные школы и специальные профессионально-технические училища закрытого типа отдельно для мальчиков и для девочек. Помещение несовершеннолетнего в эти учреждения является наиболее строгой принудительной мерой воспитательного воздействия, так как в них установлены специальные требования режима и строгий надзор над несовершеннолетними, ограничивающий их свободный выход за пределы школы или училища. По достижении возраста восемнадцати лет воспитанник выпускается из учреждения, если срок его содержания в учреждении не продлен по его же собственному ходатайству для завершения обучения

¹ Осадчая О. М. Некоторые проблемные аспекты применения принудительных мер воспитательного характера по отношению к несовершеннолетним // Концепт. 2015. № 4. С. 146–150.

² Федотова Е. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы эффективности // Известия юго-западного государственного университета. 2019. № 1 (30). С. 78–83.

(после чего содержание в учреждении уже не может рассматриваться в качестве принудительной меры)¹.

Преимущество направления несовершеннолетнего в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, заключается в том, что виновный имеет все возможности для получения психологической, медицинской или социальной реабилитации. В современных условиях рассматриваемая мера является главной альтернативой лишения свободы. Эффективность рассматриваемой меры существенно снижается по объективным причинам. РФ отличается обширной территорией и большим количеством субъектов, все регионы характеризуются различной криминогенной обстановкой, уровнем развития инфраструктуры. Учебно-воспитательные учреждения закрытого типа располагаются не в каждом субъекте РФ, напротив, наблюдается тенденция к уменьшению количества таких учреждений. Некоторые сложности появляются и в самих осужденных — в учреждения могут быть помещены лица от 11 до 18 лет. Полагаем, что совместное пребывание несовершеннолетних различных возрастов в одном учреждении, вряд ли окажет положительное влияние на личность подростков. Несовершеннолетние со стойким общественно опасным поведением прямо или косвенно окажут негативное влияние на детей, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности. Это связано с тем, что личность подростком отличается несформированностью, подвижностью, сознание довольно гибко и подвергается влиянию со стороны окружения. Пребывание несовершеннолетних лиц в учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа должно организовываться на дифференцированном подходе. Вместе с этим, специализированные учреждения могут показать свою эффективность при преодолении организационных сложностей². Необходим комплекс организационных мер, в частности это улучшение обеспечения материально-технического снабжения, эффективное взаимодействие с социальными службами по месту жительства воспитанников, как в период пребывания, так и после его окончания. Кроме того, целесообразно повышать профессиональный уровень педагогов, что позволит сделать процесс перевоспитания более эффективным и качественным.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания возможно двумя путями: применение мер воспитательного воздействия и помещение в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Предупреждение как разновидность меры воспитательного воздействия отличается низкой эффективностью, поэтому целесообразно применять ее в совокупности с другими основными мерами. Передача под надзор родителей или специализированных учреждений нуждается также в совершенствовании, необходимо четко регламентировать порядок организации контроля за несовершеннолетними. Ограничение досуга, как и обязанность возместить ущерб, выступают наиболее эффективными мерами воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. В современных условиях возникает необходимость фактической организации порядка применения мер воспитатель-

¹ Николаева Н. А. Помещение несовершеннолетнего осужденного в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в порядке исполнения приговора // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. № 1 (1). С. 55–62.

² Корягина С. А. К вопросу об эффективности принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной в ч. 2 ст. 92 УК РФ, проблемы ее применения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 91–97.

ного воздействия, а также помещения несовершеннолетнего в воспитательные учреждения закрытого типа. Меры воспитательного воздействия являются перспективными и прогрессивными мероприятиями, которые в условиях совершенствования могут показать эффективность. Их реформирование и развитие считается весьма перспективным направлением для современной уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

СОДЕРЖАНИЕ

II Бизнес-конференция УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Арзамасцев М. В.

Осуществление субъективного права в системе обстоятельств,
исключающих преступность деяния 4

Афанасова М. С.

К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением,
в контексте главы 15.1 УК РФ 10

Буз С. И.

К вопросу корыстной мотивации преступлений в сфере экономики 13

Воронин В. Н.

Проблемы установления признаков субъекта преступления в ст. 124 УК 16

Голикова А. В.

Общественная опасность как критерий криминализации
и признак преступления 18

Голубев С. И.

Критические местообитания для организмов,
занесенных в Красную книгу Российской Федерации:
характеристика и уголовно-правовой статус 23

Даниловская А. В.

Система уголовно-правовых норм о преступлениях
против добросовестной конкуренции:
история развития и современное состояние 27

Дегтерев А. А.

Спорные вопросы толкования объекта в основном составе преступления,
предусмотренного ст. 277 УК РФ 33

Ефремова М. А.

К вопросу об эффективности уголовного-правового
противодействия киберпреступности 39

Забавко Р. А.

Технико-юридические проблемы, связанные
с использованием искусственного интеллекта в уголовном праве 42

Зверева А. И.

Преступления и деликты, посягающие на экологическую безопасность
водных объектов: проблемы разграничения 45

Качмазова А. В.

Перспективные пути совершенствования
российского уголовного законодательства об ответственности
за неисполнение судебных постановлений 49

Милич Иван Д.

Об оценке предыдущей судимости при индивидуализации
уголовной ответственности 55

Мирошниченко Д. В.

Нормативные и логические основания
административной преюдиции в уголовном праве 59

Назаренко Г. В.

Меры уголовно-правового характера:
насушные проблемы и перспективные решения 64

Некоз С. С.

Эволюция законодательства об ответственности
за пособничество в совершении преступления 66

Никуленко А. В.

Перспективы законодательного совершенствования
норм ст. 108 Уголовного кодекса России 72

Никулина В. А.

Информационные преступления в условиях карантина 76

Орешкина Т. Ю.

Кража с незаконным проникновением в жилище,
помещение либо иное хранилище: дискуссионные вопросы 82

Рагулина А. В.

Понятие ятрогенных преступлений 86

Романова Ю. В.

Уголовная ответственность юридических лиц:
необходимость современной российской правовой реальности
и зарубежный опыт 90

Романова А. С.

Характеристика объекта хулиганства (ст. 213 УК РФ) 95

Савенко И. А.

Проблемы квалификации и соотношения служебного подлога
со смежными составами преступлений 98

<i>Сизова В. Н.</i> Институт уголовной ответственности юридических лиц в системе российского уголовного законодательства	103
<i>Смирнов М. А.</i> Отдельные вопросы квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны.....	108
<i>Феоктистов М. В.</i> Имплементация международных обязательств по борьбе с множественностью преступлений на примере России и Казахстана	113
<i>Холева Д. Е.</i> «Восемь тяжких преступлений» по кодексу эпохи Тайхо	118
<i>Штанькова А. П.</i> Понятие аффекта в привилегированном составе убийства.....	121
<i>Щербаков А. Д.</i> Статьи 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: попытка борьбы с Fake News?	124
<i>Штефан А. В.</i> Особенности освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания.....	130

Международная научно-практическая конференция **КАЧЕСТВО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ**

<i>Абакшина Н. А.</i> Социально-экономическое развитие уголовно-исполнительной системы Донецкой Народной Республики: реализация прав человека в условиях изоляции.....	136
<i>Бондарцева О. Г.</i> К вопросу о дистанционном участии подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования.....	139
<i>Валов С. В.</i> Организация субъектами управления обеспечения качества предварительного следствия	143
<i>Григорьев В. Н.</i> О состоятельности в уголовном судопроизводстве России.....	147
<i>Крымов В. А.</i> Сущность уголовно-процессуальных правоотношений и их значение при производстве по уголовному делу	150